

ГОРОДА НАШЕГО КРАЯ

А.И.ЧЕЧУЛИН

АСБЕСТ

...Много на свете городов, с которыми Асбесту никогда не сравниться ни внешним обликом, ни богатой биографией, но он — единственный. Куда бы и на сколько ни забрасывала судьба, дня не проходило, чтобы не вздрогнуло сердце при мысли о родном Урале, сирени на Садовой, 12, матери, закутанной в платок...

Хочу, чтобы и дети поняли это, когда вырастут, чтобы их души терзались теми же думами, что и моя. И пусть будет для них этот край не проклятым местом или вселенским раем, а землей, на которой хорошо работается и легко дышится...

СВЕРДЛОВСК
Средне-Уральское книжное издательство
1989

ГОРОДА НАШЕГО КРАЯ

А.И.ЧЕЧУЛИН

АСБЕСТ

**СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1989**

ББК 63.3(2Р36)
Ч-57

В 1989 году исполняется 100 лет городу Асбесту. Писатель Алексей Чечулин, житель этого города, рассказывает в своей книге об истории открытия Баженовского месторождения «горного льна», благодаря которому и появился Асбест, о перспективах и проблемах развития города и его людях.

Редактор М. Э. Чупрякова

Ч $\frac{0803010401-024}{M158(03)-89}$ 75-89
ISBN 5—7529—0168—5

© Средне-Уральское книжное
издательство, 1989.

ПОД СТАРЫМИ ТОПОЛЯМИ

Замысел этой книги, как ни странно, родился по соседству с Полярным кругом.

Несколько лет назад по командировке ЦК ВЛКСМ поехал я с писательским десантом на знаменитое Уренгойское месторождение газа, где берет начало экспортный газопровод Уренгой—Ужгород. Здесь, на крайнем севере Тюменской области, все было в диковинку: и бесконечная ночь, и дикий даже для коренного уральца мороз, и фантастически неуютная тундра. Но люди, съехавшие сюда со всей страны, спокойно и уверенно обживали немеренные версты.

Где-то возле Хетты, временной ставки известной бригады лауреата Государственной премии Бориса Дидука, пришлось заночевать в балке сварщиков—погода выдалась нелетной, обещанный Надымом МИ-6 не появился. И, как водится в чужих краях, попытался отыскать земляков. Опыт подсказывает, в далеких странствиях уже тот земляк, до кого по карте, как насмешничают шоферы, целая монтировка. А тут бригадир возьми да и скажи:

— Есть у нас один парень из Свердловска, Гошей звать. Так он все своим городом похвалится, дескать, промышленный, научный и культурный центр, Уралмаш, опера, музкомедия и все такое...

Заглянул я в соседний балок и глазам не поверил—Гоша оказался моим старым школьным товарищем. Он сразу после армии на большую

стройку подался в Сибирь, а после след потерялся. И вдруг — такая встреча.

Поговорили мы с ним о жизни за вечерним чаем (впрочем, здесь можно толковать и за утренним, и за обеденным, и еще за каким хочешь — на трассе «сухой» закон). Вот уже лет пятнадцать «лазит» Гоша по северам. Разряд высший, денег достаточно, работа в радость — чего еще? С женой, правда, не все ладно получилось, да что теперь...

— А как там наш Асбест? Стоит еще?

— Стоит. А почему ты всем говоришь, что родом из Свердловска?

— Чудак человек, а как же иначе, — искренне изумляется Гоша. — Ну сам посуди, кто Асбест знает? Так разве, случайно. А Свердловск — это промышленный, научный и культурный центр, Уралмаш...

— Опера, — подхватываю в тон, — музкомедия и все такое прочее...

Гоша сконфузился. А я и сам тут же устыдился: пришло на ум, как в студенческой юности в далеком южном городе тоже именовал себя свердловчанином, поскольку до Свердловска всего девяносто километров, а иной визитной карточки и желать не надо.

Ревел за стеной приполярный январский ветер, рыскал по темной тундре, как песец. Наверняка еще день-два не смогут подняться в воздух вертолеты. А здесь, в жарко натопленном балке, занесенном со всех сторон снегом, сорокалетний бородатый Гоша, поплутавший по необъятной Сибири, продубленный его величеством Севером, нежно вспоминал родной уральский город, единственное место на земле, где душа его обретает чувство истинной родины, где шершавые тополя запо-

нились как добрые няньки над скрипучей зыбкой, а грозвые раскаты невозможно отличить от взрывов в карьерах.

...Закрою глаза и вижу: озеро плещется у огородов, слева и справа — отвалы, поросшие мелким березнячком, а там, за неуклюжим вагонным депо, за каютками, как кто-то метко окрестил еще в давние времена домишки горняцкого люда, за пересверком узкоколейки, начинался разрез — так старики именovali карьер — это первое и едва ли не самое важное впечатление от детства, врезавшееся в память основательно и на всю жизнь.

Тогда казалось, что огромная и глубокая ямища, которую день и ночь копают экскаваторы, скоро поглотит окрестную природу, наш поселок под старыми тополями, Талицкое озеро да и сам город, приветно мигающий золотыми вечерними огнями. А на самом деле карьер в ту пору был небольшим и неглубоким.

Шумели над головою старые раскидистые тополя, плыли причудливые облака, и чуть ли не ежедневно к их ленивой стае пристраивалось еще одно облако — тяжелое, желто-грязное, медленно ползущее за своими белоснежными собратьями (хотя совсем не обязательно, что за ними — все зависело от направления ветра). Перед тем как этому облаку появиться, в разрезе гремели взрыв за взрывом, от которых еще ниже прижимались к земле, словно ища у нее защиты, и без того приземистые избы. И замолчавшие было экскаваторы снова оживали: скрипели надсадно канаты, гулко падали в кузова вагонов жилистые камни, сигналили электровозы...

Шумели над головою старые раскидистые тополя. И мы, пацаны, не думая об опасности, загля-

дывали в карьер, норовя подобраться к самому краю, чтобы лучше угадать забой, где сейчас робят отцы и матери. Только один Юрка Конев точно знал, что искать ему некого,—воспитывала его бабушка, ворожея и знахарка, лечившая поселковый народ душистыми лесными травами. А мой родитель был забойщиком, как моряк бывает моряком, лесник лесником. Он добывал кайлом круд — отборный асбест, его очень ценят горняки. Не ведая о множестве вещей на свете, дети нашего поселка были накоротке с этим геологическим термином.

Конечно, каждый из нас гордился, что его отец обошел другого в работе вчера или сегодня. В забой, только в забой! — естественная потребность горняцких мальчишек, словно иных профессий не существовало, а были лишь такие близкие и понятные, как забойщик, машинист экскаватора, буровик...

— А может, робя, лучше всего взрывником?

Мечтания всегда прерываются неожиданно. На этот раз их нарушил сигнальщик с красным флажком:

— Эй вы, черти полосатые! Кыш отседа сей секунд! Взрывать будем!

С этим не поспоришь, надо уходить. Ишь, раскричался, командир какой. А сигнальщик дядя Федя съешь медведя, добрей человека нету, свирепо орет вслед:

— Уши оборву!

Потом уже, когда взорвут, подойдет дядя Федя, извинительно побряхтит в сморщенный кулачок и скажет для порядка:

— И что вас сюда манит? Асбеста, что ли, не видели?

Асбест у нас повсюду под ногами. Серые и

зеленоватые камушки с серебристыми прожилками валяются где попало, даже в отвалах их полно — сказывают, это бедная руда, фабрики ее не берут. И город, который за карьером, называется Асбест. Нет, не понимает нас дядя Федя.

— Ты это брось, он все понимает, — отец устало снимал с пропыленных плеч брезентовую робу, садился на крылечко, чтобы ловчее скинуть сапоги. — Должность у него такая, вот и гоняет вас. Что, опять камни в разрез бросали?

Отворчавшись, родитель брал в руки «Правду» и вслух читал о положении дел на земном шаре, поджидая, пока мать собирала на стол. А вскоре приходили, сдав машины сменщикам, старшие братья Николай и Семен. В сорок первом они в 13—14 лет сели за рычаги экскаваторов, теперь — машинисты бывалые, их портреты на рудничной Доске почета.

Все трое дружно фыркали под умывальником, вытирались свежими рукотерниками и усаживались за небогатый ужин. Нас, младших галчат, они попросту не замечали, и мы входили в их положение — не лезли на глаза, чтобы раньше времени не схлопотать пенделя, как по-нашему звучало пенальти из входившего в моду послевоенного футбола.

Потом братья уходили в березняки на отвал, прихватив хромку с цветастыми мехами — утеху поселковых девчат. На отвале хозяйки днем заготавливали веники, а по вечерам молодежь устанавливала свою диктатуру. Малыши кидались туда же, но, получив отпор, отправлялись на берег озера, где уже подремывали камыши да покачивались натруженные за день рыбацкие лодки.

Лежа на упругой траве, думал я в меру разума своего о будущей жизни. Вот вырасту, куплю гар-

мошку, шелковую рубаху, как у братьев, заведу хромовые сапоги и тоже на отвал, только не стану гонять ребят, пусть вместе с нами через костер прыгают, в «глухой телефон» играют.

Сверстники по домам разбежались, загустел вечерний воздух, а вот и первые звезды проклюнулись. Ярче горят огни на отвале, звонче частушки. И в то же время дрожат в небе сполохи от прожекторов в разрезе, заливаются визгом тросы экскаваторов, доносятся мерные удары кувалды в депо.

Хорошо было жить под эту привычную музыку подступающей ночи: хотелось бегать в школу («а вдруг в инженерá выйдешь...»), встречать из стада корову Жданку с белой неправильной звездой на темном курчавом лбу, дружить с ребятами, вставать вместе с солнышком, поднимающимся из глублины темного леса за парным озером...

— А, вот ты где, варнак! — слышалось над самым ухом. Это голос матери. Боже, какая она была молодая!

Она брала меня теплой рукой за локоть. Шли топким берегом, кое-где оскальзываясь в ямки с водой, оставленные коровьими копытами. На душе было покойно, проходила зависть к большакам. Да и чему завидовать? За смену упластаются, в карьере ведь несладко приходится. Никому еще не ведомо, что вскоре на экскаваторе Семена случится авария: огонь охватит его промасленный комбинезон. Николай, работавший рядом, потушит пламя, забросав брата песком. Много дней и ночей будет бороться со смертью молодой организм и выстоит. Но это испытание — впереди. Пока же я совсем неожиданно чувствую слезы. С каким-то облегчением, словно выплескивая из себя все дурное, всхлипывал я, облизывая соленые губы.

Мать крепче сжимала руку:
— Дурачок-то какой, вот дурачок...

Далекие, безвозвратные годы. Нет Талицкого поселка, а озеро, именем которого он назывался, завалили отвалом, затем сюда подошел карьер и вычерпал ковшами и отвал, и наши каютки, и старые тополя, под которыми узнал я вечерние слезы, выступившие не от боли, а потому, что живешь на свете, кому-то нужен и тебе нужны другие люди, как нужен и этот с детства родной карьер, не будь которого, и судьба бы сложилась иначе, и этот камень с серебряной начинкой, ради которого жили и умирали и мои родичи, и все те, кто так же накрепко привязан к здешним местам.

Что это, спрашивал я себя и не находил ответа. Помню — чувствовал под сердцем землю, родившую зеленые тополя, студеное озеро, мать мою, тихую и беззаветную труженицу, воспитавшую пятерых сынов и пережившую двух из них.

А может, придумалось все? Старшие нередко посмеиваются до сих пор, когда я вспоминаю, как шести лет бежал за машиной, увозившей в последний путь дядю Федю — сигнальщика. Я даже сейчас не забыл, как на глаза мне спадает рыжая кубанка и мешает бежать...

Что мы, без памяти? Стоит ли жить, если ничего не помнить?

Земля наша была до нас, останется и после. А будут ли помнить о нас потомки, если мы забудем тех, кто раньше жил вот тут, у этих карьеров, у неторопливого Рефта, что бежит, как и тысячи лет назад, подмывая пологие берега?

Так и запала думка: пока горячо, пока свежо в голове, записать без лукавства и прошлую, и

нынешнюю жизнь. Без связи с прошлым цепь разрывается. По себе сужу. Горько, но раньше своими корнями не интересовался, а любопытствовал — знающих не оказалось, собрал материал только о дедах и прадедах, но ведь и у них были свои деды и прадеды, те, что перебрались на Урал из центральных губерний России. Кто они? Какими были? Мучительно и больно задавать вопросы, на которые не сыскать ответов.

Наверное, и в судьбе городов случается нечто подобное.

И чувство неудовлетворенности не оставляет, когда начинаешь осмысливать нравственные уроки прошлого, ответственность перед теми, кого мы сменили в истории. Хочется верить, что в нашем городе, который с гордостью именуем асбестовой столицей мира, будет увековечена память о первооткрывателе русского асбеста Софроне Согре и скромном инженере Алексее Ладыженском, обнаружившем Баженовское месторождение. А на великолепном Дворце пионеров появится мемориальная доска примерно такого содержания: «Здесь в годы Великой Отечественной войны героически трудился коллектив Уральского завода асбестовых технических изделий, завоевавший на вечное хранение Красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР».

Не забыт в Асбесте и первый председатель Совета, незаурядный организатор промышленности, литератор Александр Давыдович Ильин. После гражданской войны в честь большевика назвали один из районов. Да вот беда — попала в последние годы Ильинка в зону сноса, карьеры наступают. Все короче становится и улица Ильина в центре города: индивидуальные дома уступают многоэтажному жилью. Очевидно, надо подумать о том,

чтобы сохранить в сердцах людей фамилию славного революционера.

Теперь уже нет очевидцев чрезвычайного происшествия, случившегося на асбестовых приисках 15 августа 1907 года. Группа вооруженных маузерами людей напала на контору Поклевского рудника. В перестрелке с полицией двое были убиты, двое ранены. Перед смертью они признались, что пришли не грабить, а экспроприировать хозяйскую кассу для нужд лбовского партизанского отряда. Долгое время жандармерия ловила в уезде сподвижников храброго рабочего атамана.

А рядом с самим Александром Лбовым можно поставить разве что Григория Котожского. Один из руководителей Мотовилихинского восстания в декабре 1905 года, Лбов дружил с большевиками, но в политическом отношении был человеком незрелым, хотя и крайне симпатичным народу бунтарем, выступавшим под красным флагом. Его выдал охранке провокатор.

Нет сомнения, что появление лбовцев на асбестовых приисках не прошло незамеченным для революционного воспитания рудокопов, участников первых нелегальных кружков.

Земля родная. Были и праздники, и будни, но всегда и во все времена лишь ты одна была права. Меркло наносное, несправедное, оставалось неизменное — родина.

С землей, на которой мы живем, связано несколько единичных, редчайших даже в мировой практике открытий.

Именно у нас, при впадении речки Токовой в Рефт, смолокур Максим Кожевников нашел первые русские изумруды. Было высказано предложение — в честь бесценной находки установить на Токовой мраморный бюст смолокура, но оно уто-

нуло в море имперской бюрократии. Так и не сыскал Кожевников прижизненной славы. Да и мы, дальние потомки, кроме специалистов-историков, не все знаем, чем обязана Россия простому смолокуру.

Нелюбознательность надо искоренять, события запечатлевать по свежим следам.

Возьмите Белоярскую атомную электростанцию. Сейчас она — гордость всего Союза, но нелишне помнить, что в шестидесятые годы к ее строительству приложили руки и асбестовцы. Одно время парторганизация энергостроителей входила в веденье Асбестовского ГК КПСС.

Вот и выходит, что Асбест далеко не провинция: родина российских изумрудов, крупнейшее на планете месторождение горного льна, «крестный» уральской атомной энергетики...

Много на свете городов, с которыми Асбесту никогда не сравниться ни внешним обликом, ни богатой биографией, но он — единственный. Куда бы и на сколько ни забрасывала судьба, дня не проходило, чтобы не вздрогнуло сердце при мысли о родном Урале, сирени на Садовой, 12, матери, закутанной в платок...

Хочу, чтобы и дети поняли это, когда вырастут, чтобы их души терзались теми же думами, что и моя. И пусть будет для них этот край не проклятым местом или вселенским раем, а землей, на которой хорошо работается и легко дышится, потому что за это право уже заплачено нашей фамилией, дальними и близкими родственниками, лежащими на погосте. И мы должны платить за право жить на ней.

Малая родина! Какая она малая, если вмещает столько любви, тревог, судеб!

Из таких Асбестов и Белоярок состоит Рос-

сия. Такая немыслимо огромная, что выдохнешь ее имя — дыханием ослабеешь и сердце займется. И, чудится, десятилетий не хватит, чтобы о том рассказать.

ЗЕЛЕН КАМЕНЬ

Как в Свердловске — в Исторический сквер, как в Кушве — на железную гору Благодать, так в Асбесте дорогих гостей ведут первым делом в геологический музей.

Основанный полвека назад, он уникален, несмотря на малую площадь. Всего 2 тысячи экспонатов, но каких! Весь самоцветный Урал вместился под крышу этого выставочного зала. Все, чем богат наш горнодобывающий край, представлено здесь многоцветьем камней — от медного колчедана с его золотым сиянием до не отшлифованного гранильщиками тускло-зеленого изумруда.

Но главное — асбест, этот мягкий волокнистый камень, давший название городу. Тот самый камень, о котором известный советский поэт Степан Щипачев, хлебнувший в царскую эпоху лиха на сезонных работах, написал стихотворение «Камень-змеевик». Оно начертано на одной из стен музея, словно эпиграф к удивительному собранию серпентинитов.

Я трогаю его руками
В музейной нежилой тиши.
Асбестовым сверканьем камень
Весь искраплен и весь прошит.
Его загадка не простая,
Но все ж разгадана она,
И я стою, стою, читая
На нем планеты письмена.

Стихотворение это было задумано поэтом в

день знакомства с Асбестовским геологическим музеем и по праву принадлежит его фондам как своеобразный экспонат.

Камни с «письменами планеты». Даже несведущему в них человеку остается только ахать, разглядывая коллекции первозданных и уже обработанных образцов горного льна. А специалисты и геологи, острым оком оценивая минералы, профессионально любят волокно, прикидывают возможности его применения в том или ином изделии.

Вот глыба, доставленная прямо из забоя, она оцетинилась белесыми иглами, точно дикобраз. А гладкий, знакомый с камнерезным станком образец — чем не темно-зеленая плитка малахита или величавого мрамора? Право слово, не уступает в красоте асбест именитым камням. А уж легенд на его долю выпало столько, что диву даешься — никакой самоцвет не устоит.

Издавна асбест был овеян дымкой таинственности.

«Есть камень, который растет в пустынях Индии, обитаемых змеями, где никогда не падает дождь, и поэтому он привык жить в жару. Из него делают погребальные рубашки, чтобы заворачивать трупы вождей при сожжении их на костре; из него делают для пирующих салфетки, которые можно раскалить на огне...» — писал Плиний Старший в «Естественной истории». Но и задолго до рождения знаменитого римского писателя, историка и ученого асбестовая ткань шла на изготовление одежды для служителей религиозных культов, чтобы как-то выделить их во время богослужения из толпы простых смертных.

При жизни Марко Поло был развенчан миф о том, что асбест — это шерсть саламандры, зага-

дочной ящерицы, живущей в огне. Но и до сих пор на всех языках наш камень именуется змеевиком. Потому, наверное, что цвет его зеленый, с различными оттенками, крапинками, реже медово-желтый, иногда черный.

«Нежную каменную ткань» (определение Плутарха) в конце восемнадцатого века испытывали в Стокгольмской королевской академии. Получила она распространение и на Пиренеях. В те же годы в итальянском Пьемонте появляются асбестовые кружева, бумага, предметы туалета...

Так в жизнь Западной Европы вошел расколдованный минерал. Его название по-гречески значит «неугасимый». В древности фитили светильников, изготовленные из асбеста, практически не угасали.

А в России асбестовая промышленность развивалась своим путем. Первые документальные свидетельства об открытии на Урале каменной кудели содержатся в донесениях главного начальника Уральских заводов В. В. Геннина императору Петру I.

Крепостной крестьянин Софрон Согра, приписанный к Невьянскому заводу Никиты Демидова, нашел каменную куделю в 1720 году в демидовских угодьях. Вскоре здесь развернулось асбестовое производство: добыча минерала и ткачество из него чулок, кружев, дамских сумочек, перчаток... Асбестовая рукавичка восемнадцатого века и до сей поры хранится в Минералогическом музее Академии наук СССР.

Трудно удержаться при этом от соблазна переписать одно ставшее хрестоматийным предание...

Сияла и серебром отливала излаженная невянскими мастерами чудо-скатерть, преподнесенная Никитой Демидовым российскому монарху. После деловой беседы пригласил Петр уральского заводчика к столу, накрытому нарядной скатертью,

отведать заморского зелена вина. И оплошал при этом Демидов: залил полотно густым ликером. Говорят, омрачился государь, а уралец снял скатерть да в камин горящий бросил. Не успел царь разгневаться на сию дерзость, как Демидов скатерть вытащил, встряхнул и вновь постелил — как новая стала.

С легенды спрос невелик, но от истины она недалека. Петр I крайне заинтересовался волшебным камнем. Сохранились указы самодержца, в которых он требовал от Никиты Демидова прислать ему «несгорающего холста», а также «ведомость обстоятельную, где оный камень добывается и много ли того камня, из которого ткутся несгораемые полотна». Известна и «отповедь с бранью», которую прислал Петр I тому же Демидову, когда тот замешкался с ответом.

Слава «сибирского» асбеста стала всеевропейской. В 1729 году обер-секретарь сената И. К. Кирилов, выдающийся географ и картограф, напечатал в Лейпциге статью об асбестовом производстве на Урале, а позже в одном из справочников по минералогии особо подчеркивалось, что асбестовое полотно, вывезенное из России, ценилось за границей необычайно высоко, оно превосходило по качеству льняное.

Невьянское производство просуществовало недолго. Уже в 1742 году натуралист Иоганн Гмелин, побывавший в царстве Демидовых, отмечал: «Копи эти оставлены...» П. С. Паллас через четыре с лишним десятилетия обнаружил в Невьянске только одну старуху, которая еще знала секреты ткачества из камня.

Но прекрасному ремеслу на Урале суждено было возродиться. Не оскудел Каменный Пояс на щедрые кладовые и мастеровитых людей. Прош-

лое столетие и особенно нынешний век — это ренессанс добычи и применения «шерсти саламандры». Этого просто не могло не произойти. Судите сами. Нет в природе такого минерала, который обладал бы столь богатой совокупностью свойств, как асбест. Не появилось и искусственное вещество, полностью его заменяющее, несмотря на обилие материалов, изобретенных в век научно-технического прогресса.

Что это за необыкновенные свойства?

Асбест расщепляется на тончайшие волокна, рассмотреть которые можно только под электронным микроскопом, увеличивающим в 200—300 тысяч раз.

Изготовленный из этих волокон фильтр имеет около 200 миллионов отверстий на одном квадратном сантиметре и обладает способностью не только очищать жидкости от механических примесей, но и задерживать микроорганизмы.

И наконец, что крепче — проволока из лучшей марки стали или того же сечения (допустим, один квадратный миллиметр) недеформированное волокно горной кудели? Сталь выдерживает нагрузку в 100, 150, 200 килограммов. Но 210 килограммов ей не по силам. Асбест же «выжимает штангу» весом до 300 килограммов.

Добавим, что асбест не пропускает тепло и служит надежным электроизолятором.

Более 3 тысяч изделий содержат в себе асбест. Он в полном смысле повсюду — в бумаге для особо важных государственных и исторических документов и денежных знаках, в трубах и шифере, в космических кораблях и современных автомобилях, в одежде пожарных и горноспасателей, в театральных занавесах и картоне...

Геологический музей в числе своих достопри-

мечательностей демонстрирует продукцию Уральского завода асбестовых технических изделий: тормозную ленту, колодки МПС, различные накладки, асбошнур, асботкань, прокладки и многое другое.

Такой он, камень-змеевик, пропущенный через множество машин до той поры, пока не превратится в легкий пух, именуемый сортовым асбестом. От желто-бурого до белоснежного цвета, от мягкого хлопка до грубой ваты — вот внешние приметы горного льна, собранного в музей с рудников всего мира: из Китая и Болгарии, Югославии и Кореи, Финляндии и Родезии, Канады и Монголии, Индии и Италии... Но, конечно, богаче других представлены месторождения Советского Союза: Урал, Тува, Казахстан, Бурятия — основные поставщики волокнистого минерала отечественной промышленности.

И нам, уральцам, неожиданно это собрание минералов, а каково иностранцам! Еще в 1937 году здесь побывали делегаты XVII Международного конгресса геологов. С тех дней записи на иноземных языках в книге отзывов встречаются ежегодно. Тут и английский, и чешский, и польский, и финский, и прочая, прочая... И в каждом отзыве дышит неподдельное восхищение богатствами Урала, баженовским асбестом и людьми, породнившимися с ним.

Великое наследство оставил родному городу геолог Константин Емельянович Тарасов, основатель геологического музея, великолепный знаток земли и открыватель нескольких асбестовых залежей, автор ряда научных работ по геологии Баженовского месторождения. Его портрет открывает галерею ученых, причастных к асбестовой промышленности, — патриархов геологии А. Е. Ферсмана, А. П. Карпинского, В. А. Обручева. Напом-

ним, что именно Ферсману принадлежит идея строительства специального здания под геологический музей в Асбесте.

Горняки нашего города чтят заслуги и того, кто покоится на Ивановском кладбище Свердловска под чугунной плитой с короткой, но многозначительной вязью: «А. П. Ладыженский. Первооткрыватель Баженовского месторождения асбеста. 11 февраля 1853—1919».

Алексей Павлович Ладыженский, в лице которого уживались блестяще образованный, рафинированный интеллигент дворянского происхождения и неутомимый бродяга-топограф, родился в Новосильском уезде Тульской губернии, диплом получил в Москве, но как неблагонадежный был выслан на Урал. Тридцать пять лет отдал он изучению природных богатств горнозаводского края, участвовал в экспедициях по составлению карт местности, открыл кроме асбеста (1885) ряд других полезных ископаемых.

Как показали поиски свердловского краеведа В. Синцова, топограф-землемер был еще и поэтом романтического склада. Чувствуя ветер перемен, он записал в походный дневник накануне Великой Октябрьской социалистической революции взволнованные строки, пришедшие во время ночных раздумий:

Чужды мне юности сладкие грезы,
Горю они ведь не могут помочь.
Вижу страданья, народные слезы,
Родины милой гнетущую ночь.
Как тяжела эта ночь без привета,
Спишь ты глубоко, родная страна...
Скоро ль взойдет над тобою луч света,
Скоро ль проснешься от сна?

Будили страну «от сна» и дети А. П. Ладыженского. Он вырастил четырех сыновей и дочь. Вто-

рой по старшинству сын — Павел Алексеевич Ладыженский, большевик с 1918 года, был первым советским директором самого крупного в Екатеринбурге механического завода Ятеса (ныне завод транспортного машиностроения имени Свердлова). Сергей Алексеевич Ладыженский защищал завоевания Октября на фронтах Великой Отечественной войны. Он подарил асбестовцам портрет своего отца, и теперь фотография первооткрывателя Баженовского месторождения экспонируется не только в областном историко-революционном музее, но и в Асбесте.

Не прошли мимо колоритной фигуры А. П. Ладыженского и уральские живописцы. На картине Н. П. Иванцова «Открытие землемером Ладыженским Баженовского месторождения асбеста», написанной в 1945 году и хранящейся сейчас в Асбестовском геологическом музее, Алексей Павлович изображен в тот момент, когда из шурфа извлечена удачная проба породы. Чувствуется, Ладыженский изумлен, он обрадован находкой, не зря с теодолитом мотался по таежным урманам. Довольны и его спутники: деревенский землекоп и подросток с геодезической рейкой.

Более всего в этой работе привлекает внимание вихрастый мальчишка в ситцевой рубашке. Не Пашка ли Медведев изображен художником? Именно таким и воображал я юного кладоискателя из одной дошедшей до нас версии открытия месторождения, одной из бесчисленного множества других, бытующих в окрестных местах. Как и во всех изустных преданиях, здесь главенствует принцип: один старожил слышал от другого, а тот — от третьего долгожителя, а тот... Но тем-то и прелестны легенды, что реальность в них смешивается с яркой народной выдумкой и необязатель-

ностью подтверждения истины. Вот и картина Иванцова: открытие произошло зимой, а художник увидел летнюю пору.

...Обоз из Ряпосовой приехал на Щучье озеро под вечер. Мужики чуток отдохнули с дороги, покурили и принялись за дело. Из камышей вытащили плоскодонку, разобрали сети. Пока Пашка раздувал огонь, его отец, бородатый Корнила, уже заканчивал устанавливать снасти. Сидевший на веслах Егорка Квашнин завистливо наблюдал за приятелями, ходившими с бредешком по мелководью. Когда они вытаскивали облепленный тиной бредешок на берег, в закатных лучах солнца вспыхивали золотистые караси.

Похлебав свежей ушицы, рыбаки расположились на ночлег. Но спать не хотелось, да и квашнинские байки о леших и ведьмаках, водившихся в тайге, заставляли мужиков поеживаться и подвигаться поближе к костру. Ночь прошла благополучно. И удача мужикам привалила: набили полные короба знаменитыми карасями. С тем и двинулись в путь, забросав короба озерной грязью, тиной, чтобы рыба не испортилась, заложили сырыми мешками, старенькими половиками.

Обоз двинулся по Липняжной дороге, но через версту остановился. Это задний сосед крикнул Медведеву: «Корнила, смотри-ка, шина съехала!» Корнила огляделся, нет ли поблизости камней, топор-то под корзинами, не достать. А ушлый Пашка уже тащил увесистый булыжник. Раз и другой стукнул мальчишка по изогнутому гвоздю, которым предстояло закрепить шину на ободе, а гвоздь не поддается, только камень как будто мягче стал. Еще удар — и булыжник развалился на части. Пашка растерялся: камень распушился, как бабушкина куделя.

Удивленный Корнила сжал обломок могучей рукой, и тот на его глазах расслоился, поблескивая под солнечными лучами. Никто из крестьян сроду не видел, чтобы камень в ладони мочалился. А Корнила смекнул: не простой камушек, надо грамотным людям показать. И Пашка бросил несколько булыжников на телегу про запас и еще долго не мог прийти в себя.

Домой добрались и про находку забыли: дел с рыбой оказалось немало. Только через день наткнулся Пашка на камни со Щучьего озера и напомнил о них отцу. Кому показать? В Ряпосовой грамотеев нет. Отставной матрос Еремеич, инвалид Крымской войны, повертев камушки так и сяк, авторитетно изрек:

— Стало быть, мужики, окромя батюшки, никто не разберется в этом чуде.

Пришлось отправляться в село Знаменское. Тамошний поп даже очки на лоб нацепил, но ничего дельного не сумел объяснить любознательной пастве. Хотелось ему явить мужикам образованность, чтобы больше почитали святую церковь, но, увы, в семинарии горное ремесло не проходят.

— Вот что, братцы,— признался священник,— не сподобил меня господь, везите в Екатеринбург, там отменные мастера по камню есть.

Мужики сразу же за шапки. Хлеб убирать надо, а тут такая обуза, связались на свою голову. Уловил батюшка смятение, отпустил с миром, а когда случилось ехать к архиерею, прихватил и странные камни, чтобы показать кому следует.

Что с ними дальше было, никто не ведает. Словно в воду канули.

Только года через три появился в деревне человек, называвший себя инженером. Он живо интересовался у Корнилы Медведева и других кре-

стьян обстоятельствами и местом находки необычного камня. Тем же летом созвал он охотников на разведку. Смышленный мальчишка тоже ушел с инженером бить шурфы на берег Щучьего озера.

Об этом и напомнила музейная картина. Кто знает, не был ли тем инженером Ладыженский? Возможно. А то, что Павел Корнилович Медведев личность достоверная, сомнений не вызывает. Старожилы встречали его перед Великой Отечественной войной. Был хорошо знаком с ним и Михаил Семенович Шилов, с которым доводилось мне видеться на склоне его лет. Интереснейший человек, он пришел на добычу асбеста четырнадцатилетним кувалдовщиком в 1890 году. Как сам любил говорить, трех императоров пережил. Также в своем роде Пашка-кладоискатель.

Молва хороша, но подлинные документы лучше. Как же произошло открытие Баженовского асбестового месторождения на самом деле?

И вот здесь-то передаю повествование знатокам этой истории краоведам Павлу Никитину и Николаю Рубцову.

УРАЛЬСКИЙ КЛОНДАЙК

В 1886 году в Петербурге была организована «Русская мануфактура асбестовых и разных технических изделий», работавшая на канадском и частично на итальянском сырье.

Инженер М. П. Мельников в том же году публикует в «Горном журнале» обстоятельную статью «Асбест и его разновидности в историческом, минералогическом и промышленном отношениях». В ней он убедительно доказывал необходимость использования русского асбеста для нужд нарождающейся отечественной промышленности.

«Что же касается Урала,— писал Мельников,— то, принимая во внимание частое нахождение и мощное развитие в нем змеевиков, а также многочисленные месторождения асбеста, можно быть вполне уверенным, что рано или поздно, но у нас найдутся прекрасные залежи этого полезного ископаемого».

Пророчество Мельникова было основано и на открытии годом раньше к северо-востоку от уездного Екатеринбургa Баженовского месторождения асбеста, расположенного среди лесов и болот на стыке Каменской, Режевской, Монетной и Березовской лесных дач.

Чсть открытия Баженовского месторождения принадлежит Уральскому обществу любителей естествознания (УОЛЕ), основанному в Екатеринбургe в 1870 году. Это общество проводило большие поисковые работы, в том числе и на асбест.

В последние годы в Свердловском государственном архиве обнаружены документы об отводе золотых приисков Николаевского, Тихвинского и Говорухинского, расположенных по Безымянному логу, впадающему в Кудельное болото. Безымянный лог пролегал с запада на восток. И здесь 10 октября 1884 года младший землемер горного управления Урала Николай Закожурников отвел Говорухинский золотой прииск немецкому подданному И. П. Геллю. При этом в двух шурфах был найден асбест. Находка вообще-то не из разряда чрезвычайных, выход минерала мог быть делом случая, и землемер особого значения ей не придал. Но любознательный Ладыженский, получив сообщение коллеги, сразу же загорелся. Он обратился к начальству за разрешением на проведение разведочных работ.

Ладыженский открыл первый асбестовый при-

иск в феврале 1885 года. В архиве сохранилось его заявление помощнику ревизора россыпных золотых приисков Пермской губернии о том, что 23 февраля с рабочими Трофимом Бутаковым, Елистархом Бутаковым и другими жителями Белоярской волости он прибыл на Кудельное болото и, «найдя эту местность свободной, поставил разведочные столбы по направлению к Талицкому озеру на протяжении 1,5 версты».

Разведка показала наличие в змеевиках горного льна.

Заявление Ладыженского написано 25 февраля,— значит, открытие произошло 23—24 числа.

За первой заявкой последовали другие. Через год числилось десять приисков, названных Вознесенскими. Они принадлежали А. П. Ладыженскому, президенту УОЛЕ О. Е. Клеру и швейцарскому подданному Ивану Меннету.

Затем заявки на четыре прииска сделали А. А. Кремлев, действительный статский советник, и К. Э. Кремлева, его супруга.

Члены УОЛЕ, не начав разработки, продали прииски французскому барону Жирарду де Су-кантону. Вскоре чета Кремлевых, на рудниках которых были добыты в 1889 году первые 900 пудов баженовского асбеста, также уступила свои владения влиятельному французу, ставшему владельцем более тысячи десятин, начиненных редким минералом.

Асбестовый Клондайк манил к себе предприимчивых промышленников, авантюристов, ловкачей, жаждущих скорой наживы. В числе первых объявился здесь Викентий Поклевский-Козелл, сын известного на Урале монополиста-виноторговца. Не утерпел испытать фортуны и ссыльный польский дворянин Павел Корево, причастный некогда

к восстанию 1863 года, а теперь искатель сокровищ.

Вот далеко не полный список тех, кто имел и разрабатывал асбестовые прииски: потомственный дворянин Российской империи Александр Казанцев, прусский подданный Иоганн Гелль, граф Стенбок, мещанин Владимир Дуров, купцы Алексей Щербаков и Владимир Ишменецкий, дворянка Маргарита Лукашевич, швед Эдвин Свердберг, авантюрист из Бразилии Бруно Жирар де Вильяр, барон Кусов, лодзинский торговец Ян Як, итальянец Джироломо Валескини и «действительный студент» Николай Магницкий...

Как мухи на мед, слетались они со всей России, со всей Европы и даже, как видим, из Латинской Америки на лакомый русский асбест, которому и цену пока не знали. А цена между тем продолжала расти. Асбест и вырабатываемые на Поклевском прииске асбестовые изделия уже в то время отгружались в Москву, Петербург, Варшаву, Ригу, Ревель, Либаву, Нижнетагильским и Луньевским заводам наследников Демидовых, в Пермь и Казань, Катав-Ивановским заводам и за границу.

При повышенном интересе к асбесту со стороны потребителей и торгующих фирм росли аппетиты асбопромышленников. Так, в 1900 году асбестит (смесь низшего сорта асбеста с белой глиной) стоил 90 копеек за пуд, а вскоре его продавали уже по рублю.

Росли цены и на добытый асбест, и на асбест, лежащий в недрах. В основе частных сделок лежал принцип «кто кого обманет». Да, собственно, и контролируемые законом договоры были далеко не безгрешными, недаром бытовало в среде промышленников неписаное правило: «Закон перешагнуть нельзя, обойти можно».

Такова история открытия и первых лет эксплуатации Баженовского месторождения асбеста.

А теперь — немного о технологии ведения горных работ до революции, чтобы было с чем сравнивать день сегодняшней.

Рудники осваивались вручную. Кайло, лопата, лом, кувалда, клин — весь инструмент тогдашнего горняка. Только в 1896 году на прииске Поклевского появилась первая паровая машина для механического удаления воды из разреза. В начале века стали применять порох и динамит. Правда, в смехотворно малом масштабе. За весь 1901 год Поклевский-Козелл истратил «12 фунтов динамита, 10 аршин фитиля и одну коробку пистонов». Вскоре появились полуторатонные вагонетки «коппель» на железнодорожном ходу. Но главным двигателем по-прежнему оставались человек и лошадь. Два узкоколейных паровоза, каждый по 12 лошадиных сил, огласили гудками прииски лишь в 1910 году.

Вручную шел и процесс обогащения руды. Первые сортировки казались большим достижением, ведь вместо «бегунов» с конным приводом появились жирационные дробилки, увеличился размер сортовков, возросла производительность.

У добытчиков асбеста вплоть до 1906 года не было понятия об электрической энергии. Первая маломощная электростанция с паровой турбиной «Де Лаваль» не предназначалась для освещения рабочих жилищ.

Время на приисках словно замедлило ход.

Удел горняков не менялся из года в год: забой — казарма, сортировка — каютка... А в короткие передышки да праздники — пьяная гульба, от которой не всех и не всегда отвлекал основанный любителями в 1903 году драматический кружок имени Ф. Г. Волкова.

И дело не в том, что сюда не проникали революционные идеи, и не в том, что рабочим здесь жилось лучше, чем в других местах Российской империи. Наоборот. Если средняя зарплата шахтера-угольщика составляла 235 рублей ежегодно, то здесь лишь 66. И просвещенный Екатеринбург давал о себе знать: ведомо было асбестовцам о событиях, будораживших страну. Но немногочисленный, только что зародившийся рабочий класс поселка Кудельки, пестрый по своему составу, был разбросан по мелким приискам. Многолюдная же масса крестьян-сезонников приезжала и приходила на короткое время.

Первая русская революция всколыхнула эту глухомань. Появились в Кудельке небольшие социал-демократические кружки. На Вознесенском прииске таким кружком руководил машинист парового насоса Петр Ядрышников, на Поклевском — плотник Петр Долгушев. Не имея связи с подпольными организациями Урала, они ограничивали свою деятельность беседами, чтением нелегальной литературы.

Вот как о том периоде вспоминал Ксенофонт Петрович Бабенков, приехавший на Вознесенский прииск в 1901 году: «Я был веселым и любознательным парнем, играл на гармошке. Однажды Петр Захарович Ядрышников пригласил меня в «Арестантскую», где он жил, и познакомил с Санькой Крапивиним, который и привил вкус к запрещенным книжкам».

В саратовской, с колокольцами, гармошке носил Ксенофонт марксистские брошюры, работы Ленина и снабжал ими близких друзей, незаметно подбрасывал в казармы.

В годы столыпинской реакции кружки распались. Чуть было не угодил в руки полиции Яд-

рышников. На прииск пришел пакет от уездного исправника об аресте «политика». Первым с ним ознакомился помощник заведующего сортировкой Николай Зеленев, соратник Ядрышникова по тайным сходкам, и Петр Захарович срочно покинул Кудельку.

Наибольшую активность проявили рабочие Коревинского прииска. Еще в 1908 году сюда прибыла группа ткачей из Тобольской губернии. Держались они дружно и среди зимогоров выделялись организованностью и политической зрелостью. Кочегар электростанции Иван Демин и слесарь Степан Марулин раскрывали глаза горнякам на истинное положение трудящихся на фабриках и заводах, рассказывали о борьбе рабочих за свои права.

Вокруг правдолюбцев стал собираться народ. Потянулся к живому революционному слову и ученик электрика Игорь Егоров, расторопный, сообразительный парнишка. Он участвовал в нелегальных собраниях, читал большевистскую литературу неграмотным рабочим и еще пел — пропагандировал в казармах революционные песни, поскольку обладал хорошим музыкальным слухом. После Ленских событий табельщик Петр Таранькин и студент-практикант из Екатеринбурга (фамилию установить не удалось) поручили Игорю распространять листовки. И полетели прокламации не только по Коревинскому прииску, но и на соседние рудники. Увозили запретные бумажки и сезонники, направляясь в свои деревни.

Росло в Кудельке сознание широких масс, но не дремали и власти. Хозяева приисков усилили полицейскую службу. Кроме урядников и пеших городских, закружили по поселкам конные стражники, выискивая недовольных.

В 1916 году на Вознесенском прииске было

создано кооперативное товарищество «Асбест». Его организаторы — передовые рабочие и служащие — пытались облегчить в военное время долю рудокопов, которых нещадно обирали хозяйские лавки и магазин купца Баранова. Председателем «Асбеста» избрали А. Д. Ильина, заведующего расчетным столом конторы. Еще в 1905 году Александр Давыдович, будучи управляющим небольших угольных копей в Кизеловском районе, возглавил забастовку горняков, за что и получил «волчий билет» и был обречен на многолетние скитания с репутацией бунтовщика.

Империалистическая война близилась к концу. С фронта неслись тревожные вести, чувствовалось приближение бури. Будоражило и Кудельку. Не многие понимали смысл происходящих событий, однако и здесь началось брожение умов.

Из Питера приехал в краткосрочный отпуск солдат-авиатор Петр Тюстин. Он поведал землякам о столичных делах, о Распутине и царице, о нежелании армии воевать за чужие миллионы и ненужные русскому народу Дарданеллы. Гость был нарасхват, люди жаждали правды о войне, и Петр не стеснялся в выражениях. За таким разговором и застал его однажды полицейский урядник:

— Дезертир! Слухи распускаешь!

Тюстин сгреб полицейского в охапку, вынес на крыльцо и обезоружил. Шашку и револьвер он забросил в огород.

...3 марта 1917-го прииски узнали об отречении царя. Администраторы всполошились, устроили молебен в церкви на Поклевском, где после торжественного церемониала батюшка Георгий держал «историческую» речь.

— Вот, православные, — начал он, — бывают в жизни такие случаи, что заболевает, примерно, че-

ловек... Лечат его доктора тем и другим... Да... А больному все хуже и хуже, ничего не помогает, и приходится прибегнуть к последней мере — к операции. Вот и с нашим правительством произошло то же самое. Получены известия, что царь отрекся от престола. То есть операция закончилась благополучно и в нашу, так сказать, пользу.

Поет хор, усиленно крестятся прихожане. В толпе слышатся недоуменные вопросы: о чем молились? И чей-то серьезный ответ: «Царь, слышь, был болен... Операцию ему сделали, и кончилась она хорошо».

В тот день так толком никто и не объяснил горнякам, какие хирурги и почему совершили операцию всему дому Романовых.

Прииски послали делегатов в Екатеринбург: от рабочих — кочегара С. И. Чемезова, от служащих — А. Д. Ильина. В комитете РСДРП(б) встретились они с В. Н. Андрониковым, членом партии с 1905 года, только что вернувшимся из Туруханской ссылки. Владимир Николаевич обстоятельно изложил асбестовцам политическую позицию большевиков и посоветовал немедленно создать партийную организацию, выбрать Совет рабочих депутатов. Домой ходоки везли «Воззвание Екатеринбургского комитета РСДРП(б)», призывающее записываться в партию Ленина.

На собрании активистов Вознесенского прииска была заложена основа партийной организации, выработана идейная линия, которую следовало проводить в выступлениях перед рабочими разрезов, сортировок, механических мастерских. В первой половине марта в Кудельке насчитывалось более сотни большевиков. В партийный комитет вошли А. Д. Ильин, Н. И. Зеленев, С. С. Жарков, Я. Н. Лунев, А. Н. Попов и другие большевики.

Взялись и за создание Совета. На многолюдном и бурном собрании в клубе Вознесенского прииска эсеры пытались сорвать выборы, но им это не удалось — поработали большевики с народом. В Совет вошли одиннадцать человек: большевики и сочувствующие им рабочие.

Назовем первых подлинно народных избранников Асбеста: Александр Давыдович Ильин — председатель, Яков Николаевич Лунев — секретарь, Николай Иванович Зеленов — заместитель председателя, Автоном Николаевич Попов — комиссар земледелия, Спиридон Иванович Чемезов — председатель следственной комиссии, Егор Нилович Лоскутов — комиссар по продовольственным вопросам, Николай Михайлович Попов — казначей, Степан Семенович Жарков, Александр Андреевич Слаутин, Федор Петрович Зимин и Яков Петрович Осинцев — члены Совета.

Совет сразу же обрел признание, с первых дней показав себя настоящей народной властью.

...Цены на продукты росли бешено, а заработки оставались низкими. Как и чем кормить семьи? В конце концов пришли к единому мнению: владельцы приисков должны повысить заработную плату трудящимся в шесть раз. Управляющие приисками в голос доказывали комиссарам, что предприятия придется через месяц-другой закрыть, ведь цены на продукцию не растут, да и московский «Треугольник» и питерский «Проводник», основные фирмы — покупатели асбеста, вряд ли согласятся на повышение цен.

Совет послал в Петроград А. Д. Ильина. Трудно было большевику при власти Временного правительства разрешить насущные вопросы в бурлящей столице, но он все же добился приема в министерстве труда, добился и разрешения открыть

коммерческие книги «Треугольника» и «Проводника». Цена на асбест была повышена в пять раз, а приисковики стали получать за свой труд в шесть раз больше, как и обещал Совет.

14 апреля в Екатеринбурге открылась первая легальная Уральская областная конференция большевиков. Ее работой руководил Яков Михайлович Свердлов. Конференция заслушала и доклад о работе большевиков Кудельки.

Большую помощь Ильину и его товарищам оказал приехавший на прииски большевик-пропагандист Николай Толмачев. Он выступил на партийных и рабочих собраниях, обрисовал положение в стране, отношение большевиков к Временному правительству, поставил перед горняками задачи на новом этапе революции.

В августе был принят и утвержден Устав Вознесенского профессионального союза служащих и рабочих асбестовых рудников Баженовского района.

Авторитет партийной организации рос день ото дня. На выборах в Учредительное собрание за список большевиков проголосовало 434 избирателя из 737, за эсеров было подано 162 голоса. Давний и сильный противник потерпел последнее поражение.

В Октябрьскую революцию асбестовые копи вошли под красным знаменем, которое горняки уверенно подняли еще в марте 1917 года.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ГОДА

В ночь с 14 на 15 июля 1919 года части 28-й дивизии Владимира Азина из Второй армии с боями вступили в Екатеринбург. Начдив, разгорячен-

ный атакой, бросил поводья коноводу и вбежал на телеграф. Там уже хозяйничали наши бойцы, и Азин приказал с ходу вызвать шторм, Шорина: — Столица Урала в наших руках!..

Северный сосед Азина — 29-я дивизия из Третьей армии берет Пермь, Алапаевск, Невьянск, Режевской завод...

Откатываются в Сибирь генералы Войцеховский, Пепеляев, Голицын и иже с ними.

25 июля Петроградский полк 29-й дивизии идет форсированным маршем с Режевского завода на Камышлов. Военкомбриг-3 Игорь Егоров возбужден и весел. Еще не утихли страсти победоносного сражения за Пермь, не смолкли в ушах счастливые голоса уральских рабочих, встречавших красные полки.

— Слушай, браток, — говорит Егоров командиру, — тут верст десять до Кудельки. Я там с двенадцатого не был, не знаю, что стало с родными....

— Игорь Михайлович, — оторвался комполка от трехверстки. — Я за вас головой отвечаю, без штабного эскадрона не пущу. Разведка докладывала, что карательный батальон Малевинского где-то в этом районе орудует.

— Какое там, — присвистнул Егоров, — бегут, наверное, за Пышмой. А взять эскадрон не могу — дело у меня личное.

И, не ожидая ответа, комиссар крикнул:

— Лисков, коня!

Коля Лисков, верный друг, ординарец, был тут как тут. Оренбургский казачок, из тех, кто вместе с Блюхером и братьями Кашириными проделал трудный поход по тылам белых с Южного Урала до Кунгура, он не уступал в бою самым отчаянным рубакам.

— Товарищ военкомбриг, сухой паек брать?

— Не надо, Коля, места-то родные.

— Ну да,— разочарованно протянул ординарец,— значит, будем одну репу глотать.

— Хватит,— прервал его Егоров.— Что люди, то и мы, не в барском дворце выросли.

Лесная дорога утомительна не только человеку, кони и те, казалось, спотыкаются об узловатые корни великанских сосен. Комиссар притих. Дорога вела к Кудельке, где прошла его юность. Там, на приисках, он, помощник электромонтера, вместе с Яшей Луневым разбрасывал листовки большевиков. Яша, дошел слух, в семнадцатом стал членом партии... А бомбы? С Венькой Гридиным бросили их — одну в казарму ингушей, присланных для охраны «правопорядка», другую — в дом управляющего Чаплицкого, когда тот справлял день рождения жены, потомственной шляхтянки. Самодельные гранаты не взорвались, но шуму было много. Мальчишество, конечно, швырять взрывчатку, уподобясь террористам. Хорошо еще, что власти списали все на счет лбовцев. Все же Игорю пришлось скрываться. Так он оказался в Тюмени.

В шестнадцатом его призвали в армию. А уже через год большевик Егоров взбунтовал батальон против наступления, объявленного Керенским, за что угодил под арест и со дня на день ожидал военно-полевого суда. Быть бы ему расстрелянным, да землячок караульным заступил. Бежал мятежный солдат на Урал, оттуда партия направила в знакомую уже Тюмень. А дальше...

— Что приуныл? — подмигнул Егоров спутнику.

— Да так, товарищ комиссар,— четко рапортует Лисков.— Слышал, что конная группа Томина ушла на Курган вместе с Путиловским Стальным полком. Жалею — поздно узнал, а то бы у вас отпросился.

— Потерпи, казак, будешь и дома,— комиссар сбил фуражку на затылок.— Я, знаешь ли, прошлым летом в Тюмени был, а домой так и не сумел заскочить, теперь наверстываю.

В Тюмени было жарко, со всех сторон обложили сибирские белоказаки. Егоров, член Тюменского ревкома, командует батальоном, который два месяца сдерживает противника на своем участке. Затем довелось вывозить в Пермь ценности. А когда партизанская армия Василия Блюхера соединилась с регулярными войсками, Игоря Егорова, двадцатипятилетнего партийца, назначили заместителем начальника политотдела 30-й дивизии, командование которой принял первый кавалер ордена Красного Знамени. Но долго побыть вместе с Блюхером не удалось — перевели секретарем политотдела Третьей армии. А он рвался в полки, наконец помогла ситуация, готовилось крупное наступление, и стал он военным комиссаром третьей бригады 29-й дивизии.

— Коля, а что с твоими?

— Не знаю, Игорь Михайлович, никаких вестей. Да и какие письма, когда фронты кругом. Еще вслед нам Дутов обещал пострелять тех, кто сынов к Кашириным отправил.

— Это они умеют. Ничего, брат, будем надеяться.

А надеялся ли сам? Нутром чуял, братья — народ своенравный — неволи не потерпят. Гонят сейчас где-нибудь белых Федор, Егор, Евдоким, если сами уцелели в этой смертельной круговерти. А что с младшими?

Приблизились к Поклевскому прииску. Как обычно бывало, при вступлении в населенный пункт руки сами собой стянули с плеча карабин. Вот и прогалина между деревьями. Кони замедлили дви-

жение: впереди маячили люди. Судя по одежде, местные рабочие.

— Кто будете? — строго спросил один из них, держа наперевес охотничье ружье.

— Не видишь, что ли? — выпалил Лисков и снял с чубатой головы папаху с красной звездочкой.

— Наши!

Старший приблизился и, приняв Лискова за командира, доложил:

— Мы из самообороны. Казачишки у нас шалют, вот и взялись за ружья.

Егоров предложил поугагать оставшихся беляков. Несколько выстрелов из карабина, поддержанных оглушительным грохотом дробовиков, завершили бескровную операцию по освобождению Кудельки. Как рассказывали очевидцы, при первых же выстрелах мародеры бросились по Липняжной дороге в сторону Ряпосовой.

Шустрые присковые мальчишки толпами бежали за всадниками. Теплели при виде красных звездочек глаза зимогоров.

— Надолго ли пожаловали, Игорь Михайлович? — уважительно спросил пожилой рабочий, помнивший Егорова еще подростком.

— Навсегда, отец, это уж точно, — отозвался Егоров. — Больше вас никакому Колчаку не отдадим.

— Колчак, бают, пятки мериканской консервой мажет, чтоб скорей к японцам убечь, — добавил ординарец.

Мужики оживились, тесней обступили красноармейцев, начались расспросы. Про разное, но в целом про жизнь: как дальше быть?

— Что ж, давайте сообща и обсудим, — обрадовался комиссар. — Соберемся к вечеру в клубе на Вознесенском, там и решим...

Своих Егоров нашел не сразу — ютились в даль-

ней халупке. Спасибо пострелятам, подсказали. Белые выселили из Кудельки красноармейские семьи, только в последние дни вернулись домой Егоровы — сестра и младший брат. Досталось им за Федора, Георгия, Евдокима, а пуще всего за Игоря. Помощник коменданта Шатунов лично грозился повесить комиссара, попадись он в его руки.

— Так ведь не попался,— усмехнулся Егоров, обнимая младших.— А он мне обязательно попадется.

К вечеру клуб гудел от голосов. Впервые за год белого царствия собрались горняки вместе. Возбуждение росло, на чем свет стоит ругали колчаковцев. Но вот на сцену запрыгнул молодой военный в ладной гимнастерке, стянутой ремнями, с револьвером и шашкой на боку.

— Товарищи!

И зал всколыхнулся, бешено ударил в ладоши. Долго было под запретом это слово, вошедшее в обиход после революции.

— Товарищи! — перекрывая гул, неслось со сцены.— Привет вам от доблестных «Красных орлов» 29-й дивизии!

Военкомбриг подробно рассказал землякам о начавшемся разгроме Колчака, о славных делах бойцов Восточного фронта.

— Мы уходим добивать врага, а вам пора строить новую жизнь. Как? Первое, что я вам скажу,— организуйте ревком, выберите в него надежных людей...

Увлеченные приисковики не заметили, как протиснулся вперед неизвестный в солдатской шинели. Егоров присмотрелся и чуть не ахнул, узнав в нем Зеленова. Того самого Зеленова, у которого в свое время проходил школу революционной борьбы.

— А вот вам и председатель ревкома! — бросил Егоров в зал.

— Зеленов!

— Николай Иванович!

— А мы-то думали, сгинул...

Зеленов молча прижал к себе Егорова: жив, чертушка, давно не виделись! Поздоровавшись с рабочими, поздравил их с освобождением от белогвардейщины, скупко поведал о себе. По поручению Пермского губкома с лета 1918 года работал в профсоюзе Северо-Вятского горного округа, воевал с белыми, сейчас Урало-Сибирской комиссией откомандирован на должность члена правления округа государственных асбестовых рудников.

— Подойдет? — обратился Егоров к народу.

— Наш человек, знаем!

— Доверяем Зеленову!

— Пущай комиссарит!

Егоров тут же на сцене, на случайно подвернувшемся под руку телеграфном бланке, написал от имени командования дивизии мандат:

«Предъявитель сего Николай Иванович Зеленов, член Российской коммунистической партии (большевиков)... уполномочен организовать временный приисковый Ревком, а все советские работники, военкомы и командиры воинских частей обязаны оказывать ему всякое содействие при выполнении возложенных на него обязанностей.

Военкомбриг-3 29-й стр. дивизии И. Егоров.

25 июля 1919 года.

Пр. Вознесенский»

Пройдет немало десятилетий, и этот исторический документ попадет в мои руки — изрядно пожелтевший, с потускневшими строчками, частью неразборчивый. И возникнет образ телеграммы,

летающей от наших дедов из сурового, расколотого надвое гражданской войной мира в наши времена. Это и дыхание эпохи, и мера жизни орлиного племени большевиков, и святой наказ потомству: берегите эту землю, любите ее, защищайте, как мы защищали, детям своим передайте свободной и счастливой...

Тем же вечером в конторе прииска долго не гас свет. Собрались члены ревкома, товарищи Егорова по дням подполья. Заявились бывшие красноармейцы, насильно мобилизованные белым воинством, Григорий Брусницын и Кирилл Курочкин. Они одолжили у Колчака пулемет, карабин, шашку, наган. Коля-ординарец незлобиво посмеивался над дезертирами и выяснял, не их ли надрали под Пермью. Впрочем, вояки не обижались, шустрый казачок им понравился, и они расспрашивали его о подробностях пермской битвы, надеясь, что он замолвит словечко перед Егоровым и тот возьмет их с собой на Камышлов — хотелось посчитаться с карателями и кулачем.

Слово за слово — и открылась перед Игорем Михайловичем неизвестная ему страница жизни земляков.

В начале мая 1918-го Совет комиссаров Урала ликующим декретом объявил асбестовые рудники Баженовского месторождения «собственностью Российской Федеративной республики Советов». С восторгом слушали асбестовцы: «Конфисковать все имущество асбестовых предприятий Поклевского-Козелл, Жирарда де Сукантона, Тхоржевского и др. того же района, в чем бы оно ни состояло и где бы ни находилось: рудники, оборудование, здания, живой и мертвый инвентарь, запас сырья, продуктов и полупродуктов, капиталы, текущие счета в банках и т. п.».

Посланца области, доставившего декрет, чуть ли не на руках носили, словно это он написал драгоценную бумагу, отменившую хозяев и хозяйчиков. Даже Халим-паша, пленный турок с Кавказского фронта, хлебопек Поклевского, бросал в воздух красную феску — и он теперь независим и будет печь хлеб для свободного народа.

День и ночь бурлили прииски. На профсоюзных и рабочих собраниях выбирали правление государственных рудников. Надрывали горло заводилы: большевики и депутаты Совета Яков Лунев, Александр Ильин, Иван Голошейкин, Спиридон Чемезов...

Но дальнейшие события перевернули жизнь в Советской Республике.

25 мая поднял восстание 45-тысячный чехословацкий корпус, растянувшийся в эшелонах от Волги до Владивостока. Если до этого гражданская война шла с переменным успехом в отдельных районах России, в частности на Южном Урале, ожесточенно сопротивлялось контрреволюционное казачество, то теперь стрелы фронтов разлетались по всем необъятным просторам бывшей Российской империи.

Пал красный Челябинск. Белочехи и войска Временного Сибирского правительства двинулись к сердцу Урала — Екатеринбургу.

С тревогой глядели рудокопы на баженовскую дорогу. Наиболее храбрые, в основном фронтовики, поодиночке и группами уходили на станцию Баженово и в село Белоярское, через которые отступали малочисленные советские части, чтобы с оружием в руках противостоять белому нашествию.

В эти дни на прииски залетел конный отряд 3-го Уральского полка. Его командир Жебенев, вымотанный бессонницей и неудачами в боях, че-

ловец с лихорадочно горящими глазами, призвал зимогоров записываться в Красную Армию.

Добровольцами вызвались братья Сажины — Константин, Петр, Михаил, Александр. Крепкие, натеревшие в забое, они приглянулись кавалеристам, а командир даже крикнул от удовольствия, оглядев таежников-молодцов.

— Есть еще желающие?

И словно плотину прорвало, хлынули горняки к крылечку, на котором возвышался командир.

— Писарь, отметь: Иван и Матвей Поповы!

— Федор Караваев!

— Семен Шелковкин!

— Костя Бармин!

Вместе с мадырами-военнопленными (их было семеро) в отряд записалось 87 человек.

— Добре, добре, — прохаживался перед строем добровольцев Жебенев. — Создадим из вас эскадрон. Лошадей возьмете на конном дворе, оружие найдем, а нет — встанем на довольствие в белый цейхгауз.

— Баб берешь, командир? — вышла из толпы видная собой, красивая горнячка Устя Ломаева.

— Тебя, бабочка, обязательно, — озорно моргнул писарь. — Как чехи на тебя взглянут — сразу сомлеют, а мы их живьем!..

— Не шебурши, — сверкнула очами Устя, — я серьезно говорю.

— Если серьезно, то сестра милосердия понадобится, — ответил Жебенев.

— А винтовку дашь?

— Не женское это занятие.

— Не женское? Да у нас о прошлом годе две дурехи в ударницы к Керенскому подались. Это занятие не женское, согласна, а свою родную власть защищать — наше дело.

Только руками развел командир и кивнул писарю: оформи. И сразу же за Устей пристроились Фрося Яковлева и Елена Быкова. Вместе с ними Куделька выставила 90 добровольцев.

А тем временем армии Сибирского правительства и белочехи под командованием Гайды подступили к Екатеринбург. И областной Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов принял решение о расстреле перевезенных из Тобольска Романовых.

День 16 июля был последним в жизни Николая Второго, прозванного в народе Кровавым. Этот акт исторически справедлив, иначе бы белое движение обрело в Романовых главный козырь. К счастью, этого не случилось.

ВЦИК одобрил решение Уральского областного Совета.

Сообщение о расстреле Романовых — и это понятно — появилось в газете «Уральский рабочий» лишь 23 июля, за два дня до падения Екатеринбурга.

В бессильной злобе скакали по улицам поверженного города белые карательные отряды и легионеры Гайды. Тюрьмы сразу же были заполнены пленными красноармейцами, коммунистами, советскими работниками, не успевшими эвакуироваться в тыл, рабочими, не выразившими радости при «освобождении» их от «красной сволочи». Во все волости, на все заводы захваченной территории спешили карательные экспедиции: надо было показать «истинную» власть.

Куделька стояла в стороне от главных магистралей. Тридцать с лишним верст глухой тайгой и размытыми тропами отделяли ее от железнодорожной станции Баженово. О падении Екатеринбурга здесь узнали с опозданием. Перед больше-

виками встал вопрос: уйти в тайгу или, невзирая на опасность, остаться на приисках. Каждый из них был обременен семьей, принять решение оказалось не просто.

Либерал Свердберг, заменивший покойного управляющего Малевинского, при встрече с Ильиным настаивал:

— Александр Давыдович, голубчик, бегите, вас не помилуют. Бегите, прикажу дать вам лучшую подводу...

— Поздно, — вздохнул Ильин. — Убежать — дело не хитрое. Товарищей бросить не могу, я их в это дело втянул, мне и ответ держать, коли придется.

В начале августа над приисками гудела отборная русская матерщина, перемежаемая изысканной французской речью. Сюда пожаловал офицерский отряд штабс-капитана Николая Малевинского, сына бывшего управляющего. Лощеных гвардейцев сопровождал полувзвод казаков-бородачей из староверов. Улочки словно вымерли. Только «добропорядочные» служащие да черносотенцы из числа высокооплачиваемых рабочих, возглавляемые отцом Георгием и купцом Барановым, владельцем универсального магазина, со старорежимными знаменами почтительно встречали новую власть.

— Дорогие мои, — расчувствовался штабс-капитан, — от имени храбрых воинов благодарю вас за хлеб-соль. Отныне, заверяю вас, господа, в России будет незыблемый порядок. Ура!

— Ура! — с готовностью подхватил церковный староста Вольхин.

— Ура! — недружно прокричали его сотоварищи.

— Господин офицер, — пробирались между казаками наследники Корево — Онуфрий, Сигизмунд

и Виталий.— Накажите злодеев, отобравших наш прииск, сделайте милость. Вот они, господин офицер, все как есть...

Онуфрий вытащил из кармана пиджака лист бумаги и с поклоном протянул его спешившемуся штабс-капитану. Следует напомнить, что Корево сами продали прииск еще в шестнадцатом году.

— Урядник! — пожевал губами Малевинский.

— Ваш бродь, — подскочил рыжебородый верзила с желтыми лампасами.

— Урядник, — офицер, казалось, раздумывал, — ты вот что... Пойдешь с этими... Всех, кто в списке, доставишь ко мне, да смотри, душу вытрясу, если...

— Не извольте беспокоиться, ваш бродь, от Глушкова краснюки не убегут, — усмехнулся старовер и тронул поводья.

— Господин Малевинский, — это зачастил Вольхин, — просим вас и ваших друзей на торжественный ужин.

— Можно, — милостиво согласился штабс-капитан.

Вскоре воздух огласили пьяные офицерские голоса: «Белой акации гроздь душистые...»

А над поселком разносился женский плач. Казаки вытаскивали из домов асбестовцев, арестованных по навету Корево. Первым взяли Ильина. Глушков разбил ему лицо и, потешаясь, зубоскалил:

— Умойся кровью, нехристь, пошто неумытым ходишь!

Следующим значился Зеленов. Его сыскать не могли. Налившись злостью, скрутили руки секретарю Совета Якову Луневу.

Аресты шли всю ночь. Большевиков сгоняли в клуб под надежную охрану. Последними привели мадьяр Ференца Дембо и Матиаса Лоци, комму-

нистов-интернационалистов, оставленных в Кудельке для революционной пропаганды среди военнопленных.

А военкома и начальника милиции Евгения Заплата и председателя Совета рабочего контроля Ивана Голошейкина казаки не нашли — словно сквозь землю провалились.

Загулявший Малевинский долго не мог понять, чего пристал к нему бородатый старик в казачьей фуражке.

— Докладываю, ваш бродь, большевики под замком.

— Все?

— Так точно, все,— струсил урядник, зная свирепый нрав штабс-капитана.

— Ну выпей, заслужил.

— Рад стараться,— радостно откликнулся урядник и покосился на бутылку, которую держал офицер.

— Пей, урядник, но долг помни,— разрешил Малевинский,— иначе... За большевиков «Георгия» обещаю.

Глушков сиял от счастья, предвкушая, как зайвится в родную станицу за Челябой с Георгиевским крестом, и запоздало отметил тени на обочине улицы, а когда услышал скрип гравия, заорал:

— Кто такие, сволочь?

— Господин урядник, свои,— ответили из темноты,— это мы, патриоты. Охраняем, вдруг что...

Глушкову стало лестно, что его персону охраняют, взгляделся: точно — братья Корево с винтовками за спиной и еще какие-то люди.

— А это кто? — подозрительно спросил он.

— Наши,— успокоил Онуфрий,— из союза святого Михаила-архангела...

Каратель и его новые дружки направились в

сторону клуба, где содержались арестованные большевики.

Но наступающему утру не суждено было спокойствие. От Поклевского рудника прискакали трое конных, спешили у конторы и бросились к крыльцу. В это время служащие обсуждали события минувшей ночи и злорадствовали: «Откомиссарились, туда их мать!» Солдаты взяли конторских на мушку, обрезали телефонные провода и стали проверять документы.

— Так мы же свои,— обиделся инженер Александров,— красные, слава богу, сидят в клубе, наступил порядок, а вы нам проверку-с...

— Ах ты, гад белый,— рассердился молоденький кавалерист,— не успели мы отступить, а ты уже запел аллилуйю!

В это время один из служащих, фамилия которого затерялась во времени, оказавшийся случайно в коридоре, выскочил во двор, отвязал красноармейских лошадей и спрятал в сарай, а сам кинулся к офицерам.

Красные попали под винтовочный огонь казачьего патруля. Не обнаружив лошадей, они схватили рудничную повозку и погнали в сторону Коревинского прииска. Несколько белых вскочили в седла и бросились в погоню. Но у самого дома Корево на них наскочили конные с алыми лентами на папах. Один из них развалил переднего офицера богатырским ударом сабли. И преследователи пустились наутек. Красные кавалеристы, соединившись с бойцами на повозке, посоветались минутную и полетели по направлению к Режевскому заводу.

Услышав перестрелку, Малевинский поднял в ружье все наличные силы, но время было потеряно. Когда привезли убитого офицера, Малевинский,

брызжа пеной, приказал немедленно расстрелять бунтовщиков. Случившийся рядом управляющий Свердберг попытался образумить пришедшего в ярость штабс-капитана.

— Помилуйте, Николай Павлович, что вы делаете? Если убьете большевиков здесь, вам не поздоровится.

Малевинский удивился:

— Эдвин Эрикович, бог с вами, кого вы защищаете?

— Не красных. Вас, если хотите. Офицеров кучка, а на приисках тысячи рабочих, да еще красные отряды недалеко. Вас же и растерзают.

Хитрый Свердберг, отличный горный инженер, в дальнейшем — преданный Советской власти специалист. И в то время он делал многое, чтобы облегчить жизнь униженным и оскорбленным.

— Вы полагаете, что это быдло возьмется за оружие?

— Не знаю, капитан, но я снимаю с себя всякую ответственность. Считаю, что вас предупредил.

Малевинский задумался. Хмель окончательно выветрился из его головы.

Арестованных повели по баженовской дороге.

Избивать большевиков начали на первой же версте. Одних за бравый вид, других — за усталость. Будущий георгиевский кавалер Глушков бил нагайкой с потягом, облюбовав самого молодого — Автонома Попова, комиссара земледелия. Этот крепкий парень напоминал ему сына, воевавшего под знаменами Дутова, и потому хлестал его вдвойне остервенело: если такой молодец за Советы, значит, надо его вогнать в землю.

Здоровяк Трофим Караваяев и привычный к тяготам военной кочевой жизни Ференц Дембо вели

обессилевших Автонома Попова и Александра Ильина. Едва держался на ногах Николай Михайлович Попов. Вчерашний фронтовик Яков Осинцев только крепче стискивал зубы.

На станции Баженово приисковиков загнали в товарный вагон. Выставив караул, офицеры отправились на обед к агенту Вознесенского прииска Волошину, а казаки разбрелись в поисках съестного.

Какая-то сердобольная душа упростила конвойных передать узникам ведро воды и буханку хлеба. Этот хлеб казался арестантам слаще всего на свете. Делить буханку на одиннадцать человек доверили Луневу. Наметив ногтем полоски на коричневой корке, Яков порезал хлеб суровой ниткой. Одиннадцать ломтиков легли на рядно, неизвестно, как попавшее в вагон.

Попов-старший, глотая голодную слюну, уверенным и крепким голосом приказал сыну:

— Бери мою долю, я не хочу.

— Нет, отец, все-таки комиссар земледелия не ты, а я, потому и не возьму.

— Тебе больше надо, ты молодой.

— Вытерплю...

Утром их высадили на станции Екатеринбург-II. Станция была запружена солдатами. Со всех сторон вели арестованных. Это были и красные бойцы, и рабочие, и случайные люди, неизвестно к какому сословию принадлежащие.

Внезапно раздалась команда:

— На караул!

Арестантов оттеснили в кустарники. На площади появился отряд всадников в форме царского конвоя, но с незнакомыми вензелями на погонах. Оркестр грянул марш.

К перрону подошел поезд. Из броневго вагона

спустился плотный большеголовый человек в чешской военной форме — серой, пирожок на голове. Вот он какой, Радола Гайда, недавний унтер-офицер, один из руководителей Чехословацкого корпуса, в скором будущем генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией. За ним потянулась свита: чешские и русские офицеры, дамы...

Гайда сел в автомобиль. Конвой помчался за ним, рабрызгивая свежую грязь. Арестанты какое-то время оставались одни — офицеры словно оцепенели, пораженные выходом Гайды.

Затем пленников погнали по улицам уездного города, основанного еще Татищевым. Возле городского театра Малевинский остановил колонну, вытер губы шелковым платком.

— Слушаю! — подоспел урядник.

— Мне, Глушков, совесть не позволяет садить в тюрьму русского человека с его заклятым врагом — кайзеровским солдатом. Эти, конечно, красные, да ведь мадьяры красные вдвойне. Шлепника их.

Через минуту Ференц Дембо и Матиас Лоци неподвижно лежали на мостовой, а урядник, оглаживая бороду, внимательно наблюдал: не шевельнутся ли. Убедившись, что мертвы, сунул в кобуру наган и довольно хохотнул.

В знак протеста асбестовцы остановились, но, пустив в ход приклады, конвойные заставили их двигаться дальше. На пересыльном пункте Малевинский собственноручно сдал арестованных земляков тюремным стражам. Сам он, по слухам, погибнет в ледовом походе генерала Каппеля и будет лежать под урянхайскими соснами, попав на мушку винтовки сибирского партизана из армии Щетинкина. Сейчас он еще ничего не знает о своей судьбе, жив-здоров и приглашен на кутеж в особняк Зло-

казова, где вечером соберется цвет офицерства...

Невдомек будущее и жителям приисковых поселков. Только увели каратели большевиков, как нагрянули белые калмыки. Эти раскосые степные наездники, ни слова не понимающие по-русски, оголтело носились на мохнатых лошадках по Кудельке. По указке богатеев они устроили публичную порку пятнадцати человек из семей, которые выставили добровольцев в Красную Армию.

Успокоились белогвардейцы только тогда, когда от побоев умер Николай Ермолов. Это был глухой рабочий, богатырского сложения мужик. Он так трахнул четырех «азиатов», что они долго не могли прийти в себя. Но остальные, обнажив клинки, уложили горняка на сырую землю. Он умер в больнице 12 августа, а напоследок сказал:

— Я был в стороне от красных и белых. Поднимусь, белым житья не будет.

Так думали многие рудокопы.

14 августа на прииски заявился бывший урядник, а ныне прапорщик белой армии, помощник коменданта станции Грязновской Шатунов. Год назад Совет запретил ему проживание в Кудельке, обида была еще свежа, и Шатунов, поддерживаемый ряпосовскими кулаками, истребившими в своей деревне коммунистов и сочувствующих им, принялся за кровавые дела.

Началась расправа. Порка за поркой, карцер, отправка в тюрьму, высылка неугодных — иных мер наказания Шатунов не понимал, как и его ближайшие подручные Евлампий Дурницын и Родион Пельменщиков, которые, вооружившись с ног до головы, охотились в окрестных лесах на оставших красноармейцев. Ими был пойман на Зудовской мельнице и отправлен в контрразведку раненый боец Кирилл Курочкин. Схватили каратели

председателя рабочего контроля Ивана Голошейкина, а вскоре, не без помощи предателя Вольхина, выманили из тайги военкома Евгения Заплатина. Братья Агафандел и Николай Горбуновы на заре ворвались в дом комиссара и передали его палачам в грязновскую комендатуру.

На станции Грязновской был «банный» день. Так окрестили белогвардейцы дни расстрелов.

Босые, в одном нижнем белье, подталкиваемые прикладами, брели Голошейкин и Заплатин к западному семафору, где начинался березовый колок. Там уже стояли солдаты во главе с Шатуновым. Несколько человек, избитых в кровь, копали яму. В одном из них Заплатин признал Ивана Кузьмина, красного добровольца. Посланный на разведку с Режевского завода, он угодил на Окуневском кордоне в руки прапорщика Сухарева. Алешка Хромой опознал его при Шатунове и тем самым приговорил его к смерти.

Кузьмин оперся на лопату:

— Ну вот и свиделись, товарищи!

Офицер угрожающе замахнулся нагайкой:

— Отставить! На том свете наговоритесь!

Военком хотел было ответить беляку, но понял, что бесполезно. Он поднял крепко сжатые руки над головой, приветствуя земляка, но тут же получил удар прикладом.

— Сволочь! — сплюнул в сторону офицера Голошейкин.

— Молчать!

Могилу рыли сосредоточенно. Только четырнадцатилетний Володька, брат председателя Измоденовского волостного Совета Ивана Измоденова, стоял поодаль, — по его щекам катились слезы. Измоденов-старший и еще двое Измоденовых — коммунисты Егор и Иван, односельчане, однофа-

мильцы, дальние родственники, надеялись в глубине души, что палачи не тронут мальчика. Но коменданты не приняли во внимание малый возраст Володи Измоденова.

С проклятьем на устах рухнул в яму сраженный насмерть военком Заплатин, за ним — Голошейкин. Одного из деревенских добил Шатунов.

Рванувшийся после первого выстрела Кузьмин сумел уйти. Через пару суток его отыскивали в Кудельке братья Горбуновы. И Агафандел поставил очередную зарубку на прикладе своей винтовки...

В камере, где сидели большевики Кудельки, дышать нечем — сорок человек вместо восьми по нормам мирного времени. Все — политические. Кормежка скудная: чахлая похлебка, вода, позеленевшие сухари из старинных запасов тюремного ведомства. Зато били вволю и каждый день. На допросах один, то мягкий, вежливый, то пьяный, злобный вопрос: «Кто остался в подполье?»

Однажды надзиратель вызвал Николая Попова.

— С вещами или как?

— С вещами.

Вещей, понятно, никаких не было. Суконный пиджак отобрали казаки еще в первую ночь. Но важно было знать — на допрос или насовсем, то есть на казнь.

— Прощайте, товарищи, — поклонился камере Николай Михайлович. — Не судьба вместе погибнуть. А ты, сынок, не робей, за правду и умереть не страшно.

Автоном, именем которого позднее назовут улицу в Кудельке, беззвучно заплакал.

— Хватит митинговать, — опасливо покосился в коридор служитель, — не ровен час, офицера нагрянут...

И точно, по каменному коридору уже стучали

подкованные сапоги. Это шел Глушков, награжденный за «мужество» крестом. Он весь сиял от радости — не забыл его благородие Малевинский, сдержал свое слово насчет награды. От непомерного бахвальства и самолюбования урядника прямо-таки распирало.

— Ты и есть Попов Николай Михайлович? — грозно спросил. — Эге, вон ты какой, значит. Жаль, не шлепнул тебя вместе с мадьярами, хотя это и к лучшему. За то, что ты осмелился сделать, пули мало, шашки мало...

Попов, не вслушиваясь в сумасбродную речь старовера, думал о семье, о товарищах, оставшихся в камере. Пришел в себя, когда урядник впихнул его в маленькую комнатушку под лестницей, закрыл засов и удовлетворенно покряхтел. «Новое дело, — подумал Попов, — не похоже, что к стенке. Но почему в одиночку?»

Все выяснилось на другой день. Конвоир доставил Попова в особую следственную комиссию. Следователь, аккуратный и вежливый, не стучал кулаком и не угрожал карами. Это насторожило асбестовца.

— Николай Михайлович Попов?

— Он самый.

— Не скажу, что приятно познакомиться, но, знаете ли, любопытно. Моя фамилия Сергеев.

— А зачем мне знать?

— Мы, любезный, о многом должны поговорить. Видит бог, вы сами тому виной. Итак, первый вопрос. Где вы были 16—17 июля сего года?

— Дома был.

— Днем и ночью?

— Отчего же? На работу ходил.

— Помилуйте, и это вы называете работой! Даже Малюта Скуратов бледнеет перед вами.

— Не понимаю, господин Сергеев.

— Полно, Николай Михайлович, давайте начистоту. Или вам это привычно — помазанников божьих убивать? Вас и других важнейших государственных преступников разыскивают все силы контрразведки. Это вы в ночь с 16 на 17 июля злодейски умертвили нашего государя императора.

Не сразу дошло до Попова, в чем его обвиняет этот штатский следователь. Ко всему был готов, но к такому? Он облизнул пересохшие губы.

— Что, страшно царей убивать?

— Каких царей? У нас в Кудельке самым главным урядник был...

— В какой Кудельке?

— На приисках.

Сергеев сунулся в бумаги и, утратив былую вежливость, взревел:

— Ты что, сукин сын, голову морочишь! Я тут с ним целый час турысы развожу, а он дурака валяет!

На крик забежал Глушков. Следователь обрушился на него:

— Ты кого подсунул, снохач? В окопы захотел?

— Я, ваш бродь, как, стало быть, велели...

— Суешь всяких! В камеру этого! Да, вот что, всыпать ему горячих, чтоб помнил...

Позднее узнал Николай Михайлович, что контрразведчики искали его полного тезку, рабочего Сысертского завода, имевшего отношение к справедливому возмездию над последними Романовыми.

Семьи арестованных с прошением ездили в Екатеринбург, но в комендатуре их даже не выслушали. Сестра Малевинского, служившая в контрразведке, посмеялась над зимогорами, а посмеявшись, дала дельный совет: «Обратитесь к Свердбергу, он иностранец, к нему прислушаются».

Свердберг написал докладную записку, где

«вышепоименованных рабочих и служащих» аттестовал как необходимых производству специалистов и заблудших овец, подчеркнув при этом, что они и не думали скрываться при подходе правительственных войск. Для верности управляющий присовокупил: «А буде на то нужда Сибирской армии, асбестовые прииски обязуются в кратчайшие сроки предоставить в распоряжение военного командования потребное количество повозок».

В начале октября 1918 года заведующий арестантским отделом Екатеринбургской тюрьмы подпоручик Иванов выпустил асбестовцев на свободу и удостоверил их невиновность и отсутствие документов собственноручной подписью и печатью комендатуры.

Ильин по старинному знакомству устроился в частный банк, надеясь связаться с подпольщиками. На ткацкой фабрике братьев Макаровых — помогла протекция Свердберга — оказался Яков Лунев. А остальные? Кто пошел через линию фронта, кто осел в окрестных селах или отправился на поиски партизан. Никто из «ценных специалистов» в Кудельке не объявился.

Узнав об освобождении заклятых врагов (случилось так, что сам выписывал справку Луневу), Шатунов запил, наговорил дерзостей коменданту, недобро помянув Гайду, а утром валялся в ногах у поручика. Спасло его лишь то обстоятельство, что он благоразумно вложил в голову начальника свой план, согласно которому комендатура, вооружив дробовиками крестьян нескольких волостей, прочесывает до глубокого снега тайгу и вылавливает большевиков, за что поручик получает орден.

Тысячи мобилизованных крестьян в сопровождении карательной роты преградили путь домой, в Кудельку, израненным красным бойцам, отстав-

шим от своих частей. Угодили в застенки политработник Диомид Зуев, красноармеец Аркадий Кулаков и десятки других.

Но любая ночь, как длинна она ни бывает, кончается. Ничто не могло помочь надежде Антанты, в том числе и новые формирования. Не мог помочь и польский легион асбестовых копей, как громогласно именовал свое подразделение подпоручик Сикорский. В легион записались управляющий Поклевским прииском Лозинский с сыном, австрийские военнопленные польского происхождения, ряд местных белогвардейцев вроде братьев Горбуновых и прочих подонков. Странно, что в стороне остались наследники Корево, по указке которых были арестованы большевики Кудельки. В начале 1920 года их возьмет Екатеринбургская ЧК. Польский легион бесславно завершил свое существование, угодив под острые клинки красных кавалеристов.

А 18 июля 1919 года на Вознесенском прииске показались разведчики Красной Армии...

Об этих событиях и рассказывали земляки военкомбригу-3 Игорю Егорову короткой летней ночью. А утром комиссар простился с товарищами:

— Разобьем белых и встретимся...

Но вернуться назад ему не довелось. Ранения, контузии, ответственные посты военного комиссара Перми, Саратова...

Войну с фашистами Игорь Михайлович начал комиссаром дивизии. Орден Ленина за активное участие в революции и гражданской войне он получит в 1967 году. И сгорит от старых ран.

Не встретится больше с другом и Зеленов, один из руководителей советской асбестовой промышленности, представитель «Рудэкспорта» в Берлине. Его не станет в 1947-м.

Но пока эпоха отбивает неповторимый девятнадцатый год. Ревком, в который вошли Автоном Попов, Иван Мартынов, Александр Ярцев, Трофим Караваев и другие испытанные революционеры, возрождает на приисках Советскую власть, профсоюз и кооперативную организацию. В августе прошло первое после освобождения партийное собрание, где выступил Александр Ильин, вернувшийся с мандатом уполномоченного правительственной комиссии по управлению асбестовой промышленностью Урала.

Жизнь постепенно налаживается. Но гражданская война в разгаре. 16 августа в Кудельке представителем штаба 3-й армии производится запись добровольцев на колчаковский фронт. Полсотни рудокопов сменили инструмент на винтовки. Через месяц прииски провожают в Уральскую отдельную стрелковую бригаду Диму Тенигина, Костю Воронова, Якова Шабурова, Васю Филимонова и Степу Копырина, членов только что созданной ячейки РКСМ.

Ожесточенно сопротивляются на Тоболе отборные белые части, порой переходят в контрнаступление. Фронт требует бойцов, и на приисках объявляется срочная партийно-комсомольская мобилизация. Встает в боевой строй депутат первого Совета, член ревкома, недавний узник белогвардейских застенков Трофим Караваев. В последнем письме домой, где его ждали пятеро детей, большевик писал: «Знайте, что я пошел на защиту бедного народа. А в этой борьбе и смерть не страшна...»

ХОДИВШИЙ В «КРАСНЫХ ОРЛАХ»

В декабре 1958 года начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-

Морского Флота СССР Филипп Иванович Голиков писал в Военное издательство:

«Посылаю Вам материалы ветерана полка «Красные орлы» тов. Захара Степановича Берсенева.

З. С. Берсенева — это, несомненно, рабоче-крестьянский самородок. Жаль, что он не смог получить образования, своевременной помощи и руководства в своей работе. Теперь он болен, так как его здоровье было сильно подорвано ранениями еще в годы гражданской войны.

Считал бы весьма целесообразным издать работы тов. Берсенева.

Конечно, материалы тов. Берсенева потребуют... внимательного и любовного редактирования.

Я готов предпослать к произведению З. С. Берсенева свое предисловие».

Речь идет о публикации в столичном издательстве красноармейских дневников столяра из поселка Изумруд. Почему же об этом печется крупный военачальник?

Разгадка оказалась проста. Пулеметчик Захар Берсенева обучал своей боевой профессии семнадцатилетнего гимназиста Филипа Голикова, добровольца РККА, будущего Маршала Советского Союза. Бок о бок прошли они трудными путями гражданской войны на Урале.

Дневники Берсенева книгой так и не стали. То ли не нашлось «внимательного и любовного» редактора, то ли потому, что вскоре красноорловец скончался.

Но в конечном итоге записки асбестовца сослужили добрую службу. Ими пользовался Ф. И. Голиков при подготовке к печати книги «Красные орлы», уточняя фронтовые ситуации, даты сражений, фамилии однополчан. Помогли они в создании коллективного сборника «Под знаменем ВЦИК» —

краткой боевой истории полка «Красные орлы», выпущенного Военным издательством в 1963 году.

Записи из красноармейских дневников Захара Степановича рассыпаны по уральским газетам. С ними знакомился П. П. Бажов. В книге «Бойцы первого призыва» он неоднократно ссылается на воспоминания Берсенева. Сам он в гражданскую был редактором газеты 29-й стрелковой дивизии, куда входил полк «Красные орлы». Сюжетную канву воспоминаний красноорловца использовал и писатель А. И. Исетский.

К слову, Свердловск в 1934 году принимал делегатов I съезда писателей области. Его участником был и Захар Степанович Берсенов.

Как же он стал летописцем прославленного полка?

Уроженец села Грязновское, что за Пышмой, Захар Берсенов, сын вдовы, с детских лет батрачил у деревенских богатеев, ходил и на заработки в соседние волости. Бывал мальчишка на асбестовых приисках, хватил каторги на изумрудных копях. Ему и учиться-то довелось всего три зимы — тяжела бедняцкая доля. А тут еще грянула империалистическая война...

Захар Берсенов был призван в царскую армию в начале семнадцатого года. В саперной части с избытком познал вопиющее неравенство «серой скотинки» и подавляющего большинства офицерства.

Октябрьскую революцию принял безоговорочно. Вернувшись на Урал, «прислонился к большевикам».

Вот датированный восемнадцатым годом документ.

«Удостоверение.

Выдано товарищу Захару Степановичу Берсенову в том, что он действительно по Грязновской

волости организовывал Советскую власть, что и удостоверяется.

Председатель волсовета

Н. Кунников.

Секретарь Мих. Семенов».

Однако строительство новой жизни длилось недолго. Пришлось вчерашнему фронтовику снова браться за винтовку — с Южного Урала двигались мятежные чехи, из Сибири наступали отборные, обученные белоказацкие части. С дружиной из двенадцати односельчан Захар отправился на подмогу красным в Катайск, где формировался 1-й крестьянский коммунистический полк.

В старинном селе, центре большого земледельческого района, было необычайное оживление. Сюда стягивались крестьянские дружины и рабочие отряды Камышловского и Шадринского уездов, Каменского завода...

13 июля 1918 года командир полка большевик из Камышлова Петр Подпорин и адъютант (начальник штаба) катайский военком Леонид Дудин отдали первый приказ по регулярной части. Красная Армия стала крепче на одну добровольческую боевую единицу. Еще никто не знает, что бойцам 1-го крестьянского коммунистического доведется вписать в анналы воинской славы замечательную страницу. Из его рядов выйдут такие выдающиеся командиры, как Филипп Акулов, Иосиф Ослоповский, Александр Кобяков, героический военный комиссар Александр Юдин...

В Катайске начался долгий и тяжелый путь побед и поражений молодого формирования: Ирбитские Вершины, Егоршино, Алапаевск, Кушва, Баранча, Пермь...

Весь этот путь предстает в кратких дневниковых строчках пулеметчика Берсенева.

«В половине августа (1918 год.— А. Ч.) хлеба нам выдавали очень мало. Питались только ягодами — черемухой, смородиной, а воду пили из болота, душную, нехорошую».

«На станции Салка остались отрезанными от своих по случаю падения Н. Тагила. С Салки мы многое не успели захватить с собой: фураж, хлеб, часть военного снаряжения. Все это, а также несколько вагонов, паровиков, оружие пришлось взрывать, зажигать и спускать под откос в реку Черную. Когда отошли с полверсты, позади полыхали пожары и взрывы.

Отступать довелось горными тропами, тайгой, прорубать дорогу топорами. Шли и без всякой тропы, по болотам. Вербками, слагами вытаскивали застрявшие в топи орудия. Тащили на себе ящики с патронами, снаряды...»

Дневник писался в неимоверно трудных условиях. Усталость валила с ног. Едва перекатится команда отдыхать, все, кроме сторожевого охранения, засыпают мертвецким сном. Но пулеметчик Захар Берсенев считал своим долгом раскрыть небольшой блокнот и сделать очередную карандашную запись. Писал о самом важном, на большее не было сил...

«Только на четвертые сутки разведка принесла радостную весть: «Штаб дивизии в Кушве!»

Железнодорожные станции Кушва и Гороблагодатская имели стратегическое значение. Все отступавшие с севера, от Нижнего Тагила и Верхней Салды, наши части могли организованно отойти лишь по железной дороге Гороблагодатская — Пермь. По ней же получали боеприпасы и продовольствие. Здесь, в Кушвинском заводе, размещались эвакуированные из Екатеринбурга областные организации, выходила газета «Уральский рабочий».

Вот почему Красная Армия ожесточенно отражала удары врага с трех сторон. Под станцией Выя почти полностью погибла героическая 3-я бригада 29-й дивизии. Истекали кровью другие полки и соединения.

Начдив Макар Васильев и его штаб в силу создавшейся ситуации считали 1-й крестьянский коммунистический полк разбитым. А он вышел из тайги и болотин боеспособным, готовым к новым сражениям. Поэтому встреча в Кушве была особенно теплой. Пройдя в лишениях 80-километровый путь, бойцы и командиры отказались от отдыха и сменили на важнейших участках фронта чудом державшиеся части. Перед полком была поставлена задача вернуть заводы Лаи и Баранчи, отбросить противника к Нижнему Тагилу.

Двум тысячам усталых, измотанных людей противостояла шеститысячная дивизия князя Голицына. И не сумели сытые, обутые, одетые, хорошо вооруженные белые полки сдержать революционного напора.

На рассвете 17 октября взмыли сигнальные ракеты, забухали пушки, заговорили пулеметы. Одним из «максимов» уверенно распоряжался Захар Берсенев.

«Команда: «В атаку!» Правый фланг бросается на колючую проволоку. Белые нас режут вовсю, но вот наступает мгновение — миновали колючку. Белые не стерпели: оставляя все в окопах, в панике бегут. С обеих сторон раненых и убитых подбодяще...»

Основные силы дивизии Голицына разгромлены. В районе Баранчинского завода противник, оказав незначительное сопротивление, откатился на юг.

«В Баранче организуем первые ячейки РКП(б). Празднуем годовщину революции спектаклем «На

дне». Со второго действия выступаем на позиции...»

За блестящие боевые операции на Егоршинском и Кушвинском направлениях 1-й крестьянский коммунистический полк был награжден Красным знаменем ВЦИК республики. Это второе подобное награждение на Восточном фронте — несколькими неделями раньше знамя ВЦИК получила Железная дивизия легендарного Гая.

27 октября на параде войск в Кушве главный политический комиссар 3-й армии Филипп Голощекин вручил Красное знамя ВЦИК героям революции. Отличившийся полк получил праздничные подарки от пролетариата Питера — целый вагон!

Партийная конференция 29-й сводной Уральской дивизии направила в день своей работы две важные телеграммы. Первую — в Москву, Ленину; она широко известна. Вторую — на позиции 1-го крестьянского коммунистического полка. В ней говорилось:

«Не успев отдохнуть от последних боев и невероятно трудных переходов, вы, наши старые боевые товарищи, железным кулаком ударили по противнику и обратили его в бегство. Честь и слава гордости нашей дивизии — 1-му крестьянскому коммунистическому стрелковому полку!»

Приказом по дивизии полку было присвоено почетное наименование «Красные орлы».

Несмотря на отчаянную храбрость 1-го крестьянского, Путиловского Стального кавалерийского, сформированного в Кушве из питерских и уральских рабочих, и других полков, положение на фронте складывалось тяжелое, если не сказать трагичное.

2 декабря начдив-29 телеграфирует из Бисера в Пермь, начопероду армии:

«Вчера под вечер противник возобновил на-

ступление вдоль полотна железной дороги в направлении на Кушвинский завод. Роты крестьянского полка отведены на заранее подготовленные позиции в районе Кушвы.

На Верхотурском направлении около 23 часов противник значительными силами... повел наступление на деревню Боровая. После непродолжительного боя батальон 17-го Петроградского полка оставил последнюю...»

Вслед этой летит другая тревожная телеграмма:

«Передовые части противника подошли вплотную к нашим позициям, занимаемым 4-м Уральским и 1-м крестьянским полками в районе Кушвы...»

3 декабря в 3 часа утра белые навалились с трех сторон и после трехчасового боя 4-й Уральский полк отступил под их натиском. «Красные орлы» начали отход на станцию Азиатскую.

Кушва, Пермь, Глазов...

Восточный фронт накапливал силы в оборонительных боях.

В первую годовщину Красной Армии полк «Красные орлы», пополненный свежими силами, начал операцию, разработанную штабом 3-й армии, по обходу Перми с северо-запада. Сорокаградусные морозы, высокие сугробы, нехватка снарядов. Где наших батальон, у белых — три. 5-й Томский, 7-й Кузнецкий, 8-й Бийский полки Колчака находились на выгодных позициях. Только в бою за деревню Тюхнятка «Красные орлы» потеряли 160 бойцов убитыми, ранеными и обмороженными.

Из дневника Захара Берсенева:

«Белогвардейцы заметили нас. План не удался: 6-я рота не сумела нанести удар по противнику с тыла, а без этого мы не могли атаковать. Началась жаркая ружейная и пулеметная перестрелка. 3-й взвод 7-й роты, продвинувшийся на близкое рас-

стояние к противнику, был полностью уничтожен. Пришлось отступить...»

Командир полка Ослоповский и военком Юдин ни на минуту не покидали боевые порядки. В решающий момент атаки комиссар возглавил штурмовую группу.

Из дневника:

«Красноармейцы с винтовками наперевес кинулись на белогвардейские цепи. Началась паника, но отступить противнику некуда: 6-я рота в тылу закрыла отступление».

Так подготавливалось большое контрнаступление Красной Армии. 29 мая 1919 года штаб Восточного фронта принял телеграмму Ленина, адресованную членам РВС:

«Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы...»

Летом 3-я армия начала освобождение Урала от колчаковщины. В дневнике пулеметчика Захара Берсенева появляются главки «На Урал. Сшибаем белых», «От Перми до дому», «От Камышлова до села Усть-Ламенское»...

На сибирской реке Ишим старшина 7-й роты Захар Берсенев был дважды ранен. Из полка выбыл. 1-й крестьянский коммунистический краснознаменный добивал врага без своего летописца. А впереди Южный фронт, борьба с махновцами, Сиваш и Перекоп...

В двадцатые годы Захар Берсенев осел в Асбесте. Он редкостный столяр-ударник, рационализатор, депутат, рабочий корреспондент, активист бюро красных партизан, неременный инициатор патриотических начинаний: то первым отдаст свой заработок на постройку самолета «Изумруд», то внесет средства в фонд детей республиканской

Испании или своим примером поддержит государственный заем в годы Великой Отечественной войны...

Инвалид, он 22 июня 1941-го написал в Асбестовский военкомат заявление:

«Я готов занять прежнее место у пулемета «максим», с которым провел дни гражданской войны...»

Когда ему отказали в отправке на фронт, он все силы отдал работе на оборону, соревнуясь со своей дочерью стахановкой Аней. Были дни, когда Берсенев выполнял норму на 1870 процентов.

И все-таки душа красноорловца осталась там, «на той далекой на гражданской...». Долгие годы Захар Степанович будет восстанавливать события своей боевой молодости по следам походного дневничка, запечатлевшего доблестных воинов революции, бойцов первого призыва.

На первой странице воспоминаний появится посвящение:

«Тому, кто первым пошел по зову Коммунистической партии; кто призван на борьбу против белых и героически защищал Советы; кто, невзирая на холод и голод, побеждал белые наемные банды; и всем тем, кто сейчас стоит на защите кровных завоеваний Октября...»

Есть заслуга Захара Степановича в том, что в 1958 году в Катайске было торжественно отмечено 40-летие полка «Красные орлы», на встречу съехались ветераны со всей страны. Многих из них разыскал Берсенев.

Радостной была эта встреча. Как родные, обнялись бывшие пулеметчики Е. М. Шумкова, З. С. Берсенев, Ф. И. Голиков, начальник штаба Л. А. Дудин и его помощник А. Л. Мясников, помощник комполка С. Т. Акулов, комбаты Н. А. Баженов и А. А. Полуяхтов... Красноорловцев было еще не-

мало в ту пору. И все они горевали, что погиб в боях с колчаковцами военком, черноморский матрос А. И. Юдин, скончался от ран знаменосец Я. Е. Овсянников, не дожид до этого дня легендарный рыцарь революции Ф. Е. Акулов. Не было в живых и других героев полка. С болью писал об этом в своей тетрадке красноорловский Пимен.

А вот на 50-летие полка его летописец уже не приехал, как не приехали десятки других красноорловцев.

Один за другим уходят воины лучшего полка Красной Армии. И остается в народе память о «Красных орлах», летавших над просторами Урала, Сибири и Украины. В честь прославленного полка названы улицы и музеи, колхоз в Курганской области, железнодорожный разъезд на Среднем Урале.

Будем и мы помнить Захара Берсенева, Дмитрия Исакова, Алексея Иванова, добровольцев полка «Красные орлы» из нашего города.

Однажды Захар Степанович написал такие строки:

Мы миру всему расскажем
О ваших геройских делах,
Отдавшие жизнь за Советы,
Ходившие в «Красных орлах».

ЧОНОВСКИЕ КАРАУЛЫ

Рукопись, найденная в Крыму

Накануне празднования 70-летия Великого Октября внушка Константина Петровича Воронова, одного из первых комсомольцев Асбеста, передала мне стопку машинописных страниц.

— Это рукопись деда, она отыскалась в Крыму. Что с ней делать?

Волновался и я. Много слышал о том, что К. П. Воронов занимался историей города и собрал немало интересных материалов, документов, редких фотографий. Была у него, говорят, мечта — издать все это. Но не получилось. Почему, судить не берусь.

После смерти Константина Петровича рукопись исчезла из города на долгие годы. Я уж не надеялся познакомиться с ней. Но мне повезло. Дочь К. П. Воронова, узнав о готовящемся переиздании моей документальной повести об Асбесте, переслала бумаги отца на Урал.

Это были заметки, записанные со слов ветеранов революционного движения А. Д. Ильина, П. М. Тюстина, Е. Е. Шадрина, А. П. Ярцева, Ф. Е. Аввакумова, старожилов Н. Т. Махаева, М. С. Шилова, М. И. Савелкова, И. В. Топоркова, учителей Ф. И. Аввакумовой, Н. П. Шабуровой, врача А. Н. Надеждинского и других асбестовцев. Перед каждой заметкой Воронов указывал: «Записано по рассказам...»

Записи эти велись в течение нескольких десятилетий и охватывают период с начала века до 1923 года. Не все из них помечены датами, не все логично связаны между собой, порой за жанровой картинкой следует скупая справка, но безусловная их ценность в том, что они содержат факты, зачастую неизвестные или стертые временем.

Для писателя и историка труд К. П. Воронова представляет, без преувеличения, огромный интерес. Здесь живые детали быта добытчиков асбеста — дореволюционные цены на продукты и товары в приисковых лавках, репертуар театрального кружка имени Волкова, перечень семей, имевших рояли, мотоциклы, фотоаппараты; приметы эпохи — работа на асбестовых рудниках в первую мировую

войну многих сотен мобилизованных киргизов, колоритные портреты монархистов, черносотенцев, меньшевиков, эсеров; новые имена революционеров: члена РСДРП, участника боев пятого года в Петербурге И. Н. Казанцева, горного инженера Николая Смирнова, сосланного в Томскую губернию, рабочего Льва Малоземова, организатора молодежной группы.

Безусловно, заслуживает внимания и такой момент. В 1917 году большевики распропагандировали взвод солдат, присланный для охраны военнопленных и динамитных складов. Прапорщик Коваленко с двумя унтерами-украинцами отправились на помощь Раде, остальные солдаты во главе с Иваном Ложкиным записались в Красную гвардию асбестовых приисков.

Доброе, большое дело выпало на долю Кости Воронова, воевавшего с колчаковцами и белополяками. Вернувшись с фронта на костылях, он сразу включился в строительство новой жизни. Записки о прошлом, оставленные первым комсомольцем, хорошо показывают, какого труда стоили его товарищам всходы новой жизни.

Я отобрал для публикации несколько заметок, относящихся к началу двадцатых годов. Признаюсь, они отредактированы с учетом обстановки и документов того времени, уточнены характеристики действующих лиц, но фактический материал остался неприкосновенным, как и подобает свидетельствам очевидцев.

Огонь не погас

Добровольца гражданской войны Яшу Шабурова избрали председателем волостного комитета

комсомола. Парень он был молодой, энергичный, бывалый, приказов не ждал. Да и работы навалилось невпроворот, разруха оставила бедственные следы на асбестовых приисках.

Один за другим вставали в строй фабричные корпуса, оживали машины, все веселей и многлюдней дышали механические мастерские. А вот руды не хватало, сортировки работали с перебоями. В забой спустились трудармейцы, крестьяне из ближних деревень.

Наступил день — зашевелились подъемники и кабель-краны. Начали перекличку юркие паровозики, возившие коппелевские вагонетки с асбестовым сырьем...

И тут в мае двадцатого обозначилась еще одна беда: на электростанции кончаются дрова. Что это значит, объяснять не надо, — остановка производства, поселки останутся без света. А где взять людей на заготовку топлива?

— Александр Давыдович, поручите нам, — просит председатель волкома большевика Ильина. — Молодые, сдюжим по две смены.

— Давай, Яков, — радуется Ильин, что Шабуров опередил его. — Сами обойдетесь или партийцев подбросить?

— Справимся.

Начальник электростанции Иван Васильевич Топорков, в прошлом матрос крейсера «Паллада», угрюмо опустил голову. Силач, независимый человек, он на какое-то время растерялся перед надвинувшейся угрозой. Да и как не растеряться — спрос-то в первую очередь с него.

Шабуров бросил клич по приискам, и комсомольское собрание единодушно решило заготовить дрова в нерабочее время. Яков первым взялся за укладку узкоколейки в лесосеку. Вчерашние фрон-

товики и подростки, отработав смену в цехе, дружно выходили на строительство. Только за полночь разбредались по домам. Одна артель валила лес, пилила чурбаки, другая вела железную дорогу. И с той и с другой стороны взмывали в небо песни.

И вот уже пошли по узкоколейке лошади, потянув за собой на двор электростанции восьмикубовые вагонетки. Управились вовремя, огонь в котлах не погас.

Однажды в волком РКСМ заглянул Топорков, нерешительно потоптался, снял шапку:

— Я к вам, ребятаки...

— Что-то случилось, Иван Васильевич? — тревожно приподнялся из-за стола Яков Шабуров. — Может, наша помощь снова понадобилась?

— Да нет, я, это, извиниться пришел.

— За что извиняться-то? — опешил председатель волкома.

— Дак это, — сокрушался мужик, переминаясь с ноги на ногу, — виноват я, не поверил тогда. Думаю, пошумят, пошумят, а котлы митингом не нагреешь. Кругом виноват...

— Кто пошумят? Мы? — вскинулся Шабуров. — Ты, дядь Ваня, говори, да не заговаривайся. Белых не испугались, а тут отступать?

В июле комсомол получил новое задание — обеспечить сеном красноармеек, державших коров, и триста казенных лошадей. Парни и девушки на сенокосе работали безвозмездно, не считаясь со временем. И это поручение было выполнено.

А еще молодежь взяла культурное шефство над селами. В Грязновском, Белоярском, на станции Баженово асбестовцы ставили спектакли, давали концерты, вели антирелигиозную пропаганду. Кстати, не без влияния комсомольцев служители местной Успенско-Богородской церкви отдали все

храмовые ценности в фонд помощи голодающему Поволжью.

И, конечно, все поголовно занимались спортом, особенно популярны были гимнастические снаряды, футбол, лыжи. Лыж в продаже, правда, не встречалось, но их делали своими руками в столярной мастерской. Спорт давал силу, а сила ой как требовалась юности. Годы тревожные: шалили в окрестностях банды, вредило кулачье. На Поклевской фабрике за одну ночь враги срезали все приводные ремни. Запасных не оказалось, и оборудование замерло. Много боевых ребят записалось тогда в ЧОН, чтобы охранять поселки и предприятия.

Срезанные на Поклевской ремни были все-таки найдены на Рудянской мельнице — от чоновцев не спрячешься. Фабрика снова заработала на полную мощь, а преступников передали куда следует.

Ночные выстрелы

Утром 14 октября 1922 года к исполкому на взмыленной лошади прискакал лесообъездчик с Вороньего брода Никола Антонов. Председатель исполкома В. С. Кардопольцев, выслушав его бесвязный рассказ, обзвонил милицию и больницу. Когда все собрались, Никола повторил сообщение.

Минувшим вечером где-то около 10 часов, когда его семейство управлялось со скотиной, вдруг донеслась стрельба. До пятнадцати винтовочных выстрелов. А на дворе темно, страшно. Утром чуть свет Антонов направился с объездом по Грязновской дороге и на шестнадцатом километре увидел оброненную кем-то шапку. Наклонился над ней и ахнул, приметив кровь.

— А шапку эту носил доктор Ноздря,— закончил Никола свой рассказ.— Вот так-то, отцы.

Три пары лошадей с людьми и восемь чоновцев верхом выехали на Грязновскую дорогу. Шли ходко, торопились, но с помощью все равно опоздали.

У балластной выемки, заросшей сосняком, перед потухшим костром лежали два мертвых человека. Один из них накрыт асямом — это доктор Л. П. Ноздря, другой — механик золотые руки В. И. Вонягин. Рядом брошены дорогие охотничьи ружья, в карманах механика все еще тикают несколько часов — он на досуге любил заниматься ремонтом точных механизмов.

Милиционер Хлыстиков после осмотра заявил:

— Не ограблены. Следовательно, это политическое убийство.

Лев Петрович Ноздря, любимец приисков, был родом из Черниговской губернии, на Урал приехал в 1911 году, закончив Харьковский университет. Он имел ученую степень, огромную эрудицию и слыл отличным диагностом. Воспитанный в демократической среде, доктор был отзывчивым человеком, в помощи никому не отказывал. До революции он приобщал рабочих к чтению (выписывал «Правду», хотя был беспартийным) и к спорту: сам прилично бегал на лыжах, коньках, был непревзойденным стрелком.

Врача Надеждинского, осматривавшего трупы, трясло, поэтому лишь в больнице установили, что голова доктора держалась только на позвоночнике — шея была перерезана.

Чоновцы нашли на месте убийства больше десятка гильз от трехлинейки и японской винтовки.

В квартире Ноздри было найдено завещание, написанное за три дня до роковой охоты: столовое серебро и утварь Лев Петрович распределял

по сотрудникам, медицинскую литературу оставлял больница, библиотеку — клубу «Пролетновь». Но с чем связано преждевременное завещание? Доктору кто-то угрожал? Это осталось тайной.

17 октября не одна тысяча жителей пришли проводить в последний путь Льва Петровича Ноздрю и Василия Ивановича Вонягина. На Первомайской площади перед братской могилой звучала траурная музыка. Надрывно гудели паровозы, печально басил гудок электростанции. Многие плакали, не стыдясь слез.

Исполком вынес решение назвать больницу именем доктора Л. П. Ноздри. В приемном покое долго висел портрет Льва Петровича, но в тридцатые годы он кем-то был снят. Название больницы постепенно забылось, а жаль...

Два месяца агенты губернского уголовного розыска с помощью комсомольцев-чоновцев вели расследование обстоятельств убийства доктора и механика. Они изъяли в окрестных деревнях много оружия, арестовали несколько скрывавшихся белогвардейцев, но преступники словно в воду канули.

Как банду брали

В ночь под новый, 1923 год в клубе «Артем» шел веселый комсомольский вечер. Открылся он праздничным концертом, в котором преобладали выступления струнного оркестра горпромуча под руководством А. Е. Абаскалова. В программе были не только «Интернационал» и «Варшавянка», но и вальс «Над волнами», русско-славянский танец, хоровые песни.

Когда зазвучало трогательное «Выхожу один я на дорогу...», в клуб влетел десятник Михаил Андре-

евич Клячев. Чоновцы Степан Копырин и Семен Гаврюшин, охранявшие вечер, кинулись к нему со всех ног. Отдышавшись, десятник спросил:

— Оружие есть?

Степан вытащил наган. Клячев успокоился:

— Вот и хорошо. Будьте наготове, клуб хотят взорвать...

Оказывается, к нему напросились ночевать трое молодых мужиков («морды кирпича просят!») на подводах. Обещали хорошо заплатить — ну и пустил, а после разговор подслушал: гости оказались бандитами, кем-то были посланы комсомольцев проучить. Вот и кинулся Михаил Андреевич в клуб, а им сказал, что к соседу отправился о лошади договориться, чтобы с утра за сеном ехать.

Описал Клячев обличье своих постояльцев и домой поспешил, дабы подозрений не вызвать. А чоновцы собрали потихоньку ребят, которые имели оружие, и обговорили план по захвату бандитов.

Приезжие не заставили себя долго ждать. Явились — верзилы как на подбор, косая сажень в плечах. Степан Копырин, тертый фронтовик, увидев момент, когда комсомольцы охватили троицу полукругом, выхватил наган:

— Руки вверх!

Мужики крутанулись, но где там — навстречу винтовки и револьверы. Подняли руки, побурели. Их тут же связали и обыскали. Целый арсенал нашли: финские ножи, четыре осколочные гранаты, одна фугасная — тяжелого типа, два браунинга, маузер.

Боевая операция прошла мгновенно. Молодежь в это время играла в третьего лишнего, было шумно, поэтому никто ничего не понял.

Бандитов под охраной отвели в милицию, а Степа Копырин с друзьями направился к десятнику,

чтобы поблагодарить его за помощь. Клячев собой был доволен. И Степана похвалил:

— Ты, Степа, тоже герой. Только вот скажи, что мне с ихним добром делать?

Ребята обнаружили в бандитских подводах винтовки, четыре сотни патронов, множество шуб, тулупов, костюмов, сапог. Были там также перины, самовары, другие ценные вещи.

Утром шесть чоновцев отвезли незваных гостей на станцию Баженово, где сдали в ЧК. Поняв, что влопались окончательно, мужики, вымаливая пощаду, рассказали все без утайки. Богатое имущество взято ими в состоятельных семьях в Ржевской волости. Людей, всех 18 человек, порубили топорами.

Так асбестовские комсомольцы потянули за окравленную ниточку клубка. И клубок размотался, вскрыв одну из самых зловещих банд, в составе которой было 75 кулаков и уцелевших колчаковцев. Она хитроумно оперировала в Екатеринбургском, Шадринском, Камышловском и Ирбитском уездах, умело уходя от погони. Кто знает, не ее ли головорезы лишили жизни наших дорогих товарищей доктора Ноздрю и механика Вонягина.

БАЛЛАДА О ЛЕНИНСКИХ ПИСЬМАХ

Эти события многолетней давности волновали и притягивали меня, но долгое время я не знал, как к ним подступиться.

Выручил Павел Васильевич Никитин, почетный гражданин города Асбеста, умудренный опытом краевед. Всегда есть о чем потолковать с ним, добрым знакомцем Ферсмана, другом замечательного художника Аввакумова, комсомольцем двадцатых, политруком Отечественной.

— Слышал, чем занимаешься,— сказал как-то Никитин.— Интересное времечко было!

— Вот ключ не подберу,— посетовал я.— Есть письма Ленина, фамилии, факты, а как связать все воедино, пока не вижу.

— Напиши Арманду Хаммеру, пусть просветит,— улыбнулся старик.

А что? Это был бы прекрасный ход — дополнить историю первой иностранной концессии в нашей стране свидетельством первого концессионера. Но, увы, это скорее из области фантастики, да и сам Хаммер в таком возрасте, когда не на каждое письмо отвечают.

— Да,— хмыкнул Никитин,— но не журись широко. Посмотри-ка, у меня кое-что набросано...

Старая тетрадь, оказавшаяся в моих руках, исписана бисерным почерком, все 96 листов в клеточку.

«Неурожай 21-го заставил меня, пятнадцатилетнего мальчишку, перебраться из деревни на асбестовые прииски, где зимогорил старший брат Митя. Мы жили на восточном борту карьера 8а. Из окна нашей полуземлянки виднелся угол мрачной Коревинской казармы. Она пустовала, как и многие жилища добытчиков асбеста. В выработках голубела вода, в ней плавали обломки досок. Подъемники не действовали.

Пусто на приисках. И голодно, так голодно, что невозможно описать. Не знаю, что бы стало со мной, братьями, всеми нами, если бы не помощь Ленина...»

1921 год — тяжелейшая страница не только в биографии рабочего Урала. Вспомним печально известный голод в Поволжье. Правительство срочно принимает меры по спасению голодающих. В июле была снаряжена Карская экспедиция, в задачу которой входила доставка промышленных товаров к

устьям Оби и Енисея: там намечался их обмен на продукты питания, обещанные богатым шведским концерном.

В числе обменных товаров были изделия уральцев: асбокартон, четыре сорта горного льна, различные набивки. Их качество перед отправкой оценивал А. Д. Ильин, уполномоченный правительственной комиссии по управлению асбестовой промышленностью.

За продвижением Карской экспедиции лично наблюдал Ленин. Он с нетерпением ждал телеграмм из Сибири. 8 июля пришли тревожные вести: С. И. Чуцкаев (заместитель председателя Сибревкома) выразил сомнение в успехе задуманной операции в связи с тем, что Л. Б. Красин аннулировал договор со шведами.

Владимир Ильич просит заместителя управделами Совнаркома и Совета труда и обороны В. А. Смольянинова немедленно разобраться в этом деле. Смольянинов получает обнадеживающий ответ заместителя наркома внешней торговли А. М. Лежавы. Но Ленин не удовлетворен.

11 июля он пишет: «Т. Смольянинов! Я **очень** боюсь, что оптимизм Лежавы **неоснователен**. Запросите **факты**, проверьте их. Проверьте лично и **дважды**. Потом поговорите по прямому проводу с Чуцкаевым и Иваном Никитичем Смирновым. Без всего этого я **не** поверю, что дело **обеспечено**»¹.

В этот же день из-под пера Ленина выходит еще одна энергичная записка: «Т. Смольянинов! Дело **исключительно** важное и **срочное**. Вы отвечаете за выполнение. Налягте всячески. Красин будет здесь 13/VII. Внесите в **СТО** к 13/VII»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 53.— С. 22.

² Там же.

На второй день после заседания Совета труда и обороны в Сибревком был отправлен ответ Смольянинова и Красина, в котором сообщалось о мерах, способных обеспечить успех Карской экспедиции.

Понимая, что благополучный исход этой экспедиции не решит проблемы снабжения хлебом, большевики асбестовых рудников отважились на дерзкий шаг. Они воспользовались правом, предоставленным государственному предприятию декретом Совнаркома о практическом внедрении в жизнь начал нэпа (реализация части продукции для приобретения недостающих предметов снабжения как внутри РСФСР, так и за рубежом). И несмотря на то, что на Дальнем Востоке еще гремела гражданская война, к берегу Тихого океана были отправлены два вагона с асбестом.

Много дней и ночей пробирались асбестовцы под командой храброго милиционера-коммуниста Василия Шелковкина через полыхающие огнем казачьи станицы Забайкалья, Приамурья, через белые гнезда Хабаровщины. Случалось им не раз пускать в ход пулеметы. И вот Владивосток. Здесь, в порту, уральские «купцы» нашли общий язык с одной из японских торговых фирм. На всю немалую выручку закупили чумизную муку. Она, сладковатая на вкус, затем долго отдавала пылью. Бывалый народ поговаривал, что японцы ею кормят свиней.

Первым делом Совет и партийная организация наладили справедливое распределение ценного продукта. В бывшей барской усадьбе на речке Грязнушке был открыт дом отдыха для наиболее истощенных рабочих. А. Д. Ильин для этого «пансионата» выменял в деревне на чумизу трех коров. Хлеб, молоко, сосновый бор быстро возвращали

к жизни изможденных людей. В школах поселка ученики были обеспечены горячими завтраками.

Стала налаживаться жизнь, оживали карьеры. Все больше асбеста поставлял Урал на внутренний рынок, начались поставки и за границу. Хотя до уровня 1913 года, когда только один Баженовский район давал свыше миллиона пудов готового асбеста, было еще далеко.

12 декабря 1921 года Президиум ВСНХ утвердил положение о государственном объединении асбестовых предприятий. Уже через четыре недели приступило к работе правление треста Ураласбест, возглавляемое Александром Давыдовичем Ильиным. В Ураласбест вошли рудники Баженовского, Невьянского и Режевского районов и асбокартонная фабрика на реке Пышме.

Что же стало с Алапаевским рудником? Почему его нет в составе треста?

Обратимся снова к тетради Никитина.

«Остается в памяти смешанное чувство горечи и страха перед нэпом. Дело в том, что просочился слух: скоро на рудники приедут иностранные буржуи и покажут нам кузькину мать. Слух не подтвердился, и ни одного живого капиталиста я не увидел.

Только в семидесятых годах узнал я подоплеку тех слухов. Оказывается, после X съезда партии в Екатеринбургском губкоме РКП(б) был составлен список предприятий, предназначенных к сдаче в концессию зарубежным капиталистам. Значились в нем и Баженовские рудники. Этот факт вызвал протест асбестовских большевиков. А. Д. Ильин доказывал, что отдавать в чужие руки уникальное месторождение, которое в скором будущем составит гордость и славу России, значило бы подвергнуть опасности национальное достояние.

— Да, капиталисты доставят новую технику,— соглашался Давыдыч.— Да, она будет работать эффективно. Но они не пожалеют нашу землю, выберут из нее все безжалостно и угробят месторождение. Давайте искать другой вариант.

Особая комиссия, которую возглавил член губкома партии И. С. Семериков, тщательно взвесила все «за» и «против». Поскольку доводы Ильина и его товарищей оказались убедительными, губком пересмотрел уже решенный вопрос. Кстати, Иван Семенович Семериков, в прошлом рабочий Балтийского завода, вожак большевиков Верхней Туры, а в будущем член ЦИКа на протяжении многих лет, горячо поддержал Давыдыча и предложил в концессию другой, небольшой рудник — Алапаевский, дававший в год около 40 тысяч пудов асбеста».

Вот почему среди предприятий треста Ураласбест не оказалось Алапаевского рудника, вернулся он в государственную систему лишь в 1930 году.

А история первой иностранной концессии в РСФСР такова.

Весь 1921 год В. И. Ленин был озабочен вопросом о привлечении в народное хозяйство иностранного капитала, считая это необходимым в условиях разрухи. В своих выступлениях Ильич разъяснял, что государственный капитализм, каковым он полагает концессию, нам не страшен, поскольку мы держим в руках все предприятия и сами точно и строго взвешиваем, какие из них и на каких условиях отдать иностранцам.

К сдаче в концессию предполагались нефтяные промыслы Грозного и Баку, шахты Донбасса, лесные разработки Севера, асбестовые рудники Урала... Но этому мешали многие факторы. Так, англо-голландская компания хотела получить лучшие нефтеносные площади в Грозном, оставленные для

государственной добычи. Совершенно неприемлемое предложение по эксплуатации Донбасса выдвинули немецкие фирмы.

В докладе на собрании партработников Москвы и Московской губернии 9 апреля Владимир Ильич с горечью заметил: «Мы усиленно стремимся заключать концессии, но, к сожалению, до сих пор ни одной не заключили»¹.

Только через полгода был подписан договор о сдаче в иностранную концессию Алапаевского асбестового рудника.

Как это было?

Старый большевик Л. К. Мартенс, представляющий одно время Советскую Россию в США, член Президиума ВСНХ и председатель Главметалла, сумел заинтересовать в выгодном деле одну из американских компаний.

14 октября Ленин писал в ЦК:

«Рейнштейн сообщил мне вчера, что американский миллионер **Хаммер**, русский родом... дает миллион пудов хлеба уральским рабочим на очень льготных условиях (5%) и с приемом **уральских драгоценностей** на комиссию для продажи в Америке.

В России находится сын (и компаньон) этого Хаммера, врач, привезший Семашко в подарок хирургических инструментов на 60 000 долларов. Этот сын был на Урале с Мартенсом и решил помочь восстановить уральскую промышленность»².

Б. И. Рейнштейн, на которого ссылается Ленин,— видный деятель российского и американского рабочего движения. Профессиональный революционер, эмигрант с 1886 года, он вернулся в Россию

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 43.—С. 156.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 53.—С. 267.

после февральской революции и вступил в партию большевиков.

Итак, в поле нашего зрения появились Хаммеры, первые из иностранцев, отозвавшиеся на боль русского пролетариата.

Вскоре были заключены два договора.

Первый: Арманд Хаммер, сын Юлиуса Хаммера, и его компаньон Б. Мишелл поставляют миллион пудов хлеба в обмен на уральские художественные изделия, платину, асбест (27 октября 1921 года).

Второй: Американская объединенная компания медикаментов и химических препаратов принимает в концессию на 20 лет Алапаевский асбестовый рудник (29 октября 1921 года).

Арманд Хаммер был принят Лениным впервые в августе 1921 года. Эту встречу с вождем русской революции доктор Хаммер описывает в книге, которая увидела свет в США еще в тридцатых годах. У нас она долгое время была неизвестна, только в сентябре 1964 года газета «Известия» дала в русском переводе отрывок из этой книги.

Вот как, следуя Хаммеру, проходила встреча.

«Две страны — Соединенные Штаты Америки и Россия, по словам Ленина, дополняют друг друга. Россия была отсталой страной с огромными запасами неразработанных естественных богатств... России нужны главным образом американская техника и американский размах, американские инженеры и конструкторы...

«Путешествовали ли вы по России?» — неожиданно спросил он. Я ответил, что только что провел месяц на Урале и побывал в охваченных голодом районах.

Его лицо помрачнело; горячий интерес, светившийся в глазах, постепенно сменился бесконечно грустным выражением. В этот момент я понял,

какое тяжелое бремя лежит на плечах этого человека.

Я рассказал о том, что видел на Урале массу материалов и рабочую силу, которую можно было бы использовать; что многие фабрики там оказались в гораздо лучшем состоянии, чем я ожидал.

Ленин кивнул. «Да,— сказал он,— все это так. Но гражданская война разрушила наше хозяйство, и теперь мы вынуждены начать все сызнова. Новая экономическая политика требует нового развития наших экономических возможностей. Мы надеемся ускорить этот процесс, используя практику иностранных промышленных и торговых концессий. Это открывает большие перспективы перед Соединенными Штатами Америки. Задумывались когда-нибудь об этом?»

Я сказал, что однажды горные инженеры заинтересовали меня предложением о добыче асбеста. Они говорили, что эту отрасль ожидает блестящее будущее...

«...Почему бы вам самому не взять концессию?»

Его предложение было для меня неожиданным». Так пишет Хаммер.

Свидетельства известного предпринимателя полностью подкрепляются ленинской перепиской. В ней сквозит напряженная озабоченность Владимира Ильича судьбой Урала. Так, 15 октября следует запрос Мартенсу: «Нельзя ли заинтересовать Хаммера планом электрификации Урала, чтобы Хаммер дал не только хлеб, но и электрическое оборудование (в долг, конечно)»¹.

Накануне заключения договоров с Американской объединенной компанией медикаментов Ленин

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 53.— С. 272.

снова пишет Мартенсу (копия председателю ВСНХ П. А. Богданову):

«Т. Мартенс!

Получил договора оба. Возвращаю.

Почему нет **дополнительных пунктов**, кои мне показывали (в проекте) Рейнштейн и Хаммер?

Надо поскорее доредактировать их и провести.

Необходимо обратить сугубое внимание на тщательное **фактическое** исполнение нами **наших** условий.

Не полагаться на приказы!

Без тройной проверки у нас все изгадят и ничего толком не сделают.

Надо толкового рукастого человека назначить лично ответственным и проверять.

Мы должны **ухаживать** за концессионерами сугубо: это и экономически и политически архиважно.

Сообщите мне, какие именно меры Вы или Президиум ВСНХ принимает.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)»¹.

Что за дополнительные пункты, о которых упоминает Ленин? Они касались предоставления Хаммеру и Мишеллу гарантий охраны их имущества, права свободного передвижения по территории РСФСР, въезда в Россию и выезда из нее служебного персонала, отправки грузов по железной дороге, закупок материалов через госучреждения и т. д.

Ленинскую заботу подчеркивает и такой факт. Узнав 17 октября об отплытии из Нью-Йорка первого парохода с пшеницей в счет договора о концессии, Владимир Ильич уже 19 октября пишет Мартенсу:

«Если план Хаммера дать 1 миллион пудов Уралу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 53.— С. 310.

серьезен (а из Вашего письма я выношу впечатление, что Ваше письменное подтверждение слов Рейнштейна заставляет считать план серьезным, а не простой болтовней), то Вам надо постараться придать всему точный юридический вид договора или **концессии**. ...Нам важно показать и напечатать (потом, после начала исполнения), что американцы **пошли на концессии**. Политически важно»¹.

Проходит несколько дней, и Ленин снова возвращается к уральской концессии. Характерно его письмо заместителю наркома внешней торговли И. И. Радченко:

«Т. Радченко!

Тов. Мартенс прислал мне подписанный Вами договор с американской компанией (Хаммер и Мишелл).

Мне кажется, что этот договор имеет громадное значение, как начало торговли.

Абсолютно необходимо, чтобы Вы обратили **сугубое** внимание на **фактическое** выполнение наших обязательств.

Я уверен, что без **сугубого** нажима и надзора **ни черта не будет** сделано. Примите меры тройной предосторожности и **проверки** исполнения»².

Сколько сил и энергии отдал Ленин, чтобы провести в жизнь первую концессию. Редкий день у него проходит без упоминания Алапаевского рудника, должного стать примером для предприимчивых людей Запада. И одновременно — существенной помощью молодой промышленности Советов.

Думается, условия, на которых был сдан в концессию асбестовый рудник, заслуживают внимания. Достаточно велик срок — 20 лет, постепенный рост

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 53.— С. 282—283.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 53.— С. 310—311.

производства с 80 тысяч пудов асбеста в первый год эксплуатации до 160 тысяч пудов через пять лет. Компания обязана применять все новейшие технологии, внедряемые на Западе как на добыче, так и на переработке горного льна. Договор предусматривал ежегодное отчисление РСФСР десяти процентов производимой продукции. Ну и конечно, хлеб, хлебушко...

Хлеб, хлебушко... О нем думал А. Д. Ильин, отправляя 1 мая 1922 года тревожное письмо в Уралпромбюро: «По сметным нормам за четыре месяца следовало получить 40 512 пудов хлеба, фактически получено и выдано трудящимся 15 546 пудов...»

Правда, утешала телеграмма Сибпродкома: в адрес Ураласбеста отправлено четыре вагона пшеницы и ржи, готовится к отправке еще 15 вагонов.

Хлеб Хаммера расходился по Уралу.

Ленин и в 1922-м не оставляет без внимания первенца советской международной экономики. В письме Сталину 24 мая он вносит предложение в Политбюро о решительной поддержке концессионного предприятия:

«...На основании этих сведений от тов. Рейнштейна я даю и Арманду Хаммеру и Б. Мишеллу особую рекомендацию от себя и прошу всех членов ЦК о **сугубой** поддержке этих лиц и их предприятия. Тут маленькая дорожка к американскому «деловому» миру, и надо **всячески** использовать эту дорожку. Если есть возражения, прошу **по телефону** сообщить их моему секретарю (Фотиевой или Лепешинской), чтобы я успел выяснить дело (и решить через Политбюро окончательно) до своего отъезда, т. е. на днях»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 54.— С. 272.

Предложение Ленина было принято Политбюро 2 июля.

Иностранная концессия под Алапаевском просуществовала до 18 апреля 1930 года и была расторгнута по инициативе компании — в то время разразился экономический кризис в странах капитала.

Летом 1929 года управляющий трестом Ураласбест получил указание приготовиться к приемке концессионного рудника.

В своей книге «Пути пройденные», изданной в Москве в 1970 году, Герой Социалистического Труда И. В. Парамонов писал: «Я приезжал на рудник и убедился, что никакой новой техники и новых приемов в добыче руды, обогащении и сортировке асбеста концессионеры не применяли. Они сильно запустили вскрышные работы и, по существу, вели добычу руды хищнически».

Здесь стоит с благодарностью вспомнить большевика Александра Ильина, предвидевшего подобный исход, и отдать ему должное. Будь концессия на богатейшем Баженовском месторождении, советская асбестовая промышленность долгое время не смогла бы занять передовых позиций на мировом рынке.

К чести Арманда Хаммера, следует сказать, что его прямой вины в нарушении технологии разработок под Алапаевском нет. Председателем правления американской концессии «Аламерико» был Юлиус Хаммер, его родитель.

Доктор Арманд Хаммер зарекомендовал себя несравненно лучше. Взятая им в концессию московская карандашная фабрика «Сакко и Ванцетти» радовала всеми видами карандашей прекрасного качества с 1925 по 1930 год. Весь Союз писал карандашами с маркой «А. Гамер». Эти карандаши,

как уверяют люди старшего поколения, превосходили эталонную продукцию немецкого фабриканта Фабера.

Карандашами «А. Гамер» сделал свои первые рисунки Николай Аввакумов, сын асбестовской учительницы Фаины Игнатьевны Аввакумовой. В тридцатых годах, уже известный в стране художник, он подружится в Москве с американским художником-коммунистом Фредом Эллисом.

Вряд ли он знал, что в тяжелом году спас его от голодной смерти соотечественник Эллиса доктор Хаммер. Сын Н. М. Аввакумова, известный художник Михаил Аввакумов, продолжил интернациональное дело отца, создав графический знак для международной ассоциации «Деятели культуры и искусства за ядерное разоружение». Президент этой ассоциации Гарри Белафонте увез этот знак в США, где теперь им помечены конверты и почтовая бумага; увеличенный до размеров плаката, он украсил стены зданий в американских городах.

Вряд ли знает и Хаммер, что этот рисунок имеет какое-то отношение к уральскому периоду его биографии. Да это и неважно, важно другое. Доктор Хаммер многое сделал для укрепления экономических связей США и СССР. И пусть его хлеба не хватило на всех жителей голодающего Урала, это был благородный поступок, оставивший имя американца в нашей истории.

Капиталист, владеющий четвертью миллиарда долларов, хранит в своем рабочем кабинете фотографию Ильича с дарственной надписью: «Товарищу Арманду Хаммеру от Вл. Ульянова (Ленина)». Председатель правления совета директоров крупнейшей фирмы «Оксидентал петролеум» в молодости неоднократно встречался с Лениным, о чем любит рассказывать и в семейном кругу, и на де-

ловых совещаниях, и в интервью журналистам.

Бережно хранит Хаммер ленинские письма. Одно из них (1921 год) начинается так: «Дорогой мистер Хаммер!» Другое (1922 год) звучит несколько иначе: «Дорогой т. Хаммер...» Эта едва уловимая разница в обращении лучше всего говорит об отношении Владимира Ильича к доктору Хаммеру.

Газета «Известия» неоднократно печатала обширные беседы с «красным бизнесменом». Наиболее памятна одна из них, опубликованная 17 декабря 1981 года. Доктор Хаммер в интервью М. Стуруа рассказывал, как ему удалось пополнить ленинское наследие в Советском Союзе подлинниками писем Владимира Ильича французскому социалисту Фердинанду Лорио (28 октября 1919 года), немецким революционерам Кларе Цеткин и Паулю Леви (16 апреля 1921 года), делился своими мыслями о роли личности в истории, очень тепло отзывался о Ленине, благодаря которому всю жизнь дружит с русскими.

Интересна публикация еще и вот чем. В ней повествуется история бронзовой обезьяны, которая сейчас находится в музее-квартире Ленина в Кремле. Обезьяна сидит на томах Дарвина и рассматривает человеческий череп. Мне доводилось видеть эту статуэтку, но и мысли не возникало, что она имеет отношение к Уралу, к Асбесту, к Алапаевску. Выходит, имеет, коли подарена Ленину Хаммером.

Ильичу статуэтка понравилась. По словам Хаммера, он так объяснил символику этого произведения:

«Я понимаю эту аллегория следующим образом: скульптор как бы пытается предупредить, что орудия войны с каждой новой войной становятся все более разрушительными. Если человечество не на-

учится жить в мире, если мы не достигнем мира на Земле, то цивилизацию может постигнуть катастрофа, и человечество в конечном итоге уничтожит самое себя. Оставшиеся на земле обезьяны будут с удивлением рассматривать череп человека — что, мол, это такое и откуда оно взялось?»

В наши дни между компанией Хаммера и Советским Союзом действует 20-летнее комплексное соглашение, заключенное на сумму 22 миллиарда долларов. Срок его действия закончится в 1998 году, когда Хаммеру исполнится 100 лет.

Арманд Хаммер часто бывает в нашей стране, он остался другом — сначала бедной Советской России, затем — могущественного Советского Союза.

В 1986 году доктор Хаммер произнес при открытии выставки изобразительного искусства из собраний советских музеев в Вашингтонской национальной галерее примечательные слова: «Празднуя сегодня возобновление культурного сотрудничества между нашими странами, я хотел бы подчеркнуть, что наши сердца сейчас с теми, кто на Украине. Мы горячо надеемся, что народы планеты сделают все возможное, чтобы помочь им».

Хаммер имел в виду советских людей, непосредственно переживших чернобыльскую трагедию. Сам он сделал все возможное и словом и делом.

В том же году, в мае, любители живописи Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Киева, Одессы познакомились с выставкой «Шедевры пяти веков» из личного собрания А. Хаммера — работами Микеланджело, Рафаэля, Рембрандта, Рубенса, Гойи, Тициана, Тинторетто и других великих мастеров. Это была уже третья выставка из коллекции доктора Хаммера в СССР.

Участвуя в Московском международном форуме

«За безъядерный мир, за выживание человечества» в 1987 году, Арманд Хаммер передал в дар советскому народу картину И. С. Куликова. Произведение этого художника, ученика И. Е. Репина, пополнило Третьяковскую галерею, а также картины замечательных художников Маковского, Бродского, Богданова-Бельского. Эти произведения Хаммер собирал в своих поездках по миру, чтобы вернуть их на родину. В коллекции Эрмитажа находится подаренная им работа Гойи «Портрет актрисы Антонины Сарате».

Третьяковке завещал доктор Арманд Хаммер картины других выдающихся художников, хранящиеся в его московской квартире.

И еще одно — он перечислил в Советский фонд культуры 100 тысяч долларов.

ЖИЗНЬ В «ЕВРОПЕЙСКИХ НОМЕРАХ»

Среди студентов Свердловского горного института Асбест популярностью не пользовался. Хуже того, отпугивал: пыльно, условия жизни не из легких, глушь. Страхи усугублялись рассказами практикантов, бывавших на асбестовых сортировках. Не все из них увидели в рабочих буднях перспективу переустройства некогда отсталой Кудельки в социалистический город.

18 марта 1932 года Александр Королев, полный ожиданий, пересел на станции Баженово из комфортабельного экспресса в махонький вагончик, и «кукушка», испустив пронзительный гудок, потащила игрушечный состав по узкоколейке в неведомый для него поселок.

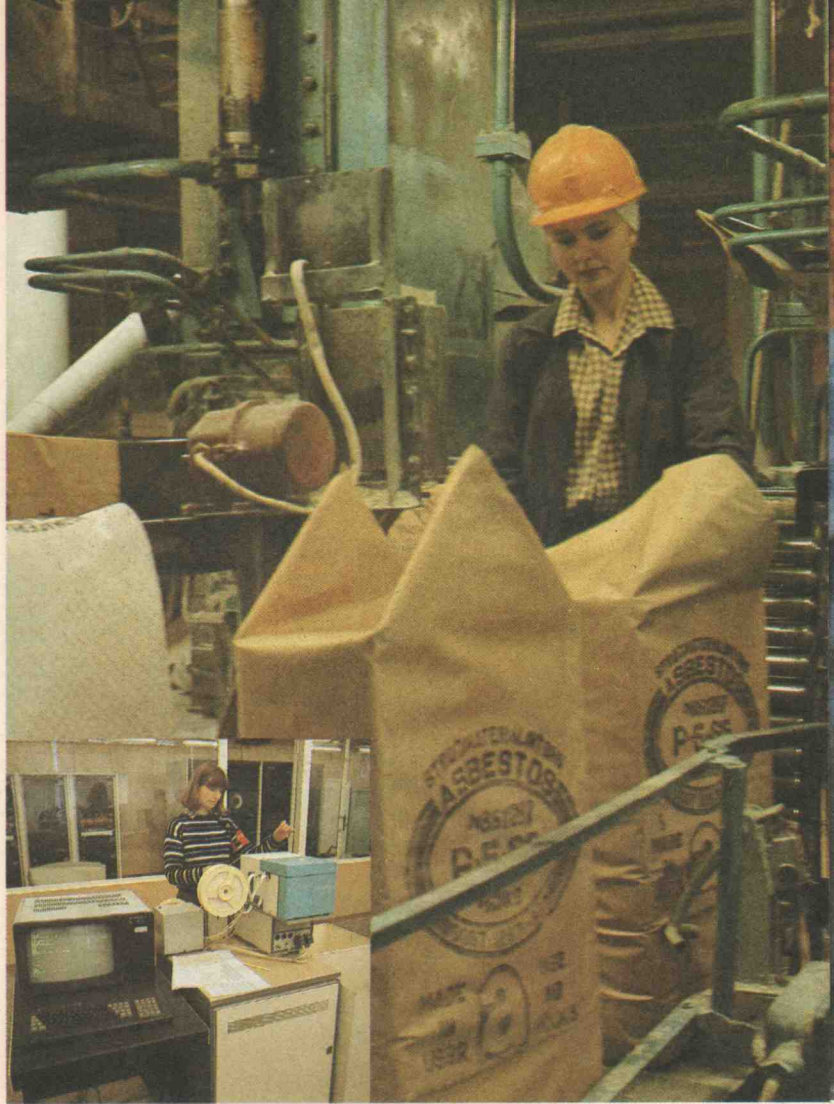
Но уже первые часы, проведенные на новом месте, заметно изменили настроение. Весь Асбест,

чудилось, насквозь пропитался ядреным смолевым запахом: росли добротные дома, школы, детские ясли, встречные люди выглядели бодро, свежо, молодо. Разбитной мужичок-кучер, доставивший студента в плетеном коробке со станции, все время подмигивал ему, показывая новостройки, мол, знай наших, не то еще можем. И действительно, асбестовцы многое умели, многое могли. Особенно понравились приезжему двухэтажный больничный городок в сосновом бору и монументальный, в духе конструктивизма, Дворец культуры на берегу начавшего мелеть Щучьего озера.

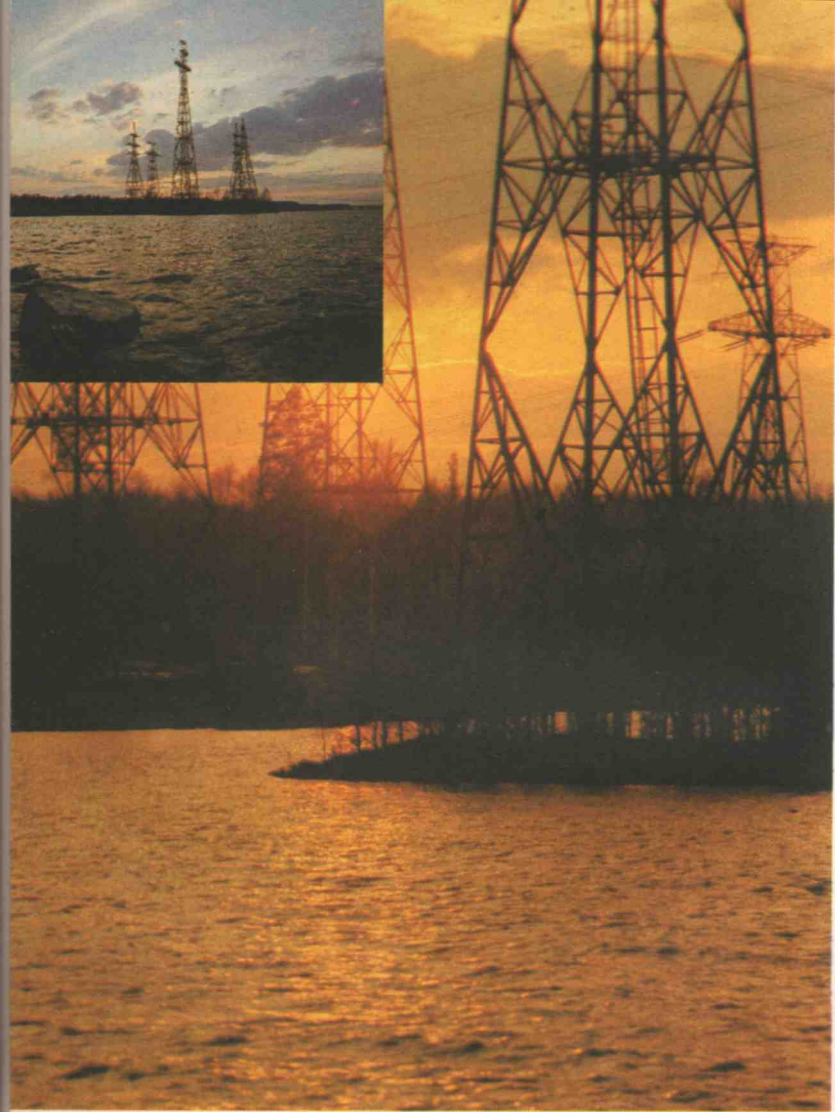
К слову, ДК имени Горького — особая страница в истории Асбеста. Здесь выступали не только свердловские театры, но и часть труппы МХАТа, джаз-оркестр Леонида Утесова, квартет имени Вильома, другие прославленные коллективы, о которых тепло вспоминают зрители тридцатых годов.

А знаете ли вы, что в Асбесте гостил знаменитый гроссмейстер Андрэ Лилиенталь? Это истинная правда. В 1937 году на рудниках проводился 11 Всесоюзный шахматно-шашечный турнир профсоюза рабочих горно-металлургической промышленности. 9 августа, в последний день турнира, Асбест впервые в жизни получил международную телеграмму. Из Стокгольма рабочих-шахматистов приветствовали Макс Эйве, Сало Флор и Андрэ Лилиенталь. А через два месяца Лилиенталь сам приехал к добытчикам горного льна и провел сеанс одновременной игры на 32 досках. Маэстро проиграл только одну партию. Это был звездный час четырнадцатилетнего мальчика Жени Лоханина.

Был среди тех, кто сражался с Лилиенталем, и горный инженер Александр Королев. Но до этого дня еще далеко. Пока он впервые в Асбесте и знакомится с производством. Честно говоря, встре-

Отсюда в десятки стран уходит горный лен
Вычислительный центр Рефтинской ГРЭС

Закат на водохранилище

Типичный рефтинский пейзаж

Художница Нина Ивановна Варфоломеева

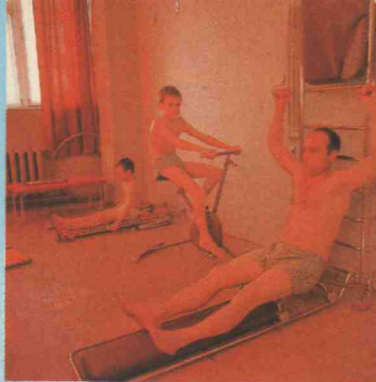
Работа Н. И. Варфоломеевой

Оздоровительный центр «Нептун».
После сауны приятен чай

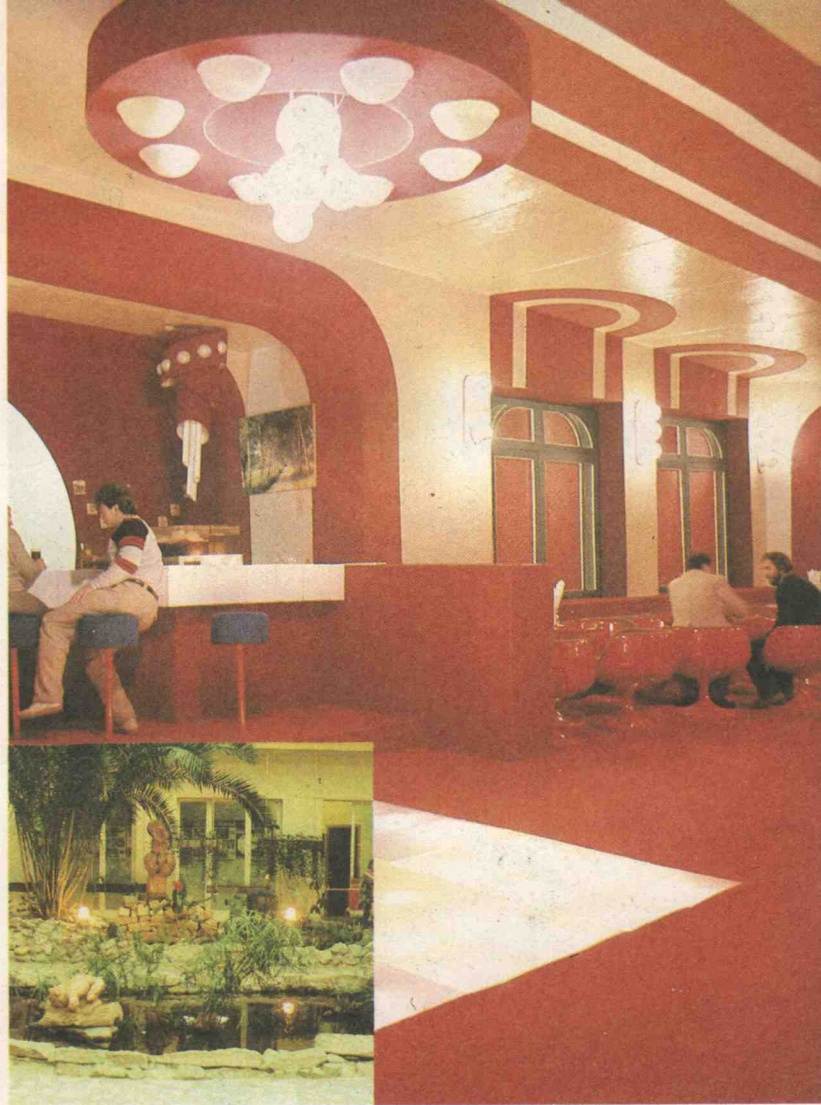
Общий вид оздоровительного центра. На заднем плане стадион «Ураласбест»

В «Нептуне» найдется занятие
для любого возраста

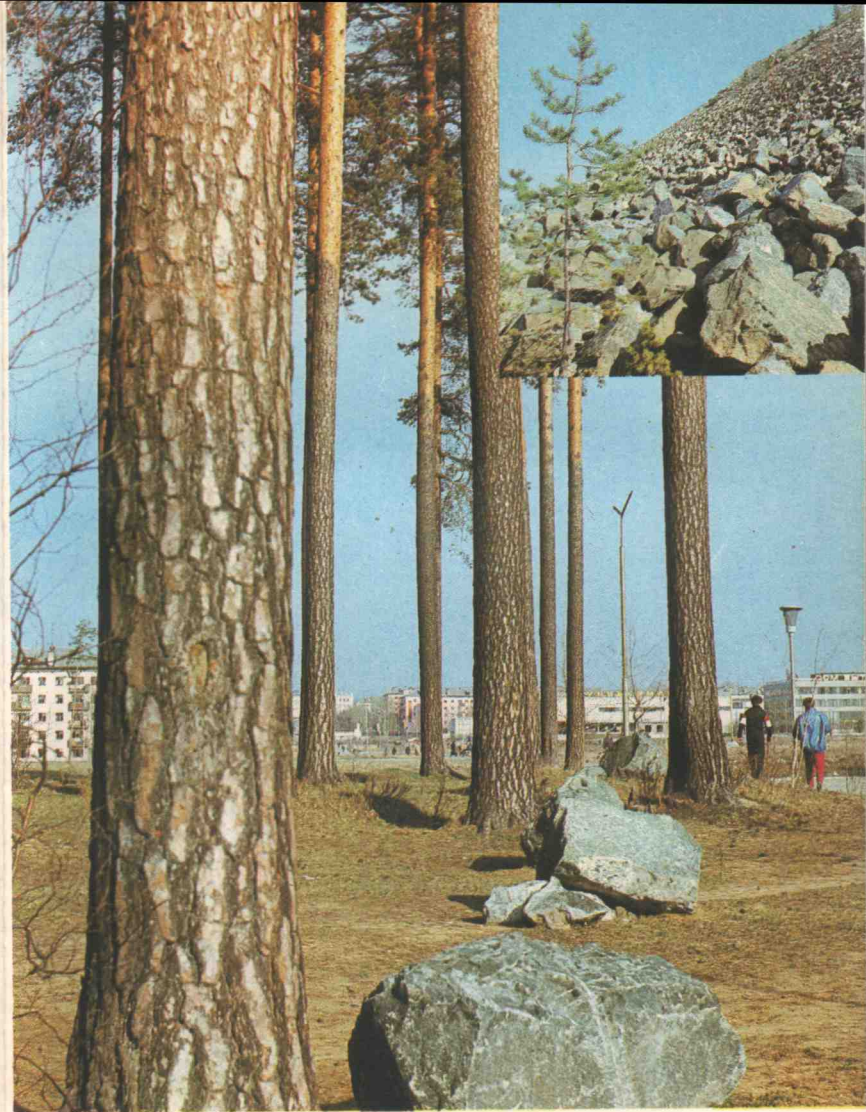
Профсоюзная библиотека Ураласбеста — старейшая в городе
Ребята из детского спортклуба «Ринг»

Кафе «Видео» принимает гостей
Пос. Рефтинский. Зимний сад ДК

Естественное украшение города

В город входит весна

Старые отвалы

Эпизод из дворовой жизни

На улицах Асбеста

У доброго хозяина и дрова смотрятся...

На первом солнышке

Город начинается с автовокзала

Круг — так между собой называют жители эту площадь в центре города

тившаяся на пути фабрика Ильинского участка по душе не пришлась. Оборудование примитивное, пыли много — в двух шагах человека не видать. Не о том мечталось будущему обогатителю, да и в институте считали, что подобные сортировки каули в прошлое.

Расстроенного студента принял главный технолог В. И. Володченко. Владимир Иванович только что вернулся из командировки в Канаду, которая считалась в то время владычицей мирового асбестового рынка, потому сразу же заинтересовался новичком и его дальнейшей судьбой.

— Нам дипломированные работники позарез нужны, дел невпроворот,— соблазнял Володченко.— Наступит день, и канадцы приедут за опытом на Урал, я твердо уверен в этом. Хочешь помочь?

— Так разное говорят про Асбест,— усмехнулся Королев,— и пыль тут, и... На фабрике был — это же прошлый век.

— Так, так,— поощрял главный технолог,— круши нас, таких-сяких, заслуживаем...

Выслушав ершистого практиканта, Володченко сдвинул брови:

— Все верно. Пыль? У нас горное предприятие. И насчет прошлого века прав, кстати, фабрика, которую ты видел, самая старая, дореволюционная. А вот по-большевистски ли только подмечать недостатки? Ты бы и взялся за нее. Как? Предлагаю тему дипломной работы, скажем, так: «Реконструкция первой асбестовой фабрики», а?

Королев опешил. А главный технолог продолжал:

— И давай поставим все точки над «и». Сейчас я тебе ещё кое-что покажу из прошлого века. Тогда и решишь. Не захочешь оставаться, неволить не стану.

1932 год памятен тем, что в Асбесте сносились последние казармы. Из множества их оставалось восемь. Одна именовалась в народе Шанхаем. Холодное деревянное здание, имевшее входы с торцов, внутри никаких перегородок, узкие оконца, посреди огромная печь-плита. Здесь проживало около двухсот семейных и одиночек. Спали они на топчанах и нарах, реже на самодельных деревянных кроватях. Семьи отделялись друг от друга занавесом из мешковины. Над плитой постоянно сушились портянки, пеленки, телогрейки... Тут же играли горняцкие дети.

Кровью облилось при виде этого грустного зрелища сердце будущего инженера.

— Скажите, Владимир Иванович, а живут здесь рабочие с первой фабрики?

— Сколько хочешь. Познакомить?

— Не надо.

— Нынче же перестроим под квартиры, — рубанул воздух энергичной ладонью Володченко. — А знаешь, сколько у нас было такого жилья?

Дореволюционная Куделька жила словно бы вне окружающего ее мира. В отличие от других промышленных уголков Урала, где из поколения в поколение работали на рудниках и заводах постоянные люди, здесь помимо малого числа зимогоров, как называли кадровых горняков, преобладали сезонные рабочие — пешие и конные крестьяне из соседних волостей, спешившие на прииски после посевной, чтобы немного подзаработать. Летом их насчитывалось до 10—12 тысяч. Вокруг закопшек вырастали балаганы и шалаши, сырые землянки и сколоченные на скорую руку деревянные халупы. На рубеже XIX—XX веков хозяева решились строить для пришлых рабочих общие бараки и казармы. Что это были за жилища, можно судить по

их стоимости. На Говорухинском прииске один летний барак обошелся Корево в 70 рублей — и это для десятков человек, а дом управляющего стоил 2 тысячи.

Горькая слава шла по деревням и городкам о казармах Кудельки. Острые на язык зимогоры на долгие годы закрепили за ними красноречивые названия: «Централ», «Арестантская», «Карантин», «Монастырь»... А «Европейские номера» пародировали претендующие на фешенебельность гостиницы больших и малых городов Российской империи. Эту «модную» казарму регулярно затапливали крупные ливни. Не слаще жилось и в «Австрийских казармах», где в годы первой мировой войны ютились военнопленные.

Особо мрачно выглядела «Арестантская». Нет, не внешним видом и внутренним убранством. На Коревинском прииске жили в ней люди без роду-племени, бродяги, беглые каторжники, уголовники. Корево привечал их не потому, что воспылал любовью к обездоленным, припомнив свою бунтарскую юность. Все было гораздо проще. Таким, как Степан Сахалинец (обратите внимание на кличку), он платил в два-три раза меньше, чем зимогорам, знал, жаловаться не пойдут.

Журнал «Горнорабочий» 26 января 1912 года поместил сообщение своего корреспондента: «Какое ужасное впечатление производят казармы. Грязные, вонючие нары, земляной пол. Под каждой нарой вырыты ямы для хранения пожитков... Течет со стен, с окон. Входная дверь не загорожена, и холодный воздух зимой врывается со двора и обдаёт несчастных... В результате страшной антисанитарии рабочие, их семьи заболевали тифом. А в конце 1911 года здесь разразилась эпидемия, которая унесла несколько десятков жизней».

Скупой, почти телеграфный стиль. Видно, что на страдания автору смотреть было невмочь. Смотреть невмочь, а наши деды жили так годами, десятилетиями.

Наблюдал жизнь на приисках и пионер фотографии на Урале В. Л. Метенков, владелец фотомастерской в Екатеринбурге, где снимались «на долгую память» многие асбестовцы. Работы Вениамина Леонтьевича экспонировались на выставках в Москве и Париже. У него фотографировалась в молодости Наталья Шабурова, учительница с асбестовых рудников. Метенков снял до первой мировой войны фильм о Кудельке, ее разрезах и казармах. Его лента, к сожалению, затерялась, и трудно сказать, где сейчас находится, даже если и уцелела за минувшие годы.

Если отпрыски управляющих и служащих учились в городах, то горняцкие дети, подрастая, как неприкаянная полынь-трава, понятия не имели о грамоте, предоставленные себе, с молоком матери впитывая невежество обитателей казарм, поножовщину и картежные игры. Учиться они стали лишь в 1905 году, когда открылись две маленькие школы на Вознесенском и Поклевском приисках. Первыми учителями вошли в летопись Асбеста Фаина Игнатьевна Аввакумова и Лидия Андреевна Захваткина. Через год к ним присоединится Наталья Прокопьевна Шабурова.

Не лучше обстояли дела и с медициной. Единственную больничку на Вознесенском вела с 1898 года фельдшер Татьяна Никитична Заостровская. Через 10 лет появились врач, акушер и аптекарь,— больница стала обслуживать все рудники, и хозяева вынуждены были раскошелиться на содержание штата медиков. Но тем не менее рабочих, пострадавших при несчастных случаях, лечили

не только лекарствами, но и бумажными актами полицейских урядников. После заключения врача о характере травмы урядник приписывал: «Пострадавший уехал домой». В ходу был второй вариант: «Пострадавший снова приступил к работе».

Известен только один факт, когда владельцы приисков позаботились о выдаче крупных пособий, да и то выполняя «высочайшее повеление». Дело было в 1906 году, и речь шла о помощи родным «воинов, убитых, умерших от ран, взятых в плен, а также увечных». Таковых семейств оказалось шесть, каждое получило по 70 рублей.

Когда в 1908 году сгорела приисковая больница, «сильные мира сего» никак не могли сговориться между собой о размере долевого участия в ее строительстве, пока не урезонил их (через два года!) грозный окрик из канцелярии главного начальника горных Уральских заводов действительного статского советника П. П. Боклевского.

Зато бурную кампанию развернули хозяева по сооружению Успенско-Богородской церкви. Специальный комитет в кратчайшие сроки присмотрел сухое каменистое место для храма божьего и направил прошение Митрофану, епископу Екатеринбургскому и Ирбитскому, в котором просит владыку разрешить комитету «кружку для сбора пожертвований». Кампания эта началась в апреле 1913 года, а уже в мае благочинный Николай Топорков прислал в Кудельку разрешение духовной консистории. Быстрехонько был утвержден и проект храма.

По планам строительного комитета сладкозвучные колокола Канавинского завода г-на Привалова из Нижнего Новгорода должны были пригласить прихожан на открытие храма в августе 1914 года, о чем извещался отец Алексей, настоятель Санкт-Петербургского Адмиралтейского собора, пригласи-

шенный на освящение новой церкви, но помешала война, отодвинувшая срок на целый год.

Пример с Успенско-Богородской церковью показателен. «Власть предержажие» видели в религии верного союзника, помогавшего вершить произвол над затюканным людом. Большинство рабочих, особенно сезонники, уповали на бога, хотя и знали, что Георгий Азряков, местный батюшка, любит балагурить и пить горькую, что не совсем приличествует духовному сану. Так что душная атмосфера «Европейских номеров» со всеми мрачными реалиями — закономерность, а не случайное упущение хозяев...

После такого экскурса в прошлое даже недостатки в Асбесте показались Королеву чуть ли не достоинствами. Ничего не осталось здесь от прежней Кудельки. Открыты горный техникум, рабфак, школа ФЗУ. А сколько перемен в промышленности! В карьерах черпают руду экскаваторы. Они, правда, иностранные, но управляют ими не иноземные специалисты, не «варяги», а свои, дети зимогоров, советские машинисты Григорий Копырин, Сергей Алексеев, Леонид Лизунов...

Вошла в эксплуатацию гордость отечественной промышленности — асбестообогащительная фабрика № 2 «Гигант», росли корпуса еще одного крупного обогащительного предприятия.

Пройдет год, и в жизни горняцкого поселка случатся два памятных события: будет закончена перешивка узкоколейной железнодорожной линии Баженово — Асбест на нормальную колею, и затерянный в тайге населенный пункт получит свободный выход на магистрали Народного комиссариата путей сообщения; постановлением Президиума ВЦИК рабочий поселок Асбест получит статус города областного подчинения.

Так и совпала полвека назад судьба молодого инженера с судьбой молодого города.

Асбест стал для Королева тем дорогим, о чем громогласно заявил Владимир Маяковский: «С такою землей пойдешь на жизнь, на труд, на праздник и на смерть!» Все эти связи между ними есть, но среди них одна наособицу — война. Оба прошли ее с честью, город и Королев. О том рассказывал сам Александр Александрович: экспрессивно, толково, интересно. Мне, записавшему его воспоминания, не потребовалось приукрашивать язык и содержание — горькие времена всегда самые памятные и находят острый отзыв в сердце, даже если прошло столько лет.

А. А. Королев, к сожалению, не успел увидеть опубликованными свои воспоминания о работе в тылу.

Генеральный директор горно-обогательного комбината Ураласбест, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и премии Совета Министров СССР, заслуженный строитель республики до последнего своего часа находился на рабочем месте.

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

...С легкой руки технолога Володченко я, студент, приехавший на преддипломную практику, так и остался в Асбесте на всю жизнь. Проект реконструкции правой половины Ильинской фабрики, как и предсказывал Владимир Иванович, сослужил добрую службу производству. Мне самому довелось монтировать оборудование в цехах, а затем работать главным инженером. Эта сортировка, строительство которой началось до первой миро-

вой войны, была полностью переведена на прогрессивный русско-канадский метод, позволивший пустить в переработку руды с более бедным содержанием асбеста.

Надо ли говорить о том, что судьба моя инженерная складывалась нормально, я был доволен работой. А страшные страхи при одном упоминании Асбеста, витавшие над головами выпускников нашей альма-матер — Свердловского горного института, конечно же, оказались безосновательными, и вся наша группа, как один, попросилась на самостоятельную работу именно на Баженовское месторождение.

Не скрою, привлекал простор, привлекали возможности роста. Через семь лет после окончания института я получил назначение директором асбестообогатительной фабрики № 2, крупнейшей в Советском Союзе. Теперь ее нет, а тогда это было первоклассное предприятие с героической биографией.

В конце двадцатых годов Ураласбест, чтобы обеспечить потребности отечественной промышленности и сотрудничавших с нами зарубежных фирм, строил ряд крупных объектов: рудник «Спартак», фабрику для переработки руды с коротким волокном, шахту, расширял мощности первенца ленинского плана ГОЭЛРО — Егоршинской электростанции... Но главной заботой оставалась фабрика № 2, включенная в план строительных работ первой пятилетки. По тому времени вырисовывалось гигантское предприятие, мощностью 40 тысяч тонн асбеста в год, что равнялось выпуску и всех действующих фабрик, и тех, которые еще строились. Не случайно еще долгие годы даже в официальных документах вторая так и именовалась — «Гигант».

Ударная стройка подходила к концу, и вдруг... 11 мая 1929 года стряслась беда — вспыхнули деревянные корпуса фабрики. Огонь поглотил многомесячный труд тысяч людей, дорогостоящие аппараты, импортное оборудование.

Пожаром в Асбесте заинтересовался Сталин. Прибыла правительственная комиссия, шло следствие, закончившееся судебным процессом. Вскрылось вредительство, в котором оказались повинны специалисты-строители из числа амнистированных ранее белогвардейских офицеров.¹

В иное время и иные люди опустили бы руки перед таким чудовищным бедствием, но только не сейчас и не большевики. Правительственная комиссия одобрила предложение управляющего асбестовым трестом, в дальнейшем Героя Социалистического Труда И. В. Парамонова, и других руководителей Ураласбеста восстанавливать корпуса из огнестойких материалов. Одобрила, но срок назначила невероятный — один год.

По мобилизации Асбестовской партийной организации на строительство были направлены коммунисты из действующих цехов, комсомольцы поселка. Сверхударный объект возглавил большевик, член первого Совета Степан Жарков.

На бурных митингах и собраниях рабочие дружно пообещали уложиться в жесточайший срок. И это при тогдашней примитивной технике, при носилках и прочем «мускульном» инструменте!

Энтузиазм строителей подкрепили материальными стимулами. Как раз тогда, впервые в стране, опробовали оплату труда по аккордным нарядам,

¹ Этот вывод, если следовать критическому переосмыслению событий 20—30-х гг., нуждается в тщательной проверке.— А. Ч.

премии, возрастающие за каждый день досрочного завершения того или иного этапа работ. Чрезвычайно тяжело пришлось зимой: операции с железобетоном на перекрытиях велись при стуже 35—38 градусов.

К 1 мая 1930 года в ЦК ВКП(б) получили рапорт уральцев: фабрика восстановлена!

В июле «Гигант» выдал первый асбест.

Вот куда я и был направлен за год до Великой Отечественной войны. Коллектив к тому времени уже сложился, добился рентабельности, чему способствовали повышенные расценки за выработку высоких сортов продукции, упорядоченная система оплаты труда рабочих ведущих профессий. Правда, остро чувствовался дефицит командных кадров. Из 47 руководителей только трое обладали вузовским дипломом, четверо прошли через техникумы. Жизнь подсказала: надо смелее выдвигать на ответственные должности лучших рабочих. Так, слесарь И. В. Биринев, моторист Г. С. Байнова, регулировщик Н. А. Никифоров получили под свое начало смены, а начальники смен В. М. Токманцев и И. К. Топорков возглавили цеха. Переиздавать приказ по этому поводу не пришлось.

Летом 1940 года партия и правительство приняли меры по увеличению производства асбеста и асбестовых изделий.

Государство вкладывало в Ураласбест немалые средства, отдача не замедлила бы сказаться — все получалось прекрасно, шли крупные работы по реконструкции действующих и строительству новых предприятий, оснащались горнотранспортной техникой карьеры, производство асбеста достигло максимального уровня...

В то памятное воскресенье я с товарищами возвращался в город с рыбалки. Излюбленное ме-

сто на Пышме — Старушечья мельница — все еще стояло перед глазами, но отличное настроение постепенно уступало странному, тревожному чувству. У клуба имени Кирова при въезде в Асбест толпился народ, напряженно вслушиваясь в репродуктор. До меня донеслось: «... дадим отпор!»

Перво-наперво мелькнула мысль: что-то случилось на фабрике, не пожар ли снова? Звоню из дому своему главному инженеру Межиборскому:

— Как дела, Исаак Семенович?

— Дела? Вы что, ничего не знаете? Война...

Это было так неожиданно. Медленно опустил я телефонную трубку, соображая, что же делать дальше. Рыбалка и война как-то не вязались друг с другом.

Управляющий трестом Нектарий Петрович Пашкин созвал срочное совещание. Отныне на всех заседаниях, планерках и раскомандировках обсуждали только вопросы военного времени. Решение было суровым, но необходимым — поставить на консервацию Южный и Северный рудники, закрыть первую и третью фабрики. В строю оставались Октябрьская фабрика, вырабатывающая текстильные марки асбеста, наша, вторая, производившая сорта полужесткой текстуры, и Центральное рудоуправление — рудная база.

Вот когда до нас в полной мере дошло, что асбест — важное стратегическое сырье.

А в городе полным ходом шла мобилизация. Знакомые рабочие с котомками, провожаемые семьями, направлялись к военкомату. Среди них узнавал своих, фабричных. Моим первым побуждением было встать в их ряды, взять в руки оружие...

Утром следующего дня тщетно искал на фабрике начальника одного из ведущих цехов. Оказа-

лось, ночью его вызвали в военкомат и отправили на фронт. После подобные случаи повторялись неоднократно. Пришлось обращаться к военным властям, чтобы заранее ставили в известность, кто и по какой специальности подлежит призыву в армию. К чести военных, срывов больше не было, и мы перестраивались в кадровом вопросе на ходу, хотя, признаться, давалось это нелегко. Ведь к концу сорок первого больше половины обогатителей нашей фабрики находились в окопах. Работали в подавляющем большинстве женщины и старики.

Дальше стало еще хуже. Из-за нехватки людей перевели цехи на двухсменный режим. Смены Анны Сажинной и Григория Козлова самоотверженно трудились по двенадцать часов. Бывало, с фабрики не выходили, спали тут же, в раскомандировочной, где завхоз установил железные койки. Но никто, поверьте мне, никто не жаловался на тяготы, столь неожиданно обрушившиеся на наших людей. Да и кому жаловаться? Так жил весь город.

Невелик был тогда Асбест, но, как и все тыловые города и села, он по-дружески встретил семьи эвакуированных рабочих, детей, потерявших на дорогах войны родителей, аппарат Наркомата промышленности строительных материалов СССР. Эшелоны Ленинградского завода асбестовых технических изделий встречал на вокзале первый секретарь горкома партии А. В. Коптелов. Этому предприятию и Егорьевскому заводу тормозной ленты город отдал два лучших здания — Дворец культуры и недостроенный Дом Советов. Ленинградцы и москвичи прибыли в августе, а в сентябре уже наладили выпуск продукции для уральских танкоградов.

Первую партию раненых принял эвакуогоспиталь, размещившийся в школе имени Максима Горького и ремесленном училище. Через него до лета

1944 года пройдет 12 тысяч бойцов и командиров.

Основная тяжесть забот о возросшем населении города легла на плечи треста Союзасбест. Но больше всех, пожалуй, досталось Нектарию Петровичу Пашкину. Он, оставаясь управляющим, взвалил на себя еще и ношу директора ремонтно-механического завода, который срочно переходил на производство оборонной продукции. В одной упряжке с Пашкиным дружно работал его заместитель К. А. Тарасевич, представитель когорты первых комсомольцев Асбеста.

Это никогда не забудется. Готовясь к первой военной зиме в переполненном городе, горком партии и горисполком наметили построить узкоколейку до Теплого Ключа, что в двадцати километрах от Асбеста, в лесной чаще. Горняки и обогатители, девушки-комсомолки валили вековые деревья, готовили трассу, укладывали в любую погоду рельсы. Их подвиг можно сравнить с героизмом Павла Корчагина и его товарищей. Сейчас об этой эпопее редко вспоминают, а жаль. Забывается и еще одна узкоколейка — она протянулась с вокзала до главного корпуса госпиталя. По ней на железнодорожных платформах вручную перевозили доставленных с фронта раненых.

Маленький заштатный наш городок оказался полон людей в красноармейской форме. Среди них не только выздоравливающие, но и посланцы частей, приехавшие за пополнением, и военпреды, курирующие выпуск оборонной продукции, и счастливики-отпускники, прибывшие на недельку домой по случаю ранения. За одним фронтовиком с гордой медалью «За отвагу» ватагами бродят пацаны. Маршируют у военкомата призывники, среди молодежи встречаются и пожилые люди, побывавшие на империалистической войне.

Картинки военного тыла. Они врезались в память на всю жизнь. Это понимаешь лишь сейчас, когда от войны отделяют десятилетия, а в ту пору все выглядело будничным, однообразным и даже чуть обидным для меня — последняя (из множества) просьба об отправке на фронт опять отклонена.

— Здесь тоже фронт, — говорят мне люди с усталыми глазами. — Если дают бронь, значит, в тылу больше пользы будет.

Разумом я понимал, да вот сердце советовало иначе. Но сам непреклонно повторял слова, сказанные мне высоким начальством, когда кто-то из фабричных специалистов допекал меня такими же рапортами. Не имел права дать согласие.

Принято считать, что цифры и проценты улаживают слух одних экономистов. Не согласен. Когда наша фабрика выполнила план 1941 года по выпуску асбеста на 109,2 процента, все мы, полуголодные и полубольные, ликовали как дети. Выходит, и мы оборону держим под Москвой и Ленинградом. И каждый отдавал себе отчет, что война только начата, она потребует еще большего мужества.

Помнится, не хватало угля для барабанов, где сушилась руда. А у нас неподалеку сосновый бор, с болью решили пожертвовать им. Рубили стволы, пилили их на чурбаки, кололи дрова. Возили дрова на лошадях, пока те не были мобилизованы или не передохли от бескормицы, а затем сами — сани...

Однажды встречаю за этим занятием почтенного человека, слесаря-инструментальщика Бодовского. Ему где-то за семьдесят пять было. Но потомственный рабочий не думал о покое. Говорю ему:

— Никита Петрович, чего же вы за такую тяжесть взялись? Сейчас кого-нибудь помоложе пришлю.

А он, старый большевик, только усмехнулся:

— Помоложе? Где ты их возьмешь, пусть воюют. Я, Александр Александрович, чуток отдохну да снова впрягусь. А ты ступай, ступай, у тебя дела государственные, негоже директору санки возить.

Тащим с ним санки с дровами, а я про себя думаю: с такими стариками не пропадем!

Никита Петрович с делегацией Свердловской области отправился на Калининский фронт для передачи подарков подшефной 375-й стрелковой дивизии. Там и встретил совершенно случайно своего приемного сына Мухамета Ахметзянова, дал ему строгий отцовский наказ очищать родную землю от оккупантов. С честью выполнит Мухамет этот наказ, но будет бой, из которого он не вернется. Смертью храбрых погибнут Анатолий и Владимир Бодовские, только Николай обнимет старого родителя, приехав домой инвалидом. Никита Петрович Бодовский проживет долгую жизнь — 96 лет, его наградят орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Зачтется при этом и его доблестная работа в дни Великой Отечественной войны.

И впрямь — стар и млад у нас встали на защиту Отечества. Двенадцатилетний мальчик Володя Помазкин, ученик электрослесаря, тому наглядное подтверждение. Вымотанный, посеревший, он работал за взрослого, дело свое знал и никогда не терял бодрости. Мать его, наша, фабричная, была довольна помощником: не подводит отца-фронтовика. Так начинал свою горняцкую судьбу известный сейчас в асбестовой промышленности экскаваторщик, кавалер ордена Ленина, лауреат Государственной премии СССР Владимир Иванович Помазкин.

С трепетом ждали почты с фронта. В Асбест, как и в любой другой город, приходили казенные

письма с похоронками. В каждом цехе то и дело плакали женщины. В боях с захватчиками погибли забойщик Салых Бикташев, бурильщик Дмитрий Пакулин и сотни других горняков и обогатителей. Привычные к войне, с заплаканными глазами являлись на смену работницы, и я, директор, не всегда знал, кого сегодня надо освободить от производства, чтобы вволю выплакаться.

Условия военного времени все больше давали знать о себе. В 1942-м «Гигант» работал с перебоями — не хватало электричества. Дело в том, что Урал оброс эвакуированными заводами, важными для обороны, и снабжали электроэнергией в первую очередь непосредственно оборонные цеха. В Асбесте, помимо завода АТИ, разместились предприятия, где делали гранаты, мины, артиллерийские снаряды, детали для реактивных минометов и многое такое, о чем не распространялись даже в личных разговорах. У нас, необходимо отметить, действовал и единственный в стране аккумуляторный завод. Все танковые части, в том числе и Уральский добровольческий танковый корпус, ходили в атаку при помощи асбестовцев.

Прибывшие предприятия порой не имели крыши над головой. Не забыть, как соорудили за две недели деревянные корпуса гранатного цеха. Всего за войну под эвакуированные цеха было построено 27 тысяч квадратных метров производственных площадей.

Вынужденные остановки из-за нехватки электроэнергии напоминали непредвиденное нарушение биологического ритма организма, приспособившегося к сверхэкстремальным ситуациям. Благодаря запасам асбеста на складах трест привлекал обогатителей к реконструкции железнодорожного хозяйства Центрального рудоуправления. Требова-

лись люди для работы в соседних деревнях, где находились наши фермы и огороды. Разбухший город задыхался без дров — мы запасали их для госпиталя, больниц, школ, столовых, детских садов.

Вообще, не скажу, что в то тяжелое время мы напирали главным образом на государственный план. Много работали над улучшением технологии. Так, на отсасывании волокна в цехах установили более мощные вентиляторы, ручную транспортировку шестого сорта заменили механической. В цехе обогащения появились дробилки «Джембо», вдвое увеличившие производительность третьей секции.

Бои под Москвой, Сталинградом, на Северном Кавказе и в других огненных точках нашей земли требовали свежих бойцов. Все более расширялись представления о людских возможностях. Асбест оголил цехи донельзя. На «Гиганте» осталась треть списочного состава. Я, здоровый, молодой инженер, в очередной раз подал заявление: прошу отправить в действующую армию... Не потому, что считал тыл второстепенным, нет, я хорошо знал, как дорого стоит здесь каждый день жизни. Я видел этих измученных работой женщин, помогал им таскать тяжеленные мешки с асбестом. Видел престарелого Бодовского и осунувшегося Володьку Помакина, очереди у хлебных магазинов, слушал безрадостные сводки Совинформбюро.

Наконец получаю направление в Военно-политическую академию имени Ленина. Курс там, знаю, кратковременный, значит, скоро на фронт. Но в наркомате, а он находился в Асбесте, не одобрили мой порыв, через Государственный Комитет Обороны вернули к прежним обязанностям. Поставил я в угол приготовленный «сидор» и больше, как говорят у нас на Урале, не рыпался. А тут и жизнь пошла веселее — в 1943 году потребности в асбесте

возросли, ГКО постановил: вернуть с фронта высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников асбестовой промышленности.

Составили список необходимых людей, передали в наркомат, Соснину. Вскоре прямо из окопов в обожженных шинелях заявили Николай Щербаков, Никифор Горшколепов, Василий Токманцев, Александр Березин, Сергей Циреньщиков, десятки рабочих, инженеров, знатоков асбеста. Пропахшие порохом, они с жадностью окунулись в работу.

А дела назревали серьезные. В октябре 1943-го была вновь пущена в эксплуатацию асбофабрика № 3, оживали рудничные забои.

Отрадно и другое. Трудящиеся стали получать увеличенные пайки. Килограмм хлеба, масло — дневная карточка рабочего основных цехов, в месяц — 4,5 килограмма тушенки, мяса или колбасы. То есть мы были приравнены к оборонной, угольной и металлургической промышленности. Появились в директорском фонде и «сп», как кратко именовали спецталоны на дополнительное питание, положенное наиболее отличившимся рабочим, бригадам на тяжелых работах, сверхурочникам. Приварок этот сыграл свою роль, хотя, что там говорить, до сих пор с горечью думаю, что мало было «сп», что много было тех, кто в них нуждался.

А с фронта не прекращался поток казенных известий. Все больше вдов, все больше сирот. Погибли лучшие из инженерного корпуса: Аблямит Кудусов, Василий Шорников, Александр Задорожный, директор ремонтно-механического завода Анфиноген Головин. Пришла весть о смерти братьев Михаила и Николая Бирючевых. Родственники павших работали за двоих...

Не могу в связи с этим не сказать о вдове фронтовика, грудью прикрывшего Москву, горном

инженере Марии Григорьевне Шорниковой, первой женщине — руководителе асбестовой промышленности. Всю Великую Отечественную войну она находилась у руля Октябрьской фабрики, обеспечивающей текстильными сортами асбеста единственный в стране завод АТИ. В цехах работали практически одни женщины. К апрелю 1942 года на фабрике из 67 мужчин призывного возраста осталось двое.

Завод асбестовых технических изделий получил в войну с Октябрьской фабрики 5678 тонн асбеста. Это только четверть выработанной продукции, остальное шло на другие оборонные заводы. При трехкратной перевалке военный асбест составил миллион мешков. Подняли же его худенькие плечи Натальи Прилуковой, Паши Брызгаловой, Дании Шайхутдиновой, Груши Красниковой и многих других отважных женщин Октябрьской фабрики. Одолела этот миллион и солдатская вдова Мария Шорникова, надрывалась до слез, но выстояла и детей подняла. Теперь они стали инженерами, продолжили славу родителей.

Отличился в войну и другой горный инженер, Михаил Тутов, предложивший экскаваторный способ отвалообразования, который нашел применение на всех горнодобывающих предприятиях нашей страны и за рубежом.

«Наше дело правое! Мы победим!» — эти крылатые слова обретали плоть не только на передовой. Мы, работники тыла, готовили для отправки бойцам полушубки, валенки, свитера, кисеты, подписывались на первый Государственный военный заём, собрали свыше 2,5 миллиона рублей на строительство танков для Уральского корпуса, в том числе «Асбестовского танка». На средства асбестовцев изготовлены броневедомитель, самолет и другая

военная техника. Помнится, каким всеобщим праздником был день, когда в город поступала очередная телеграмма Верховного Главнокомандующего с благодарностью за собранные в Фонд обороны деньги.

Еще в середине войны группа рабочих и инженеров ремонтно-механического завода за образцовое выполнение правительственных заданий по обеспечению фронта была награждена орденами и медалями СССР. Среди награжденных — мальчик Володя Ершов, знатный токарь, отмеченный медалью «За трудовое отличие»; орден «Знак Почета» получили Н. П. Пашкин, талантливый инженер Э. К. Розит. Разумеется, не ради наград трудились мы в тылу, но уже чеканились ордена Ленина для И. П. Флягина, Ф. Фаткулина, Ю. Юнусова и других героев-забойщиков.

Да, чтобы не забыть. Интересная, на мой взгляд, деталь. Война — время суровое, не до веселья, но подрастала молодежь, требовала отдыха и душа взрослого человека. Клуб имени Кирова всех устроить не мог, а ДК занят эвакуированным заводом. Так и родилась мысль о строительстве нового клуба. Приземистый, каркасно-засыпной, он вырос за несколько недель. В нем отмечали и День Победы, и 225-летие со дня открытия русского асбеста. Кстати, клуб существовал долго, еще в 1957 году здесь шел фильм Сергея Герасимова «Тихий Дон».

Недавно, перебирая старые документы, обнаружил уголок газеты «Асбестовский рабочий» военного года, а на нем черным по серому объявление орса: «Граждане! Сдавайте верхушки клубней продовольственного картофеля и обеспечьте себя нужными товарами. За каждый сданный килограмм верхушек картофеля вы можете купить 500 граммов масла, или 500 граммов соли, или 5 коробочек

спичек, или 0,5 литра винно-водочных изделий».

Картофельные глазки. Мы садили их на подсобном участке вдоль Белоярского тракта. Помню первый урожай — маленькие невзрачные клубни. Помню с любовью: они тоже внесли вклад во всенародную победу.

Так и жили мы по законам военного времени. Жили худо, горестно, но честно...

В ОГНЕ НЕ ГОРИТ

Эту книгу редко где найдешь. Выпущена она крохотным тиражом летом 1945 года в освобожденной Вене. «Приказы войскам 1-го Украинского фронта Верховного Главнокомандующего, Генералиссимуса Советского Союза И. В. Сталина» — так называется прекрасно оформленный том с фотографиями Г. К. Жукова, И. С. Конева, Н. Ф. Ватутина.

Ее хозяин, Георгий Иванович Устьянцев, командовавший в Курской битве стрелковым батальоном, вспоминает:

— В Европе стояли мирные дни, тянулись ввысь зеленые свечи каштанов. Непривычная и долгожданная тишина. Потому вдвойне хотелось увековечить четыре кровопролитных года борьбы с фашизмом. Мне, в то время офицеру для особых поручений при политуправлении Центральной группы войск, поручили раздобыть хорошую бумагу и кожу для издания книги. Зная, для кого она готовится, в считанные часы перевернул всю австрийскую столицу, пока не нашел необходимые материалы. А печатался сборник в типографии газеты «За честь Родины». Один из экземпляров, наверняка единственный, попал со мной на Урал.

Прошедший огонь и воду фронтовик, имеющий пять боевых орденов, дорожит раритетом: это и память об опаленной юности, и верность погибшим друзьям, и завет новым поколениям.

«Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом» — так сказано в книге, привезенной с войны.

Фронтная память. В семье Щедриных она выглядит иначе: деревянная бирка с номером 2409 и алюминиевый котелок, на котором нацарапано: «На Родину. В Асбест. Щедрин». Это свидетельства о лагерях смерти, которые прошел капитан Михаил Борисович Щедринский, член ВКП(б) с 1932 года, попавший в плен к фашистам под Ленинградом после ожесточенного сражения, в котором у него были перебиты пулями ноги.

В концлагере возле Ченстохова встретился капитан с довоенным другом Борей Токаревым. Они вместе работали на Октябрьской фабрике. Борис, отчаянная головушка, был до полусмерти избит после очередного побега. Когда-то лучший спортсмен, он напоминал старика, но не сдавался.

— Бежим, Миша,— шептал ночью на нарах Токарев,— бежим, иначе смерть...

— Я бы рад, Боря,— отвечал Щедринский,— да куда я с такими ногами, только подведу тебя. Доберешься до наших, дай знать в Асбест, что жив...

Не знал он, что жена, Мария Ильинична, в декабре 1942 года получила похоронное извещение, в котором и место его гибели было указано. А она не ведала, что капитан Щедрин (лагерный псевдоним) только начал свой невероятно жестокий путь.

В лагере Бела Подляска пленные советские врачи в антисанитарных условиях, без хирургических инструментов сделали Щедринскому сложнейшую операцию по сращиванию перебитых нервов в ногах. Они рисковали жизнью, спасая товарища, но ходить капитан так и не стал. Два с лишним года, вплоть до восстания узников концлагеря Везуве (возле голландской границы), он буквально ползал на четвереньках, за что друзья прозвали его Танкеткой. Ползал на коленках, но жил с высоко поднятой головой,— один из руководителей подпольной группы, он вселял веру в изувеченных пленников лагеря особого назначения.

В апреле, за месяц до окончания войны, калеки, считавшие себя солдатами регулярной Красной Армии, перебьют охрану и захватят в плен коменданта лагеря Везуве Альберта Майстера, эсэсовского палача, чистокровного арийца, члена НСДП. Как только у них хватило сил не разорвать на клочки холеного человеконенавистника! Майстер получит свое на Нюрнбергском процессе.

Осенью 1945 года в Асбест пришло письмо: «После трехлетнего молчания возобновляю свой голос. Я пишу не из загробного мира, я жив, правда, не совсем здоров. Теперь нахожусь уже на советской территории, везу на Родину бывших военнопленных. Знайте, помните и никогда не забывайте, мои родные, что русский народ — самый большой, самый великий! Мы перенесли все ужасы ада, но победили. Наша победа завоевана не только штыком и гранатой, она завоевана духом, завоевана силой советского человека. Я калека. Еду пока в военный госпиталь. Не знаю, нужен ли буду вам такой, но, обещаю, никогда не буду обузой. Очень хочу скорее увидеть маму, жену, детишек. Капитан Щедринский».

Не знаю, кто был больше рад. Жена, дети? Наверное, мама, простая русская женщина по имени Глафира. Не случайно, когда Михаил Борисович возьмется за воспоминания, он назовет себя Глафиринским.

Постаревший, исхудавший, на костылях вернулся на Урал капитан Щедринский. Здесь и встретил Бориса Токарева. Жив отчаянный беглец! Правда, тот побег оказался не последним. Еще и еще раз бросали фашисты упрямого русского за колючую проволоку. Был Борис Токарев даже в Освенциме, откуда совершил свой седьмой по счету и победный бросок.

Обнявшись, плакали двое искалеченных войной, но не сломленных бойцов, еще не зная, что коротенькое анкетное «плен» отнимет у них не один год жизни.

Позднее, когда Щедринского за антифашистскую борьбу в лагерях смерти наградят орденом Отечественной войны, он, автор первого в стране учебника по обогащению асбестовых руд, возьмется за рукопись «Война за колючей проволокой». Но она оборвется на 93-й странице...

«Совершили побег два офицера — оба с культяпками вместо ног. Выбравшись чудом за колючую проволоку, они на коленях поползли в сторону фронта, до которого было несколько сот километров. Фашисты обнаружили их недалеко от лагеря. Все ждали, что беглецов вздернут — виселица на апельплаце никогда не пустовала, но, к удивлению и радости, охранники их даже пальцем не тронули. Видимо, и этих извергов по призыванию поразило мужество советских офицеров».

Из того же племени и Григорий Демьяненко, один из командиров подпольного русского батальона «Бухенвальд» в известном лагере смерти.

Щедринский встречался на лагерных нарах с асбестовцем Николаем Федотовских, тоже вернувшимся домой.

Испытал фашистскую неволю и мой сосед по Садовой Иван Назаров, одноногий инвалид, которого, помню, часто навещали в Асбесте товарищи по плену.

Как бы ни было трудно, Асбест регулярно посылал на фронт пополнения — сотню за сотней, тысячу за тысячей. Вслед за отцами уходили подрастающие сыновья. Горняцкая молодежь и старшекласники осаждали военкомат и горком комсомола. В армию отпускали не всех, дел хватало и здесь, в цехах, работающих на оборону.

По-разному складывались судьбы асбестовцев-фронтовиков, как и других защитников Родины. Одни не покинули своей части до взятия Берлина, кто-то оказался в окружении и ушел в партизаны. Не щадила война — появились инвалиды. А иных планида забросила далеко в Европу.

Лейтенант Вениамин Долганов несколько лет сражался с фашизмом в Италии. Черноглазые апеннинцы называли его Беньямино Русо и высоко ценили боевые качества советского офицера. Когда Муссолини бежал из Милана, именно Русо и его взводу поручили устроить засаду для поимки дуче. И хотя лично Долганову не удалось схватить основоположника фашизма, есть в том и его заслуга. А что же касается эсэсовских частей обергруппенфюрера Вольфа и карабинеров-чернорубашечников, то их Беньямино бил без стеснения. В этом на русского лейтенанта равнялись бойцы итальянского Сопротивления.

И в тылу противника героически воевали наши земляки. Их много, всех не перечесть, но это имя не назвать невозможно. Сейчас Павла Боровских

знает вся Украина. Стрелок-радист со сбитого противником самолета, он установил связь с партизанской группой в районе Львова и добывал ценные сведения в имперских учреждениях губернатора Галиции доктора Бауэра. Венцом всей этой опаснейшей работы стал добытый им план заминированных памятников культуры Львова, которые враг замыслил взорвать перед своим бегством. Павел своевременно сообщил информацию советскому командованию. Взрывов во Львове не произошло. Благодарные львовяне выбрали бесстрашного разведчика с Урала почетным гражданином своего древнего города.

На всех фронтах и флотах, во всех родах войск боролись с врагом посланцы горняцкого города: матрос-комендор Краснознаменного Балтийского флота Саша Лямина, офицер Войска Польского Ричард Маслянкевич, командир отдельного саперного батальона гвардии подполковник Григорий Лисин, удостоенный полководческих орденов Суворова и Александра Невского, авиастрелок Валя Юдакина, артиллерист Александр Миронов, военный водитель Анисья Сухоносова, конник Анатолий Медведев... На подступах к Москве насмерть стояли пять сотен асбестовцев из 365-й стрелковой дивизии, а небо столицы бессонно охраняли Аня Савина, Ася Шипицина и десятки уральских девушек.

Особо отличился на фронте артиллерист Алексей Махнев. В 1943 году наши войска овладевали важной в стратегическом плане дорогой Орша — Смоленск. Раненый Махнев остался один в оружейном расчете, но не растерялся. Он подбил пять танков, два бронетранспортера с пехотой, уничтожил около 150 немцев. За этот подвиг Алексею Григорьевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

До сих пор оплакивает Россия тех, кто не вернулся с полей сражения. Вот и в Асбесте не сыскать семьи, где бы не хранилась фотокарточка парня или девушки, погибших на войне. В каждой найдется пожелтевшее от времени извещение с официальным текстом: «...пал смертью храбрых в боях за независимость нашей Родины».

Коля Кузнецов был веселым, отзывчивым хлопцем, спортсменом. Любил популярную в те дни песню, в которой такие слова: «Ты представь, что за тобою полоса пограничная идет...» Комсомолец, ворошиловский стрелок, он окончил Асбестовский горный техникум и работал в карьере, откуда и призвали на срочную службу. Судьбой славного парня интересовались в рабочем коллективе, и вот в городской газете появилось письмо молодого красноармейца «Готовлюсь к защите Родины». Коля писал землякам, что военное дело ему нравится и он успешно овладевает специальностью, «чтобы уметь с честью защитить родную землю».

Война застала бойца на западной границе. И он уже не представлял, а воочию видел пограничную полосу в огне и грохоте артолетов. Здесь, в оборонительных боях, пригодилась Николаю солдатская наука мирного времени. Не случайно за два года вырос он в грамотного, закаленного командира и в начале 1943 года был старшим лейтенантом, замполитом роты 196-й танково-десантной бригады.

В марте бригада пошла в глубокий прорыв на Смоленщине. Николай Кузнецов принял на себя командование десантом в бою за деревню Погорелую. Десант есть десант, он всегда в тылу противника. На этот раз немцы превосходили наших в пехоте и технике. Силы были неравны, но десантники не теряли хладнокровия. Приказав занять круговую оборону, Николай передал по цепи:

— Держаться до последнего!

И они держались.

Экономя патроны, гвардейцы подпускали врага на удобное для точного прицела расстояние. Но вал за валом перла гитлеровская солдатня, вооруженная до зубов, поддержанная шнапсом.

Вспомнил ли Коля обещание, данное землякам в своем письме? Об этом можно только гадать. Известно другое. Когда вышли боеприпасы, командир из Асбеста повел оставшихся бойцов в контратаку. Повел бойцов, вооруженных стальными уральскими ножами.

В ожесточенной рукопашной схватке погиб весь десант. Немцы заплатили за него дорогой ценой: на каждого советского солдата пришлось по три фрица.

Кузнецовы — фамилия уральская, но вряд ли они знали друг друга, десантник Николай Кузнецов и разведчик, Герой Советского Союза Николай Кузнецов. Дело у них было общее, оно и уравнило обоих в глазах благодарных асбестовцев.

История ратной поры советского народа донесла до нас немало исключительных примеров гражданской и воинской доблести соотечественников. Скажем, подвиг Зои Космодемьянской. Пovelось считать почему-то, что совершившие подобное непременно повторяют подвиг Зои. Но это думается, не повторение, а личное и единственное в жизни каждого человека решение, продиктованное силой духа, социалистическим воспитанием, любовью к Родине.

И Роза Иванникова, направленная комсомолом в партизанский отряд, останется в летописи Великой Отечественной войны подлинной патриоткой, совершившей свой бессмертный подвиг. Конечно

же, она знала, как и все, о героической смерти Зои из очерка в «Комсомольской правде», потому и в партизанский отряд записалась под именем Кати Иванниковой. А когда попала в руки фашистских извергов, гневно отвергла позор предательства, предпочтя ему намыленную петлю на походном эшафоте карательного отряда.

Подвигом Розы Иванниковой гордятся в средней школе имени Максима Горького, все новые и новые поколения равняют жизнь по храброй девушке, которая училась в этих стенах.

Не уронили на фронте честь одного из первых асбестовских большевиков, добровольца Красной Армии Трофима Караваева, погибшего в боях с колчаковцами, его сыновья — Алексей и Борис. Алеша пал в сражении за Витебск. А Борис мстил за смерть брата до декабря 1941-го. В письме к родным, в своем последнем письме, он, сам того не подозревая, почти дословно повторил слова-клятву своего отца: «Мне с детства незнакомо чувство страха. И я сейчас спокойно смотрю смерти в глаза...»

Взамен погибших уральская земля выставляла свежее пополнение.

16 января 1943 года газета «Уральский рабочий» опубликовала заметку «Танковый корпус сверх плана». В ней сообщалось, что танкостроители Урала обязуются изготовить сверх плана первого квартала столько танков и самоходок, сколько требуется на армейский корпус, одновременно обучив из своих же рабочих водителей-добровольцев.

Свердловский, Пермский и Челябинский обкомы ВКП(б) обратились в Центральный Комитет партии с просьбой сформировать и отправить на фронт Уральский добровольческий танковый кор-

пус, полностью снаряженный на средства тружеников рабочего края. ЦК ВКП(б) одобрил инициативу уральцев, и за одну неделю в горкомы партии и военкоматы поступило свыше ста тысяч заявлений.

И в Асбесте не знали, что делать с добровольцами. Тщательно изучал заявления заведующий военным отделом горкома партии Иван Кочергин. В конце концов было решено — тринадцать человек.

«От участника Великой Отечественной войны, временно, по ранению, освобожденного от службы в Красной Армии,— писал Антон Пеполь, электрик фабрики № 2.— Готов досрочно вернуться в строй фронтовиков. Доверие коллектива полностью оправдаю».

Антон воевал в лыжном разведывательном батальоне, был ранен под Орлом. После шестимесячного пребывания в госпиталях отправили фронтовика в тыл, в родной Асбест. Не истекла и половина отсрочки, а он, узнав о формировании добровольческого танкового корпуса, стал штурмовать медкомиссию. Но рана еще не зажила. Разведчик проявил характер, уговорил все же главного врача.

Сборы были долгими, зато отбор — верный. Правда, уже не тринадцать, как было решено, а двадцать коммунистов и комсомольцев выставил Асбест в танковый корпус: Петр Григорьев, тоже понюхавший пороху, как и Пеполь, Дмитрий Антоненко, Павел Шмыков, Иван Брызгалов, Алексей Непомнящих, Василий Гущин...

А вскоре асбестовцы узнали, что их посланцы воюют на совесть. Орден Красной Звезды вручен за храбрость Андрею Черепанову, которого накануне отправки на фронт приняли кандидатом

в члены ВКП(б). Рискуя жизнью, вывел из окружения «катюшу» старшина Дмитрий Антоненко. Медаль «За отвагу» получил комсомолец Антон Пеполь. Отличился в бою коммунист Владимир Братский. Добрые вести шли в Асбест из добровольческого соединения.

Не обошлось и без потерь. В числе первых не стало Андрея Дмитриевича Черепанова. Только через тридцать лет стало известно, где он похоронен. Вдова и дети героя навестили братскую могилу на высоком днепровском берегу. В музее боевой славы станции Гусино, что на Смоленщине, где был госпиталь, в котором умер раненый танкист, хранится теперь фотография уральского солдата, а рядом с ней — серый, в асбестовых прожилках камень, который тоннами ворочал на фабрике № 1 упаковщик Андрей Черепанов.

Был среди добровольцев и семнадцатилетний комсомолец Вася Мусальников. Этого человека я знал на протяжении десятилетий и, больше того, знал его словно близкого родича, хотя и ходить не умел, когда его родители получили фронтовое письмо: «Показал себя честным, преданным и истинным патриотом нашей Родины. Вы смело можете гордиться сыном, ибо он заслужил это чувство не только у вас и личного состава, но и у всего советского народа».

Не потому выделяю Мусальникова, что он был лучше и храбрее других. Просто знал я его хорошо и счастлив, что знал, не подозревая, что буду гордиться нашей дружбой, когда его не станет. Отношения у нас были особенные, невзирая на разницу в возрасте. А все дело в том, что срочную службу я проходил в Уральско-Львовской имени Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского гвардейской добровольческой танковой ди-

визии. Да, это преемница славы Уральского танкового корпуса. Так что встречались с Василием Павловичем на правах однополчан. Да еще выяснили: он принимал присягу в тех самых казармах, где через 19 лет и я поставлю свою подпись под классическим текстом солдатского обещания на верность.

Ту зиму 1965 года не забыть. Двадцать раз ложился на землю белый снег, двадцать раз справляли после войны день рождения Советской Армии.

Пришел Мусальников в карьер на смену, а мастер ему и говорит:

— Ты что это, Василий Павлович, от военкомата таишься, адрес свой не даешь?

— Как это таюсь?

— Да так. Повестка тебе на цех пришла, просят явиться.

Экскаваторщик развернул бумажку: «Прошу явиться... для вручения награды...»

Он так и подумал о юбилейной медали, которую вручали всем фронтовикам. И удивился, когда вместе с медалью получил орден Красной Звезды. Да, да, вспомнил, ведь я его однажды уже получал. Когда же это было?

В передышке между боями батальон отвели в прифронтовой лесок. Прокатился слух: приедет комбриг Фомичев ордена вручать. Слух слухом, а бойцы приводили себя в порядок, прихорашивались, свежие подворотнички подшивали. И точно, после обеда приехал командир бригады, но вместо орденов вручил каждому из награжденных машинописную справку с пометкой «не вручен». С тем и ушли в бой.

Так давно это было, что Василий запомнил, за что его наградили. То ли за четырехдневную

оборону сахарного завода в Каменец-Подольском, когда без воды и хлеба горстка храбрецов отражала натиск «тигров», то ли за ту разведку, из которой уцелели двое.

Деревенька-то была так себе — пять дворов, но запала она в душу навсегда. Все забыл — время, место, имена товарищей, а овраг тот, из которого фашисты головы приподнять не давали, не смог забыть. Кто-то точно сообщал вражеской артиллерии координаты наступающей бригады.

— Уральцы, кто со мной? — обратился к автоматчикам замполит. Пожелавших остаться не было. Уже светало, когда по мартовской распутице зачавкали солдатские сапоги.

— Мусальников, — позвал офицер младшего сержанта, — если что, останешься за меня...

Впереди лежало поле, темное, настоженное. Шли молча. Ориентиром служила большая копна. Дойти до нее и — на две группы...

— Вась, — толкнул в плечо Степа Малетин, парень из Магнитогорска, — покурить бы... Я вот что думаю, Вася, непорядок это — война, воюем, воюем. Когда жить-то станем?

— Какой уж тут порядок, — тихо отозвался Василий, — сено, видишь, гниет, а коровы без негодохнут...

Из копны застучал «шмайссер», за ним другой.

А через полчаса батальон поднялся в атаку, и не было на его пути таких преград, что смогли бы сдержать яростный натиск.

Видимо, за это утро и полагался орден сержанту запаса. По правде говоря, наград он не жаждал, их и так у него было достаточно: две Красных Звезды, два ордена Отечественной войны, орден Славы, пять медалей... И это в неполные девятнадцать лет!

Сохранилась фотография. Война заканчивалась. Сидят они в старинном рыцарском замке, уральские парнишки Васька да Степка, brave, при орденах, нога на ногу, а вокруг зеркала с позолотой, лепные готические украшения, мебель прошлых веков, на стенах — палаши и сабли... А они ничего, не тушуются, будто дома, пилотки на лоб сдвинули, усердно фотографу позируют, дескать, не то еще отчебучим, в рейхсканцелярии будем сниматься.

В рейхсканцелярии не снялись по простой причине. 6 мая корпус с боями двинулся в направлении Дрезден — Прага на помощь восставшим жителям чехословацкой столицы.

А что же с «Асбестовским танком», переданным в Уральский корпус?

Несколько писем прислали в горком комсомола танкисты из экипажа Саша Топоркова. Гвардейцы рапортовали о своих боевых делах, об уничтоженных танках противника. Асбестовцы в свою очередь докладывали о движении фронтовых бригад, посылали фронтовикам посылки. Однажды, это было уже в сорок пятом, танкисты не отозвались. Саша и его друзья погибли вместе с машиной.

Невыносимо тяжелы потери дорогих людей, особенно накануне победы. Но война никого не щадила. Десятки и сотни тысяч воинов сложили голову в завершающих сражениях Великой Отечественной войны. Среди них и асбестовец Семен Кошечев, летчик-орденоносец, любимец полка. Он вылетел на бомбежку военных транспортов в фашистском порту Пиллау и на базу не вернулся: силен оказался заградительный огонь вражеских зенитчиков.

Герои не уходят бесследно. Остаются дети,

письма, память. Солдатская вдова Мария Григорьевна Шорникова отважилась восстановить героический путь 365-й стрелковой дивизии, которая погибла в окружении, защищая Москву. Она собрала немало документов, свидетельств очевидцев и участников кровопролитных боев соединения, сформированного на Урале,— бойцы и командиры его были тринадцати призывных возрастов (с 1903 по 1915 годы), люди с опытом, многие прошли закалку на Халхин-Голе и в боях с белофиннами, среди них было немало партийных и хозяйственных руководителей.

Вот несколько писем асбестовцев, сражавшихся в этой дивизии.

Василий Шорников: «Четвертые сутки ведем непрерывные бои на подступах к Клину. Ребята бьются как львы. У нас слаба техника, не хватает боеприпасов. Писать некогда, наступила жаркая пора...»

Анфиноген Головин: «Бьемся под Клином уже несколько дней. Скоро наступит перевес сил в нашу пользу».

Аблямит Кудусов: «С 30 ноября находимся в действующей армии, с 7 декабря в непрерывном бою. Вероятно, сегодня возьмем Клин, бьемся на его окраинах».

Михаил Ревич: «Пишу с перерывами, ведем непрерывные бои. На бегу встретил Васю Шорникова, разговаривать не пришлось, кругом грохотало. Земля и небо в хаосе огня. Отбиваем Голяди, у самого Клина. Ждите, я вернусь...»

Эти письма датированы декабрем сорок первого. А в первый день сорок второго года ротный командир Кудусов отправит последнее послание в Асбест: «Письмо пишу под землей, при свете горящего телефонного провода. Блиндаж спасает от

вражеского огня. До Клина мы взяли 120 селений... Восемь суток мы непрерывно находились на морозе. Лишь изредка разжигали костры. Из асбестовцев никого больше нет. Война...»

Возможно, что в могиле Неизвестного солдата на Красной площади покоятся останки кого-то из наших земляков.

Им, не пришедшим домой, в Асбесте сооружен строгий монумент. Каждая семья вложила в него свой трудовой рубль. И первыми, как и при сборе средств на танковый корпус, были вдовы солдатские. Здесь в торжественные дни собираются фронтовики и их дети, отсюда уходят в армию безусые призывники. Не переводятся у подножия обелиска живые цветы.

Одна из лучших улиц, та, где стоит обелиск народной скорби, названа асбестовцами бульваром Победы. Он пересекает проспект Ленина и выходит на улицу Мира. Символично, не правда ли?

В БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ

Воскресенье.

Лучше дня нет до сих пор.

У нас базарный день. Обычно на базар ходят родители, от них и я ни на шаг. Но сегодня на базар идет бабушка Графида, крупных покупок делать не надо.

Дорогу на базар найду с закрытыми глазами. Сначала надо идти по пыльной Садовой до магазина «Культтовары», затем легкий поворот налево, мимо мичуринского сада, через старый парк с огромной деревянной аркой с полыми четырехугольными колоннами.

Парк встречает большой клумбой, на которой

цветет лелеемый садовником лозунг: «Слава великому Сталину!» А вот и сам вождь и учитель, вознесенный на каменный пьедестал. Это единственный памятник в городе...

Песчаная аллея виляет между могучими деревьями, огибая затерянные в тени беседки и скамейки. Она сплошь усеяна сосновыми шишками, но это не останавливает нашу босоногую братию.

Бабушка, нарядившаяся по случаю воскресенья в новую кофту и любимый — в горошинку — платок, отстаёт, и я досаую: надо ждать, а ждать — значит отбиться от сверстников, стайкой самостоятельно следующих на базар.

Старательно сучу ногами вслед за ребятами, но бабушка вовремя замечает мое поползновение и командует:

— А ну-ка ворочайся!

Замедляю шаг.

Вот и базар: разноцветный, многоликий, голосистый, волшебный, заманчивой...

Место для него выбрано удачное: с одной стороны город надвигается, с другой — парк, а дальше Щучье озеро, уже высохшее. Идут сюда горожане как на праздник какой, нарядные, веселые, возвращаются еще веселее, ибо пивнушка у входа никогда не пустует, а там и на рзлив, и в посуде...

Тут же краснорожий дядька торгует вином из большой деревянной бочки с заржавленными обручами. Глядя на него, бабушка плюется и страшно ругается:

— Киператив окаянный!

Дядька бабушке не по нраву. В таком злачном месте да еще продавать кооперативное вино! Можно подумать, что в пустыню приехал! С этим «киперативом» в прошлое воскресенье вышла потеха, в нашем дворе мужики уже неделю гогочут.

Живет у нас машинист экскаватора Василий Мусальников, озорной, компанейский человек. Девятнадцати лет вернулся с войны при четырех орденах и множестве медалей. Орел! Летит однажды этот орел со смены, а дорога идет через базар. Торговец кричит ему:

— Браток, стой!

Остановился машинист, ждет.

— Помоги, фронтовичок, я тебе плесну...

— Отчего не помочь...

Запустил Вася шланг резиновый в бочку, а публика смотрит, ждет, пока в ведро брызнет свежее вино. Дует он в шланг, глаза напряжены, в них дурничка, старается изо всех сил.

— Да ты не спеши, парень, поболе воздуху на-бери,— советует сердобольный из толпы.

Вася раскраснелся, так хочется ему помочь кооперативной торговле. Наконец-то вино льется струей. Все довольны. «Киператив» наливает фронтовика стакан с верхом, но тот небрежно отводит руку продавца:

— Не пью!

— Вот молодец,— одобряют жаждущие.— Не о себе радел!

Вася махнул на прощание рукой и двинулся в березник. Метров через двадцать он шатнулся, через тридцать закачался, взгляд осоловел. Здесь, в березнике, и прихватили его мои братья. Литра три отсосал из кооперативной бочки гвардеец, войдя навечно в сагу анекдотов нашей Садовой.

За пивнушкой по левую руку — мороженщица с алюминиевой кастрюлей, в голубых глазах сонная одурь. Тетка лениво набивает мороженым вафельные трубки. Очередь к ней в основном детская, загнулась так, что разобраться, где начало, где конец, невозможно. Белоснежная гора в кастрюле

тает быстро — редкое еще лакомство нарасхват.

На правой стороне — салон фотографии. В нем на фоне исключительно замечательного пейзажа (озерцо, камыши, лебеди выгнули шеи навстречу толстухе-красавице) снимаются почтенные семейства и отпетые бубновые подзаборники, странный народец с блестящими золотыми зубами в кепочках-малокозырочках. «Фиксы!» — презрительно цедит при виде блатных Вася Мусальников.

Сколько раз предлагал я бабушке сфотографироваться в этом интересном мире, но слышал в ответ:

— Успеется, как-нибудь опосля.

Может быть, она боялась большого никелированного аппарата на треноге, лысого фотографа, наминавшего ей демона, когда в секунду закрывался огромным черным покрывалом и целился оттуда, из темноты, в доверчиво улыбавшихся перед ним людей. Сниматься в нашей семье не любили, а жаль, мои дети не знают в лицо свою прабабушку.

Ну хорошо, опосля так опосля. А опосля — это наверняка никогда, но я не сержусь на Графиду, она и так непонятно за что выделяет меня из оравы внуков...

Возле пивнушки «Голубой Дунай» начинаются прилавки частников, продающих все, что можно: от ржавых гвоздей дореволюционного производства до швейных зингеровских машинок и дорогих мехов, от картошки и грецких орехов до нового патефона и живой обезьянки, от коврика с русалкой, изображенной посредством трафарета на застиранной простыне, и самодельных кошек-копилек до бельгийского охотничьего ружья и старинной иконы в серебряном окладе, от капкана для крыс до трофейного аккордеона...

Гвалт торгов оглушает. Споры, крики, смех. Мы с Графидой глазеем по сторонам. Бабушка приценивается к отрезу синего, в полоску бостона, мнет материю, разглядывает ее на свет, тянет вдоль и поперек. Плотная, бывалая девка услужливо поворачивает отрез, как желает бабушка, разматывает метры, но Графида, видимо, вспомнив, что послана не за бостоном, сникает и уже подталкивает меня к выходу из рядов.

А вслед нам несется грозное:

— Кикимора! Ишшо шшупает чё-то... Деньги сперва накопи, тожно и шшупай! Ишь, мильён на рояли забыла!

Графида только отмахивается, точно святая, прощая блудницу. Она и впрямь святая, но никто, кроме меня, об этом не подозревает.

Картежники, фокусники, рулеточники, гадалки, пленные фрицы, меняющие нижнее белье на табак, нищие с протянутой рукой, слепые певцы, прорицатель с морскими свинками, размалеванные девушки с высокими прическами...

Толпа насыщена электрическими разрядами, потом, испареньями, едким запахом лекарств. Много инвалидов и подделывающихся под них. Бабушка подает им мелочь, крестит их, шепчет что-то про себя, но не забывает ощупывать спрятанный в рукаве кофты носовой платок с деньгами — жулья вокруг, по ее мнению, больше, чем порядочных людей.

А базар только разгорается. То и дело подкапывают к воротам подводы, перемещаются в пространстве мешки и связки живых куриц, корзины со слепыми щенками, блеют овцы. Дебелая усатая баба в черкеске, с толстой сигарой во рту сует в руки прохожих свой товар — какие-то фотографии. Мы с бабушкой Графидой большие любители кра-

сочных открыток. Она поначалу берет, но тут же плюется и почему-то тоненько взвизгивает:

— Сквернавка!

А сквернавка давит бабушку могучей грудью, и бабушка, ойкнув, испуганно замолкает. Баба в черкеске, выпустив в нас струю вонючего дыма, прошествовала мимо, устремившись к деревенскому парню, караулившему телегу с мешками.

Пока Графида переводила дух, я наблюдал, как парень, взглядевшись в фотографии, густо покраснел и отшатнулся от тетки, но та не отступала: доставала новые пачки фотографий.

— Ба, что она дает? — сорвалось у меня.

— Срамоту! — зло чертыхнулась бабушка.

Колхозник не устоял перед бешеным напором тетки в черкеске и воровски спрятал несколько снимков за пазуху. Тут Графида пришла в себя и потащила меня с базара на берег озера.

На берегу тоже многолюдно. Ожидается почтовый аэроплан из Свердловска. Зеваки разглядывают горизонт — кто в подзорную трубу, кто из-под руки. А горбун в немислимом балахоне держит у глаз такой огромный бинокль, что голова его кажется пробкой, заткнувшей горлышко бутылки, то есть окуляра.

— Что там, Вань?

— Долго еще мозолиться будем?

— Бюрократы, самолет вовремя не пуцают, о людях не думают!

Горбатый Вань наконец отнял бинокль от глаз, словно вытащил голову из бинокля, и горестно произнес:

— Нетути.

Людская масса взрывается:

— Жаловаться будем!

А подвыпивший мужичонка орет благим матом,

стуча по коленке тщедушным кулачком:

— Как это нетути? А ну подать сей момент!

Толпа заходится от смеха. Мы с бабушкой тоже хихикаем. Вань снова поднимает бинокль и уныло обещает:

— Счас появится, счас появится...

Но народ начинает разбегаться, и нам пора. Солнышко уже в зените, есть хочется.

— Ба, купи плюшку,— канючу всю дорогу, пока идем через парк, надеясь взять Графиду измором. Но не на ту напал, она мигом определяет время по солнцу и отказывает:

— Скус спортишь. Придем — как раз обед.

— Ба!

— Не терзай душу, отрок.

Ну все, сейчас она добавит о Христосе, который...

— Христос терпел и нам велел.

Теперь просить ее бесполезно. Но Графида неожиданно, что на нее не похоже, меняет суровое решение. Мы заходим в хлебную лавку при синем деревянном гастрономе, что около парка. Еще недавно здесь с бабушкой в бесконечных очередях отоваривали карточки. Теперь спокойно выбираем самые душистые булки, да чтобы изюму в них больше было.

Воскресный поход закончен. За столом бабушка красочно отчитывается перед моими родителями — людей посмотрели, себя показали. Дую на блюде, наслаждаюсь плюшкой. Бабушка подсовывает мне половинку своей. Она все меньше и меньше нуждается в еде. Маленькая, сухонькая, с поредевшими волосами, Графида словно чувствует, что скоро явятся за ней «анделы небесные».

После обеда щелкаем базарные семечки. Все похохатывают над рассказом бабушки о том, как она приценивалась к бостону. Графида, пользуясь

всеобщим вниманием, показывает, как «шшупала» отрез...

— А она мне грит: што, кикимора, мильён на рояли забыла?

Какой же это был год? Сорок девятый? Пятидесятый?.. Теперь и не упомяну. Одна примета — совсем свежа в памяти война. Графида еще надеялась увидеть младшенького, Степу, пропавшего без вести летом сорок первого.

ДЕДУШКА ГОЛОВИН И ДРУГИЕ

Дядя Леня Суслов росточком невелик, а уж лысина — даже от сороковатки отсвечивает. Эккаваторщик, он ходил на смену с неизменной полевой сумкой, летом в сапогах, зимой в валенках. Словом, зимой и летом одним цветом. Но духом могуч: голос бодр и звонок, движения быстры, решения незамедлительны, авторитет непрекословен — чисто Суворов!

Он жил на Садовой, 12 со своей женой, тихой незлобивой тетей Таней, работавшей парикмахером городской бани, жил от нас через стенку и частенько навевывался по-соседски. Любил дядя Леня, оседлав крашенный табурет, владычествовать над окружающими. Если что-то было не по нему, то он «возникал», голос его становился тонким и пронзительным, что случалось, впрочем, редко, в основном он со всеми соглашался и одобрительно покачивал лысиной.

Он и сейчас еще будь здоров, хотя лет и немало — из тех, кто форсировал под огнем противника Днепр-реку в сорок третьем. Тогда он даже стихи писал. Помню, листал как-то город-

скую газету военной поры и наткнулся на стихотворные строчки:

Днепра могучую волну
В огне мы перешли.

И подпись — красноармеец А. Сулов.

Он по паспорту Алексей, Алексей Семенович, а все почему-то называют Леней. Леня, да и все. Леонид Семенович.

Дядя Леня качает меня, пацана, на могучем валенке и орет под самым ухом:

— Давай, тезка, расти, а потом ко мне помогалом пойдешь!

— Пойду, дядя Леня, только отпусти!

— Терпи!

— Да пойду же, пойду!

— Теперь верю, но смотри, парень!

Не довелось мне попасть помогалом, то есть помощником, к одному из зачинателей социалистического соревнования за достижение наивысшего уровня производительности труда в Министерстве промышленности стройматериалов СССР, кавалеру ордена Ленина. Дядя Леня при случае нет-нет да и припомнит это, шуточно укоряя в измене...

С пятнадцати с половиной лет ушел я в Центральное рудоуправление комбината Ураласбест. Сначала носил маркшейдерскую рейку, а по достижении зрелых лет получил назначение на экскаватор. И здесь столкнулся со многими примечательными людьми, в том числе и с участником штурма Берлина Михаилом Коровиным. Позднее он станет Героем Социалистического Труда, его экскаваторный экипаж добьется лучших результатов в отрасли. А тогда он не выделялся из общей горняцкой массы. Первые бригады коммунистического труда возглавляли Федор Полозов, Петр Ка-

заков. Они охотно обучали молодежь, пестовали смену.

Сейчас думаю, что судьбы мальчишек в Асбесте во многом повторялись. Были, разумеется, среди нас наиболее одаренные, скажем, Сева Кортон, он стал доктором технических наук, или Лева Садовский, теперь нейрохирург, или Володя Исаков, издавший несколько интересных прозаических книг. Но это — исключение из правил, только подтверждающее их. В основном мы шли в ремесленные училища, оформлялись в отделах кадров фабрик и рудников.

Наш приход в цеха так же естествен, как порыв весеннего ветра, как летняя гроза, как первый снег. Родившиеся в рабочем городе, воспитанные в семьях коренных горняков, мы видели карьер не с дальнего расстояния, знали, на что идем, знали, что без нас не будет этого чуда — волокнистого камня.

Поколение за поколением опускались в карьер. И был перед глазами каждого пример родителей. И еще пример дедушки Головина.

Было это почти сто лет назад. Приехал Иван Головин на заработки в Кудельку и ахнул: жилья нет, платят мало, народишко разный, того и гляди последнее отберут. И то, что погнало его сюда — бедная избенка, недород, измывательства старосты, — показалось незначительным, несущественным. Но и деться было некуда. Антип, сосед по деревне, обещавший в Кудельке золотые горы, сам бедствовал, и Головин не таил на него зла. Понимал: надо как-то устраиваться. К прошлому не вернуться, ломоть отрезанный, а новый берег, вот он, попробуй взобраться.

Прав Антип в одном, асбестовый камень не больно-то крепок, а порой мягкий, как лен, что

растили в их деревне. Да если день-деньской такой лен «теребишь» — кровь на ладонях запечется. С пяти утра до шести вечера долбит Иван Головин диковинный камень. Не шибко твердый камень, а сталь-железо тупится. А вечером в землянке руки-ноги ноют, будто на пашне две недели отломал.

— Эх, судьбина горькая, — размышлял мужик. — От одной беды ушел, другой не миновал. Да неужто нельзя жить по-другому?

Как по-другому, он еще не ведал, привык не бунтовать, на хозяина голос не подымать, чтить царя-батюшку и церковь. Темен Головин, много времени потребуется ему, чтобы осмыслить истинное назначение человека на земле, человека, свободного от рабства и унижения, уготованных таким, как он, длинной вереницей начальников — от императора до десятника на прииске.

Но светел ум у него на дела житейские.

В десятниках земляк ходил. Хоть и зловредный мужик, но свой вроде. После двух недель работы заглянул к нему Головин:

— Надо бы инструмент заправить, чего же тупым намахаешь?

— Умный какой выискался, — огрызнулся десятник, хваткий, жесткий человек. — Попробуй на пеньке заправить, а я посмотрю.

— Зачем же на пеньке, кузню надо. Я кое-что в этом соображаю, только определи место.

Кузню построить дело не из хитрых, землянок сколько угодно, а уж меха установить — этому Ивана Николаевича учить не надо. Был бы уголек, работа пойдет.

Тем же летом загремела на прииске кузничка. Невелика размером, но прок от нее немалый. Вот откуда, образно говоря, ведет начало ремонтно-механический завод комбината Ураласбест, где

будут трудиться внуки и правнуки Ивана Николаевича Головина.

В 1926 году журнал «Горнорабочий» сообщал: «15 июля, в годовщину освобождения Урала от Колчака, на рудниках Ураласбеста чествовали Героя Труда Ивана Николаевича Головина, непрерывно проработавшего 36 лет на асбестовых рудниках. Ивану Николаевичу сейчас 64 года. Двенадцатилетним мальчиком начал... работать, помогая отцу как молотобоец, и с тех пор в течение полувека продолжает оставаться на трудовом посту».

Специальным постановлением ВЦИК в июле 1925 года Иван Головин за большую работу по возрождению асбестовых рудников был награжден орденом Трудового Красного Знамени РСФСР. Он стал первым в Асбесте Героем Труда.

Друг за другом шли в трудовую жизнь сыновья, внуки, правнуки дедушки Ивана Головина, а теперь и праправнуки, даже прапраправнуки.

В двенадцать появились в ремонтных мастерских сыновья — Саня и Костя. Наравне с отцом робили у слесарного верстака. Бывало, подойдет кто-нибудь из рабочих к дедушке Ивану в конце смены:

— Слесарь-то твой, Иван Николаич, кажись, занул.

Посмотрит Головин-старший, действительно Санька храпака задает. Поворчит мастер громко — это для окружающих, а сам на ухо шепчет: «Ступай быстро домой да матери накажи, чтобы рано не будила». Он по себе знал, что значит в эти годы рабочим человеком быть.

Возвращался Головин с молебча по поводу празднования 300-летия династии Романовых. Попался ему навстречу слывший неблагонадежным служащий Ильин:

— Что, Иван Николаевич, причастился?

— Как и все, Александр Давыдович.

— Лучше на душе стало?

— Не то чтобы лучше, а положено вроде...

— Вроде...

Ильин рассмеялся и добавил:

— Попомни мое слово, Иван Николаевич, наступит такое время, когда царя не будет, а тебя за твои золотые руки станем чествовать всенародно.

— Полно тебе, напраслину говоришь, слыханное ли дело, чтобы рабочего на весь прииск славили.

Прав оказался большевик Ильин. Настал день, и съехались к управлению комбината Ураласбест различных марок легковые автомобили, много их потребовалось, чтобы всех Головиных привезти на необычное торжество,— город отмечал 550-летие трудового стажа славной горняцкой семьи.

Санька, Костя, Гоша — первые побеги от зеленого дерева жизни, посаженного патриархом Головиным. Их судьбы сложились так. Александр стал известным механиком, оставил заметный след в асбестовой промышленности. Электриком высокой квалификации — Константин. А Георгий безоглядно влюбится в автомобиль и вместе с колонной машин отправится на войну с фашистами. Подполковник Головин в числе прочих наград получит и орден Боевого Красного Знамени.

Не все Головины вернулись с фронта. Пал смертью храбрых под Москвой директор ремонтно-механического завода Анфиноген Константинович Головин, ушедший на фронт добровольцем. Освобождая Венгрию, погиб Анатолий Головин...

И все-таки бессмертье выпало уральскому кузнецу Ивану, дедушке Головину. Его потомки сегодня определяют путь родного города: Виталий Головин, бывший моряк Тихоокеанского флота, а

ныне начальник механосборочного цеха ремонтно-механического завода (здесь комсомольцы соревнуются за приз имени Анфиногена Головина), Анатолий Головин, Валерий Головин, Маргарита Головина...

Их стараниями, как стараниями и тысяч других асбестовцев, уникальная промышленность за годы Советской власти превратилась в передовую отрасль народного хозяйства. Только на памяти моего поколения до неузнаваемости расширились карьеры, построено несколько новых фабрик, железнодорожный транспорт переведен на нормальную колею. В Асбесте впервые в горнодобывающей практике применили шарошечное бурение. На смену машинам СЭ-3 и ЭКГ-4 пришли восьмикубовые экскаваторы, появился на горизонтах карьеров большегрузный автомобиль.

Еще в 1951 году за усовершенствование методов переработки асбестовых руд и механизацию трудоемких процессов А. А. Королеву, М. Г. Шорниковой, Н. Ф. Рубцову, П. И. Трекину и еще семи специалистам была присуждена Государственная премия СССР. Среди награжденных оказался и В. И. Володченко, тот самый Владимир Иванович, который в 1932 году вынашивал мечту о дне, когда и к нам, на Урал, пожалуют за опытом господина канадцы.

Канада в то время считалась ведущей страной по добыче асбеста. Она начала развивать эту промышленность значительно раньше России и на более высокой технической основе. В 1928 году, когда мы достигли уровня довоенного 1913 года, страна кленового листа производила свыше 248 тысяч тонн редкого минерала, ее доля в мировой добыче составляла 70 процентов, доля СССР — в десять раз меньше. Но уже через три года Советский Союз выработал четверть мировой добычи горного льна.

Так и пошло негласное соревнование между державами. Правда, Великая Отечественная война увеличила разрыв, понадобилось тринадцать мирных лет, чтобы СССР стал главой мирового асбестового рынка. С тех пор и зачастили на Урал иностранные гости, как в свое время уральцы в Канаду.

Выяснилось, что есть чему поучиться асбестовым экс-королям у рабочих бывшей Кудельки. Удивили их, в частности, сухие карьеры. «Куда же девается вода?» — недоумевали бизнесмены фирмы «Джонс Менвил». Картина непривычная, ни труб, ни воды. А в Асбесте успешно действует система глубоких дренажных шахт, которые и осушают нижние горизонты. Сейчас на комбинате три шахты — 22 километра подземных выработок. Строится и новая система из двух вертикальных стволов глубиной 550 метров.

В другой раз канадцы интересовались фабриками обогащения руд. Сначала им показали старые предприятия, где ни технологией, ни чистотой воздуха не удивишь. Естественна реакция гостей. «Признаться, ждали лучшего, мистер Королев, — заметил директору Ураласбеста находившийся в группе промышленников член канадского парламента. — После посещения наших фабрик мы можем, не переодеваясь, отправиться в театр».

Александр Александрович улыбнулся. А назавтра он появился перед иностранцами в безукоризненном темном выходном костюме и провел их по цехам обогатительной фабрики № 5. Здесь гости ни к чему не могли придраться. Уже усаживаясь в машину, Королев — на глазах парламентария — провел по пиджаку белоснежным платком. Ни пылинки. Канадец смутился.

— А теперь в театр, — невозмутимо продолжил беседу директор комбината и повез делегацию на

концерт самодеятельных артистов во Дворец культуры имени Горького. Самодеятельность показала себя достойно. Особенно отметили иностранцы русский народный хор, полагая, что встретились с профессиональным коллективом. Каково же было их удивление, когда узнали, что «профессионалы» прекрасно управляют экскаваторами, дробят руду, стоят у станков.

Затем гостеприимные хозяева показали зарубежным коллегам больничный городок, трехзальный спортивный комплекс, плавательный бассейн и еще многое такое, чего капиталисты для своих рабочих не строят. Единственное, что не довелось пощупать своими руками, так это пансионат на юге, в Гудауте, куда ездят отдыхать горняки, обогатители, металлисты по льготным профсоюзным путевкам.

С вводом в эксплуатацию в 1969 году крупнейшей в мире асбообогатительной фабрики № 6 позиция Советского Союза на асбестовом рынке стала стабильной.

Шестая — гордость отечественной промышленности. Она предназначена для переработки 12 миллионов тонн бедных по содержанию руд и производства 320 тысяч тонн сортового асбеста. Новое предприятие значительно улучшило комплексное использование Баженовского месторождения. Здесь впервые в отрасли механизированы такие трудоемкие операции, как упаковка, зашивка, штабелирование и отгрузка асбеста. Полностью решена проблема очистки запыленного воздуха с помощью рукавных фильтров, что одновременно позволило осуществить рециркуляцию воздуха и отапливать цеха в зимних условиях, обезопасило воздушный бассейн города.

Совершенный уровень проектных решений, при-

нятых на асбогиганте, отмечен премией Совета Министров СССР. Впечатляют характеристики этого предприятия. Фабрика занимает 50 гектаров, общий объем зданий и сооружений 3,1 миллиона кубометров. Протяженность конвейеров 23 километра, на десять больше — длина воздухопроводов. В цехах установлено более 4500 единиц основного технологического и транспортного оборудования.

Но и это далеко не все. Работниками комбината в содружестве со специалистами ВНИИпроектасбеста, институтов Уралмеханобр, Тяжпромэлектропроект, Уралгипрошахт и других организаций были намечены и совместно решены вопросы реконструкции фабрики без остановки действующего производства. Тяжесть исполнения чрезвычайно сложной работы взял на себя трест Асбострой. Мощности были увеличены на 230 тысяч тонн асбеста. Произошло это на три месяца раньше поставленного срока, экономия капитальных вложений достигла 43 миллионов рублей. Инициатива комбината Ураласбест в числе передовых предприятий Свердловской области одобрена ЦК КПСС.

Сейчас Ураласбест представляет огромный комплекс. В него входят два рудоуправления с общим объемом горных работ более 170 миллионов тонн в год, три обогатительные фабрики, ремонтно-механический завод, строительно-монтажный трест, асбокартонная фабрика, энергетическое управление и многие вспомогательные цеха и службы. В год коллектив реализует продукции на сумму свыше 280 миллионов рублей, стоимость его основных промышленно-производственных фондов составляет 685 миллионов рублей.

Многое, очень многое сделал для комбината расположенный в Асбесте головной Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт

асбестовой промышленности. Впрочем, его хорошо знают в Туве, Казахстане, на Южном Урале, где построены новые комбинаты. Известен ВНИИпроект-асбест и за рубежом, его ученые квалифицированно оценивают запасы открывающихся месторождений, делятся опытом технологических разработок. Иностранные фирмы не раз закупали лицензии на аппараты, изобретенные в Асбесте.

Есть свои кандидаты наук и аспиранты на предприятиях Ураласбеста. Теперь и это мало кого изумляет — примета времени. Кстати, о кадрах. Сегодня на комбинате свыше восьмисот инженеров, около трех тысяч техников, более десяти тысяч рабочих со средним образованием. Специалистов с десятилетней поставляет профтехучилище № 48, над которым шефствует комбинат.

Неузнаваем Ураласбест. Я ведь хорошо помню предприятие с 1959 года, когда стал его рабочим. Старые маломощные экскаваторы, «вестингаузены» на узкоколейке, нехватка дипломированных работников... Подумать только, что это было уже тогда, когда мы оставили позади Канаду.

Ну как в связи с этим снова не вспомнить Героя Социалистического Труда А. А. Королева? Еще при жизни о нем ходили легенды — личность это была крупная, не случайно некролог о его смерти в газете «Советская Россия» подписан видными партийными и хозяйственными работниками страны. Так вот какой эпизод поездки Александра Александровича в Японию любили пересказывать наши рабочие. За документальность не ручаюсь, но ручаюсь за суть.

— О, Королев-сан, — встречали уральца на островах, — вы самый богатый, вы богаче президента нашей фирмы, миллионами ворочаете.

— Миллионами у нас ворочают рабочие, — от-

них и мой давний друг машинист экскаватора Владимир Помазкин.

— Простой машинист?

— Простой? Не думаю. Я с ним в войну дело имел и так скажу: компаньон надежный.

Подобные беседы производили впечатление в ФРГ, Франции, Канаде и прочих странах, интересующихся уральским асбестом. И только поводили плечами владельцы предприятий в провинции Квебек, когда узнавали, с кем имеют дело, — помнились им те времена, когда советские специалисты приезжали в Канаду за опытом и довольствовались тем, что в силу гостеприимства «выдавали» хозяева асбестовой державы. Теперь же им противостояли специалисты высшего класса, представляющие передовую промышленность.

Правда, наблюдалась попытка помешать укреплению советского асбеста на международной арене. Когда строили фабрику фабрик — шестую, наша страна закупала у западных предпринимателей оборудование на 7 миллионов долларов. Машиностроители были не прочь, но палки в колеса ставила дирекция крупнейшей капиталистической асбестовой фирмы, испугавшись конкуренции. Вопрос решался в парламенте, который высказался за торговлю.

В споре между западной фирмой и Ураласбестом последнюю точку поставила знаменитая реконструкция, которая поубавила авторитета заграничному оборудованию, ведь многие переделы, где оно было установлено, словно бы родились заново за счет машин и аппаратов, созданных здесь же, на уральской земле, руками ученых и рабочих ВНИИпроектасбеста.

Вот тут-то в пору вспомнить головинскую сме-

калку, головинскую работоспособность. Они при-
сущи многим моим землякам. Характерен такой
пример. Коллектив Ураласбеста заслуженно счита-
ется инициатором социалистического соревнования
за достижение наивысшей производительности тру-
да в отрасли. Два десятка лет назад его начинали
машинисты экскаваторов Михаил Коровин, Алексей
Суслов, Павел Пиджаков. Они не оказались в оди-
ночестве. Сейчас за лавры сильнейших соперничают
около четырех тысяч рабочих ведущих профессий
комбината. Вскрыты богатейшие пласты подлинного
творчества. Один из постоянных лидеров соревно-
вания богатырей Герой Социалистического Труда
Георгий Мальцев за три пятилетки втрое поднял
возможности своего экскаватора. Он же сумел уло-
жить в 4,5 года две пятилетки. Наиболее отличив-
шимся передовикам нелегкого состязания — маши-
нисту электровоза Федору Федотовских и регули-
ровщику технологического потока Анне Белошей-
киной присвоено звание Героев Социалистического
Труда.

Кстати, славен Героями не только комбинат
Ураласбест. На монтаже асбофабрик отличился
бригадир Григорий Буянин, высших результатов
достиг прессовщик завода УралАТИ Алексей Ко-
рочкин, пятнадцать лет руководил строительством
Рефтинской ГРЭС Илья Вольфсон, много труда вло-
жил в эту стройку электромонтажник Аркадий Ле-
бедев.

Но вернемся к большому семейству Головиных
и ее славному родоначальнику. Вот уж не думал
не гадал Иван Николаевич, что о нем и его потом-
стве выйдет на телеэкране фильм, снятый сверд-
ловскими кинематографистами.

Между прочим, на XXVI съезде КПСС Асбе-
стовскую городскую партийную организацию пред-

ставлял Леонид Иванович Головин. Из наследников дедушки Ивана? Нет, только однофамилец. Впрочем, почему однофамилец, он духовный родственник Ивану Николаевичу, как и все сердечные, работающие, активные граждане нашего города.

Леонид Головин из тех, кто дает свет, старший машинист энергоблока Рефтинской ГРЭС, крупнейшей тепловой электростанции, жемчужины уральской энергетики, о которой и пойдет речь в следующей главе.

РОДИНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Степан Щипачев, работавший в начале века на асбестовых приисках, описал в автобиографической повести «Березовый сок» первый день пребывания в Кудельке: «Мы сначала направились в контору за назначением. Я страшно боялся, как бы меня не отделили от своих, не поставили на работу с чужими ребятами. Но все обошлось хорошо: всех из нашей деревни направили в одно место. Отдельно очутились только Тимка и матрос Василий. Тимке захотелось походить в непромокаемых сапогах с высокими голенищами, и он сам напросился в мокрый забой, а Василия назначили машинистом на маленький паровозик... Он тут же, неподалеку, бегал по узкоколейке и тоненько свистел».

В 1910 году, который и показан Щипачевым, один из владельцев приисков объявил о постройке на Рефте, небольшой речушке, омывающей Кудельку, электростанции мощностью 720 киловатт. Этой энергии, как прикинул предприниматель, должно было хватить всем рудникам акционерного Итало-Русского общества. Однако когда про-

вели изыскания, составили проект и смету, пыл угас. Капиталист рассудил так: зачем тратить тысячи на приобретение машин, движимых электричеством, если дешевых рук хватает с избытком — народ валом валил на прииски из окрестных деревень. Проект отправили в архив, где и обнаружили его краеведы только в наши дни, когда на Рефте началось сооружение тепловой электростанции.

Первый отряд строителей из 12 человек прибыл сюда июльским утром 1963 года. Один из первопроходцев, Иван Силуков, помнит и мельчайшие подробности пробного похода до той излучины, где проектировщики «посадили» ГРЭС.

— Едва установили палатки, как кто-то предложил посмотреть на Рефт, — рассказывал он. — Поехали на машине — ни одной дороги. Встретившийся лесник согласился быть проводником, он бодро вскочил на велосипед, но вскоре слез: пошел дождь и проселок выказал свое болотное происхождение. Речка-крохотулька, удобно устроившаяся сейчас в трубе под автострадой Асбест — Рефтинский, разлилась и оказалась серьезной преградой. Едва перешли ее по гати и лишь через несколько часов добрали мы до Рефта. Нашему взору открылась лесная река с дебрями черемушника и ивняка. Не вязалось увиденное с будущей стройплощадкой. Нашли перекат и легко, правда, замочив сапоги, перебрались на другую сторону реки.

Как уроженец здешних мест, свидетельствую — в рассказе Ивана Силукова нет преувеличения. В конце пятидесятых мы, асбестовские пацаны, прихватив удочки, тащились несколько часов по грязи до Теплого Ключа, там отдышали, наслаждаясь хлебом с черемшой, запивая их студеной ключевой водой из старого сруба, затем топали

к Рассохам. В жару еще ничего, а вот ливень прихватит — чистая беда. Зато отменная рыбалка вознаграждала за все злосчастья долгого пути: уж больно крупные клевали окуни и чебаки.

В 1966-м Рассохи было не узнать. Вставали первые пятиэтажные дома в Рефтинском, строились дороги, вилась теплотрасса. На промплощадке важнейшим объектом становилась котельная. О собственно станции речь еще не шла. Позиция управляющего трестом Уралэнергострой Героя Социалистического Труда А. К. Поляковского современна: сначала создать бытовые условия для рабочих, обеспечить поселок инженерными коммуникациями, затем приниматься за главную стройку.

Как показала жизнь, эта позиция во многом предопределила успех большого строительства. Могу привести такой факт из журналистского блокнота. Поселок существовал первый год, еще много трудностей с жильем, а депутаты поселкового Совета ставят и решают вопрос о выделении помещения под детскую музыкальную школу.

Партийная организация Асбеста, трудящиеся города с самого начала взяли шефство над важнейшей стройкой. На Рефт выделяется техника, командированы люди, едут комсомольские отряды. Рефтинские грузы вне очереди доставляются по железным дорогам комбината Ураласбест. Словом, город заботится о стройке, как положено отцу заботиться о дочери.

Листаю старые блокноты. Вот первые записи о первых строителях ГРЭС. Особенно поразила штурмовая группа Г. Исламова — она вела просеки для дороги и линии электропередачи. Работали тут и женщины — от зари до зари. Одна из них, О. Русинова, в дальнейшем возглавит отдел кадров управления строительства. А горячий, порывистый инже-

нер Адольф Хаппаев, руководивший монтажом котельной, давшей жизнь поселку!

Сколько было таких встреч, быстрых, неожиданных, но запомнившихся на долгие годы.

Собравшиеся сюда, на всесоюзную стройку, с Томь-Усинской, Верхнетагильской, Серовской, Яйвинской и других электростанций строители и монтажники, что называется, пуд соли съели вместе. Но встречались и новички. К примеру, братья Анатолий и Геннадий Микушины, пришедшие на ударный объект с соседнего кордона.

И надо было наблюдать, как благодарно вглядывался в лица этих людей начальник строительства Вольфсон, когда весенним днем Рефт праздновал в 1967 году укладку первого бетона в фундаменты главного корпуса станции. Невысокий ростом, он выглядел бы младшим братом дюжих ребят из бригады орденоносца Василия Авдюкова, если бы не седые волосы. Не запомнил, что он тогда говорил, но сохранилось в памяти, что говорил без бумажки. Даже мне, вообще-то стороннему человеку, было радостно и гордо от сознания совершившегося факта, а что уж говорить о тех, кто дневал и ночевал на трассе, валил лес, выглаживал дороги, прокладывал трубы...

Было удовлетворение от того, что стройка — необычайная. Необычна прежде всего тем, что начали строить не временки, а комфортабельные дома. Больше того, очистные сооружения сдали еще до того, как появились благоустроенное жилье, школы, детские сады, магазины. И еще. Ни одно дерево в поселке без крайней нужды не упало под топором строителей. Так что было чем любоваться делегации санитарных врачей с Украины, приехавшей на Урал за опытом сохранения окружающей среды в жилых массивах.

У меня сохранился первый номер многотиражки «Энергостроитель». В передовой статье «Наша стройка — показательная» дана четкая установка коллективу строителей и монтажников на перспективу: «Нами постоянно должно руководить чувство неудовлетворенности, чувство долга и ответственности. Чувство удовлетворенности — только при выполнении поставленной ежедневной задачи».

Передовую писал Илья Владимирович Вольфсон, строитель военной закалки, штатский человек, награжденный орденом Отечественной войны, незаурядный руководитель и просто талантливый инженер. Здесь — программа, которую честно выполнили рефтинцы.

Вот только несколько ярких примеров.

На топливоподаче бригада Максима Омельковича за два дня уложила 350 кубометров бетона. А звено Таисьи Гудковой на гидроизоляции подземных конструкций главного корпуса покрыло мастикой за смену 510 квадратных метров, перевыполнив задание в 3,5 раза! Первая на стройке бригада коммунистического труда, руководимая кавалером ордена Ленина Михаилом Шамриным, забетонировала нижнюю плиту турбогенератора за 46 часов вместо 4—5 суток.

Чем ближе подступал пуск первого энергоблока, тем больше свидетельств самоотверженного труда. Чувствовалось, что стройка вступает в новый качественный этап.

Теперь все зависело от Уралэнергомонтажа. Суматошные дни наступили для его управляющего А. К. Левинского, начальника Рефтинского участка П. В. Рябухи, сотен монтажников знаменитого треста. И они не подкачали, котельщики и турбинисты, мастера — золотые руки.

Знаете, что такое котел энергоблока? Если вы-

тянуть его трубы в одну прямую линию, то длина составит несколько тысяч километров. И все эти трубы и трубочки подвластны Алексею Суханову и его монтажникам, которые терпеливо и мудро ткут из них энергетическое кружево. А знаток-турбин Василий Крапивин и его ребята! Многих, многих асов Урала собрал рефтинский монтаж.

Врезались в память братья Нездиминовы. Писало о них даже очерк, а тут, накануне пуска первого энергоблока, заскочил к ним домой, чтобы согреться — декабрь стоял лютой. А они...

— Ну давай, Леша, не тяни,— обступили братья старшего. Алексей ножом вскрыл посылку, неловко повернул ящик, и по столу забарабанили яблоки с нарумяненными боками, вывалились куски плотной ватной «обшивки». Ребятишки подставляли ладони и ловили яблоки на лету, а взрослые молчали. Комок подступил к горлу Валерия, тихо улыбался Николай.

— Ну, батя, во дает,— не выдержал Леша,— на дворе декабрь, а он...

Время на Рефте горячее, не до встреч. А тут все дела побоку — отец велел: будьте вместе, когда кликну...

Потом читали письмо: «Кланяется вам батько ваш, кланяются мать и братья ваши...»

Родом Нездиминовы с Южного Урала. Отец управлял паровозом, а они в монтажники подались. Николай строил Троицкую ГРЭС, Валерий — Кармановскую, встретились на Рефте. Алеша приехал в гости, да так и остался здесь. Пополнилась партийная организация третьим коммунистом из рода Нездиминовых. Манят сюда и младшего, Анатолия, да батька пока наотрез, сначала сами встаньте на крыло...

Студеный декабрь семидесятого. Он не забу-

дется участникам и очевидцам великого, на мой взгляд, события. В самом деле, морозы стояли небывалые. Но главное — год был необычный. Отмечалось столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Блок мощностью 300 тысяч киловатт — мечта первопроходцев — влил электричество в энергокольцо Урала. Задание XXIII съезда КПСС было выполнено с честью.

После праздника вновь пошли трудовые будни. И опять весь Рефт смотрел на монтажников. Работали они с интересом, выдумкой, постоянной «изюминкой». Впервые в практике энергостроения во время монтажа применили пассажирский лифт ПТС-800. Другой пример. Одна из сложнейших операций на сборке котла — раскантовка блоков. А если вести монтаж иначе, укрупненными сериями?

Попробовали. Без трудностей не обошлось. Мало привезти стотонный «кубик» на платформе к месту сборки, надо поставить его в заранее подготовленную ячейку. Выяснилось, что требуется длительная строповка, и не дай бог, если блок не так извернется — тут уж горя не миновать. Тогда и надумали приварить к грузу специальные «уши». Теперь два 50-тонных крана спокойно и, главное, без опаски водворяли «кубик» на место.

Время на погрузку и монтаж сократилось в три-четыре раза. Если первый «трехсоттысячник» возводился несколько лет, то на шестой энергоблок потратили считанные месяцы.

Рефтинский метод укрупненной сборки продемонстрировался на ВДНХ СССР и вошел в арсенал энергостроителей страны.

В 1976 году мощность электростанции достигла 1,8 миллиона киловатт. XXV съезд КПСС принял решение расширять ГРЭС за счет «пятисоток», более экономичных и выгодных в эксплуатации.

И тут опять показал себя рефтинский стиль. За один год управление строительства и Рефтинский участок Уралэнергостроймеханизации подготовили фундаменты четырех энергогигантов. Едва в 1977 году был сдан в эксплуатацию блок № 7, как у его торца поднялись металлоконструкции корпуса очередной «пятисотки».

Вместе со стройкой хорошел поселок. Появился здесь и Дворец культуры. Он отмечен первой премией Госстроя РСФСР. По первоначальному проекту в нем намечалось два зала — зрительный и спортивный. А между ними — пустое место, дворик под открытым небом. Но у строителей нежданно-негаданно вызрела идея соорудить купол, а под ним разбить зимний сад с фонтанами, облицованными камнем.

Что еще упомянуть? Никак не обойдешь пионерский лагерь, построенный по уникальному проекту, рыбное хозяйство, снабжающее жителей поселка карпом и американским сомоком, теплицы, где наряду с овощами зреют красавицы розы. Теперь и водохранилище станции хорошо известно рыбакам всей области.

Не стоит перечислять награды, полученные строителями. Замечу только, что среди них всевозможные знамена, почетные знаки, Грамота Президиума Верховного Совета РСФСР. Управление дважды занесено на Всесоюзную Доску почета ВДНХ СССР. Есть свои лауреаты Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

С таким багажом подходила стройка к монтажу последнего, десятого, энергоблока. И вдруг осечка — оборудование поступало россыпью, без заводских испытаний, хотя и действовала «рабочая эстафета». Казалось, времени на монтаж не оставалось. И все-таки блок пустили в назначенный срок. Скажу

больше, его турбина была даже покрашена, чего не наблюдалось раньше. Чудо? Нет, просто рефтинский стиль, вытекающий из той статьи в первом номере многотиражки «Энергостроитель», уже цитировавшейся в этой главе.

Почти полдня потребовалось первому десанту, чтобы попасть на Рефт. А сейчас на это уходит всего полчаса и — вот он, компактный, благоустроенный, утопающий в зелени поселок энергетиков.

Почти полдня... И семнадцать лет потребовалось, чтобы заработали все десять энергоблоков Рефтинской ГРЭС, мощность которой составила 3,8 миллиона киловатт.

Несколько минут езды по мосту через водохранилище. И попадаешь в царство энергетики: ажурные мачты ЛЭП, подстанции под сетью многожильных проводов, корпуса и трубы ГРЭС, самая высокая из которых не уступает Эйфелевой башне.

Рефтинская год от года набирала силу. В 1980-м здесь давали энергию шесть блоков по 300 тысяч киловатт и четыре «пятисотки». Для блоков-исполнивших понадобилось построить практически новую станцию: вагоноопрокидыватель, тракт топливоподдачи, береговую насосную, дымовую трубу... Нелегко пришлось строителям и монтажникам, но все турбины включались в энергетическое кольцо в срок и досрочно. Приняв ГРЭС, отлично трудились эксплуатационники. Государственной премии СССР удостоен машинист энергоблока Петр Росляков, три ордена Трудовой Славы заслужила мотористка Валентина Филякина.

Это они и их товарищи осваивали новые мощности значительно раньше положенного срока. Поэтому ГРЭС по праву стала лучшей электростанцией страны. У нее сейчас рекордный показатель удельного расхода топлива — 329,5 грамма на произ-

водство одного киловатт-часа. Как видите, эстафета строителей в надежных руках.

Родина электричества. А что, неплохо звучит, особенно когда знаешь, как валили тайгу на просеке под будущую дорогу к будущей промплощадке будущей ГРЭС, и видел в действии обшарпанный нивелир и потемневшую геодезическую рейку, которые положили начало музею рефтинской истории, открытому во Дворце культуры, том самом, где зимний сад...

УЛИЦА НАШЕЙ МОЛОДОСТИ

Не просто точка на карте

Друзья из миллионных городов нередко меня пытаются:

— Что ты засиделся в своем Асбесте? Медом, что ли, помазано?

Далеко не медом, просто это моя родина. Неоднократно и на годы уезжал, но судьба снова приводила сюда. Здесь моя боль, радость, истоки. И дети мои здесь родились, и книги здесь написались.

А как это объяснить иначе?

Я часто ловлю себя на том, что, когда долго не бываю на Урале, мне словно кислороду не хватает. И сердце давит, и все время чудится, что без меня что-то там случится непоправимое, о чем и подумать страшно. И лесов наших сосновых не хватает, и речушек мелководных, и розовоголового татарника... И трубы фабричные вспоминаются.

Вот и разберись в себе, человеке! Еще недавно эти трубы мир застили, и речки, заводами порченые, на чужие чистые воды тянули, и лес, заметно

поредевший, бурной любви не вызывал. Странно все-таки устроена жизнь. Не ценим, несмотря на хрестоматийные уроки, то, что имеем, что ежедневно доступно рукам и взгляду, а потеряем на какое-то время, начинаем сердце жалостью надрывать.

Нет, решаю в очередной раз, к черту, к дьяволу, как вернусь домой, все отрину, босиком по родной земле пройду, подышу до одури Рефтом с его богатой и дикой черемухой, буду идти, пока не упаду в изнеможении, задыхаясь до слез от переполнивших чувств к этим бедным уральским суглинкам, к этим тощим, некрасивым северным цветам, к этим с детства облюбванным зарослям, где рябина обнимается с жимолостью, а рослый папоротник, уцелевший бог знает с каких времен, атакует лесную малину.

Пришла пора осмыслить, кто ты и зачем явился на свет, много ли сделал добра ближним и дальним. Да, именно так, а в противном случае зачем было отнимать место под солнцем у других людей, нерожденных или ушедших преждевременно.

Полжизни уже прожито, а впереди половина, четверть ли — неизвестно. Может, завтра оборвется твоей след...

Пала на ум Огневка. Так себе речка, невеличка. Когда впервые побывал на ней, все ждал — вдруг вскинется над бережком бажовская Огневушка. Жизни ей всего километр, а там уже Рефт начинается. Он впадает в Пышму, а та в Туру, Тобол, Иртыш, Обь — в Карское море, Северный Ледовитый океан. Вот куда ручеек добежал!

Город давно наступил Огневке на прозрачное горло, смял в канализационных коллекторах. Но родничок, откуда пробивалась она в дни моего детства, ничем не возьмешь — рвется по-прежнему на волю. В том и есть жизнь, которую все мы

любим до безумия, порой честим на все корки, проклиная свои неудачи и промахи, а смысл Огневки прост — донести до океана колючий холодок каменистой почвы.

Возвращался однажды ночью из аэропорта на автобусе, затем долго брел по первому октябрьскому снежку вдоль начинавших засыпать улиц, как вспыхнули в памяти строки из пастернаковской «Метели».

Метался, стучался во все ворота,
Кругом озирался, смерчком с мостовой...
— Не тот это город, и полночь не та,
И ты заблудился, ее вестовой!

Но ты мне шепнул, вестовой, неспроста.
В посаде, куда ни один двуногий...
Я тоже какой-то... я сбился с дороги:
— Не тот это город, и полночь не та.

.....
Пушинки непрошенно валяются на руки.
Мне страшно в безлюдье пороши разнузданной.
Снежинки снуют, как ручные фонарики.
Вы узнаны, ветки! Прохожий, ты узнан!

Я испытал нечто похожее после долгого отсутствия на родине. А ведь действительно не тот это город, и полночь не та, какими я видел их 30, 20, даже 10 лет назад. Не было таких этажей, не было таких проспектов, не было таких магазинов... Многого не было. А подслеповатые лампочки с нахлобученными на них жестяными колпаками, что висели на деревянных столбах, под порывами ветра то загорались, то гасли...

Немало моих сверстников покинули эти края еще во времена, когда на главных улицах росли лопухи и, невзирая на строгие запреты горкомхоза, бродили козы. Вот данные 1965 года. В городе Асбесте водопроводом и канализацией обеспечено

42,3 процента жилья, центральным отоплением — 37, водоснабжением — 31,4. (Улица Садовая, где жила многие годы наша семья, в эти проценты не входила: дрова в лесу, водоколонка на улице Буденного, ну и прочее...) Сейчас эти цифры выросли более чем вдвое.

Не узнать Асбест. Когда кто-нибудь из тех, кто по молодости предпочел родному городу иные места, навещает родичей, ахам и охам нет конца, а кого-то и осенит — от добра добра не ищут.

Верю старой поговорке: «Где родился, там и пригодился». Вот и Виктор Григорьевич Измоленов разделяет мое мнение. Родственник тех самых коммунаров Измоленовых, что расстреляны белыми карателями на станции Грязновской. Он пятнадцатилетним ушел в годы войны по второму набору в школу юнг ВМФ на Соловецких островах. Ходил Измоленов по Черному морю на тральщике, вылавливая фашистские мины. После демобилизации остался было в Севастополе, семьей обзавелся, квартиру получил. Но затосковал душой по родным местам, вернулся.

И сколько таких судеб я знаю!

Где родился, там и пригодился... Но жизнь порой так складывается, что зарекаться не стоит, может быть, и самого ждет дальняя дорога. Такая дорога выпала другу юности Владимиру Исакову. Белобрысый мальчишка, выросший в одном из множества поселочков, что лепились к фабричным цехам, стал выпускником МГУ, а затем и Высших литературных курсов, профессиональным писателем, теперь живет в Калининне, старинном городе Твери, влюблен в удивительное озеро Селигер, верховья Волги. Живет и, похоже, не тужит.

Время от времени меня одолевает сильное желание написать ему:

«А не пришел ли срок возвращаться, блудный сын? Приезжай, организуем в Асбесте отделение СП...» Но беру в руки его новую книгу и понимаю, что без срединной России уже нельзя представить Владимира Захаровича. В самом деле: «Никогда и нигде не было больше мне так хорошо, как в те дни, в глуши, наедине с целым миром. В память об этих хождениях на макушку Валдая я назвал безымянную точку 343 горой Юрия и Андрея. В надежде, что когда-нибудь сюда придут мои сыновья. Так же, как сейчас я, посидят в тишине, подумают о своих сыновьях, обо всей жизни...»

Нет, вижу, заказан обратный путь автору этих сердечных строк, весь он там, на Валдае и Селигере, и дети его считают родиной край, где бежит Тверца. И не ставлю ему в укор, что редко навещает наши края. Почему Владимир должен смотреть на Асбест моими глазами? Отрадно и то, что повесть о нем хорошую написал. Иногда в его письмах проскальзывает ностальгия, а может, это просто легкая грусть по убежавшей молодости.

Хочу ответить на его грусть своими письмами, рассказать о буднях и праздниках нашего родного города, высказать свое отношение к тем или иным фактам жизни Асбеста, типичного уральского города, взглянуть окрест неравнодушными глазами.

Итак, запечатаваю конверты...

Путешествие без путеводителя

Улица Промышленная. От названия так и веет жаром металла, горьковатой угольной пылью, приторной соляжкой. Да и сама она, окраинная, вплотную припадает к карьерам, не единожды пересекается железнодорожными ветками. На ней расположены асбофабрика № 5, ВНИИпроектасбест, за-

вод железобетонных изделий, база строительномонтажного треста и еще множество других крупных и мелких индустриальных объектов.

Она очень изменилась, эта улица, за три последних десятилетия: одни корпуса сносятся, другие строятся. Только крепкой кладки водонапорная башня 1931 года рождения намертво вросла в землю, не пугаясь натиска карьеров и оглушительных взрывов. А вот перешейка, по которому ты бежал из поселка в город, давно уже нет, поселка тоже.

Промышленность наступает. Не случайно Асбест считается одним из крупнейших горнодобывающих центров Урала. Сегодня он прочно входит в первую пятерку городов области наряду со Свердловском, Нижним Тагилом, Каменском-Уральским и Первоуральском. И обязан он этим прежде всего редкому минералу, будучи до недавних пор его единственным добытчиком в стране. Даже в наши дни, когда действуют мощные асбестовые предприятия в Туве и Казахстане, на Южном Урале, ордена Ленина комбинат Ураласбест остается ведущим в мировой асбестовой промышленности.

Думаю, тебе будет небезынтересно узнать, что наш флагман, как считают ученые ВНИИпроектасбеста, добывает в год столько горной массы, сколько ее отправляют на-гора ЮГОК, Коршуновский и Качканарский комбинаты, вместе взятые. А каждый из них известен на союзном уровне, так что комментировать сей факт нет необходимости.

Нет нужды представлять Рефтинскую ГРЭС. Эта тепловая электростанция имеет самый низкий в Союзе показатель расхода угля на выработку одного киловатт-часа. Она, пожалуй, главный в городе «пахарь» — полмиллиарда рублей вкладывают энергетики ежегодно в план реализации продукции Асбеста.

Ордена Трудового Красного Знамени завод УралАТИ первым в городе и отрасли внедрил принципы самофинансирования и самоокупаемости. Свыше 80 процентов продукции заводчане производят по высшей категории качества и намерены в ближайшие годы добиться стопроцентного выпуска лучших в мире изделий.

В числе тех предприятий и организаций, что определяют дальнейшее развитие нашего города, Малышевское рудоуправление, строительно-монтажный трест Асбострой, Рефтинская и Асбестовская птицефабрики, лучший в области кирпичный завод... Ты можешь усмехнуться при упоминании этого завода, ибо помнишь его отсталым и захудалым. Так было некогда, а сейчас это передовое предприятие, выросли новые цехи, они переведены на газовое топливо. Здесь даже хрустальную посуду выпускают. Не поверишь, но асбестовский хрусталь не уступит по красоте и качеству тому, что делается на фирменных заводах. Одна симпатичная ваза носит имя «Валюша» в честь работницы Валентины Чашниковой. Встретишь в магазине — бери без раздумий.

Правда, молодцы асбестовцы? Или асбестовцы? Я это вот к чему. Приезжала к нам как-то в очередной раз бригада Свердловского ТВ праздничную программу записывать, и легкий спор вышел с диктором Лидией Захаровой: на каком слогe ударение ставить. На втором — утверждала гостя, ссылаясь на нормы русского литературного языка. На третьем — не соглашался твой покорный слуга, опираясь на личный опыт и опыт предшествующих поколений. На мой взгляд, это тот самый случай, когда народ творит язык, отказываясь от установленных норм. И со мной согласны, надеюсь, все 120 тысяч асбестовцев и их многочисленные родственники, живущие за пределами города. И что же в итоге? Теле-

видение и радио остаются на своих позициях, мы придерживаемся иных. Но это не мешает нам сотрудничать, хотя всегда непривычно режет слух звучащее в эфире «асбестовцы», так и хочется поправить. Но как ни ставь ударение, а ТВ к нам не зря зачастило: то опыт партийной работы в условиях перестройки показать, то увлечь уральцев добрым примером заботы о развитии подсобных сельских хозяйств или пропагандировать находки в эстетическом воспитании школьников.

Хорошего много. В течение последнего десятилетия Асбест был дважды награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, дважды признавался лучшим городом Российской Федерации. А сколько наград заслужили комбинат Ураласбест, Рефтинская ГРЭС, завод УралАТИ — со счета сбиться можно.

Чувствуешь, это заговорил во мне природный асбестовец, вот какой — не без бахвальства — монолог получился, а я ведь совсем по другому поводу вывел тебя на Промышленную. Хотелось окунуться в недавнее прошлое, сопоставить с днем идущим, повспоминать, что здесь было. Не все нынешние жители, молодые тем паче, знают, что в сороковые — пятидесятые годы — по историческим меркам не так давно — эта улица была центральной и носила имя Ленина. Впрочем, для меня она такой и осталась.

Здесь, в доме № 5, стучали типографские машины и теснилась в трех комнатухах редакция газеты, где мы с тобой, желторотые юнцы, воображая себя заправскими репортерами («30 строк на подверстку!»), познали сладкий и щемящий вкус печатного слова. Над правкой наших заметок гробил свой талант Рустем Кульпин, интеллигент, поэт, которому судьба отвела недолгий век. Больше таких ярких

личностей в «Асбестовском рабочем» не было и нет по сей день. После сдачи полос Рустем Александрович терпеливо выслушивал наши стихотворные опусы о революционной Кубе, Фиделе и сам читал Апухтина...

Да, а что же было рядом с редакцией? Ну да, профсоюзная библиотека, через дорогу геологический музей, за ним площадь с деревянными трибунами, где проходили праздничные демонстрации... Все так, но я не прав, это уже улица Культуры. Между ней и улицей Ленина когда-то буйно цвел мичуринский сад...

Память человека удивительно избирательна. Больше всего запала в душу южная часть улицы — от мичуринского сада до Ильинской бани: булыжная мостовая, чистильщики обуви и сапожники бытовой артели, продовольственные палатки, цыганские толпы... Стоп, это лишние детали. Меня интересует большой каменный дом на пересечении с Комсомольской. Дом как дом, на первый взгляд ничего особенного, а это первый в Асбесте многоквартирный дом с полным благоустройством, то есть с центральным отоплением, горячей и холодной водой, канализацией; высокие потолки, просторные комнаты, коридоры — на тройке можно проехать, невиданные ранее балконы.

Надо сказать, теперь этому комфортабельному, но окраинному дому мало кто завидует. Город строится быстро, планировка квартир постоянно улучшается. Только в двенадцатой пятилетке будет сдано 5 тысяч квартир, жилой фонд Асбеста составит около 2 миллионов квадратных метров: свыше 90 процентов со всеми необходимыми коммуникациями. При таких темпах трудно блеснуть архитектурными красотами — жилье типовое, стандартное, но когда знаешь, какие длинные очереди за

квартирами, язык не поворачивается упрекать — не тот этап жизни, хотя...

Большие надежды возлагаем мы на Заречный район, что сооружается за Рефтом. Он должен внести своеобразие в коробочный облик Асбеста. 600 тысяч квадратных метров жилья, необходимые объекты социума на расстоянии не более километра, поэтому минимум транспорта. И зелень, зелень, зелень, она составит 61 гектар. А на реке Рефт — система искусственных прудов, фонтаны, цветники, пешеходная эспланада. Сравни: в 1965 году во всем городе было лишь 15 гектаров зеленых насаждений.

Городская программа «Жилье» предусматривает также строительство МЖК, удобных коттеджей, кооперативных и частных домов. Законное место в ней займет хозспособ.

Но вернемся на бывшую главную улицу. Напротив дома, с которого ведет отсчет благоустроенное жилье в Асбесте, стоял двухэтажный барак, где мы, начинающие стихотворцы, вещали перед микрофоном в примитивной студии городского радио. Здесь был узел связи, телеграф, ручная телефонная станция. Телефоны в ту пору были в диковинку, их было мало, работали они с перебоями: достаточно сильного ветра — и «воздушки» не выдерживали, связь прекращалась. У нашего общего друга Юры Аракелова, родители которого входили в руководящую иерархию, аппарат был установлен на квартире, и я, восемнадцатилетний дурень, долго не мог понять, как это можно попросить телефонистку соединить квартиру на Уральской с московским ВГИКом, куда поступал юный Аракелов.

Вскоре телефон перестал быть редкостью — ввели АТС на 3 тысячи номеров, затем расширили до 6 тысяч, и монтеры искали желающих обзавестись говорящим чудом (было такое время!).

В пятидесятые годы узел связи примыкал к стадиону «Строитель». Теперь можно сознаться, что как раз здесь пацаны, не рискуя попасться бдительным контролерам, пробирались под ложноклассической аркой на стадион. Футбол в то время достиг зенита популярности, в наш лексикон вошли новые слова: голкипер, бек и хавбек, инсайд. У нас появлялись свои кумиры. Чрезвычайно велика была популярность братьев Дубленных, Бориса Чернозипунникова.

Тяга к спорту и физкультуре в те времена была всеобщая. Как тут не вспомнить велосипедиста Альку Королева, первого мастера спорта в Асбесте. Мальчишки почитали его почти как национального героя, и, когда он возвращался из Сочи, где тренировалась сборная России, ему прохода не было. Преувеличиваю? Самую малость. Я тоже бегал за его редкой тогда гоночной машиной. О милое наивное прошлое!

В наши дни в городе создана отличная спортивная база, где набирают силу десятки мастеров спорта, среди них есть заслуженные, есть мастера международного класса, но такая слава среди сограждан, какой обладал Алька, им и не снилась.

Впритык к стадиону, там, где выстроен комплекс пожарной части, многие годы размещалось здание ремесленного училища № 12. «Ремеслуха» эта, как называли ее подростки, выводила в самостоятельную жизнь, готовила квалифицированных рабочих. Среди них есть Герои Социалистического Труда, лауреаты Государственной премии СССР, заслуженные строители республики. Она заложила в городе основы профессионально-технического образования. В трех ПТУ Асбест готовит кадры промышленности, строительства, торговли.

А вот и твоя школа — первая средняя имени

Максима Горького. Ее трудно узнать, разобрана наполовину, как обрублена, а в «обрубке» поселилась водопроводная служба. На месте старых школ появляются новые, прекрасно оборудованные. Компьютеры, правда, еще не дошли до классов, но ведь качество обучения не только от техники зависит.

Но что-то я, кажется, упустил из поля зрения. Ах да, станцию «Скорой помощи», куда мальчишкой обращался после велосипедного столкновения. Ее искать бесполезно, на том месте железная дорога, и летят по ней тяжелые составы. Что-что, а медицина заметно окрепла. Раньше было две маленьких поликлиники, а теперь их до десятка, и все нехудо оснащены, есть и специализированные — стоматологическая и детская.

Забота о здоровье начинается в дошкольных учреждениях. В Асбесте проблемы детских садов решаются оперативно, трудностей с устройством детей нет. Появился и единственный пока на Среднем Урале детский комбинат санаторного типа. Его построил для своих ребятишек Ураласбест, он же первым в отрасли включил обслуживающих его медиков в свой штат.

А напоследок просто грех не заглянуть в баню на Ильинке. Как я теперь понимаю, только детскому послевоенному воображению она могла мерещиться самой прекрасной. И впрямь, там торговали морсом и леденцами на палочках, а все остальное как-то выветрилось, баня, она и есть баня. Но вот нынешний оздоровительный комплекс нынешним пацанам запомнится наверняка: баня по-русски, баня по-фински, бассейны, массажисты, косметологи, бар, игровые автоматы, газированная вода...

Вот о чем рассказала улица нашей молодости. Она хранит живую историю, надо лишь увидеть в

отдельных штрихах единое целое и спроецировать на современность. Тогда, прошу прощения за штамп, как солнце в капле росы, отразится в каждой примете минувшего судьба человека, города, страны.

Во имя всех растений

Плотно закрытые на зиму двойные рамы предохраняли нас не только от стужи. От асбестовой пыли тоже. Когда по первому теплу распечатывали окна, на подоконниках можно было чертить письмена в защиту человечества и природы нашей округи от всепроникающих отходов производства обогажительных фабрик.

Мы с тобой надышались этой пылью с младенчества: я в Талицком поселке под боком «Гиганта», ты под сенью труб «Асбогиганта». Не только в наших «шанхаях» деревья выглядели седыми даже в июне, но и в городе не было спасения от пыли. Только в 1968 году фабрики выбросили в атмосферу 39 тысяч тонн асбестовой пыли.

Бедствие это считалось неизбежным, к нему привыкли. Но мало кто знал о его печальных последствиях, которые не предавались широкой гласности. В те недалекие годы вряд ли попал бы в мои руки следующий документ: «Мощное пылевыделение, неизбежное при сухом способе извлечения асбеста из руды, всегда создавало крайне неблагоприятные условия на асбестообогажительных фабриках и сильно загрязняло цеха, их территорию и атмосферу города Асбеста и окружающих его лесов и водоемов. Не случайно в этом районе в прежние годы среди трудящихся комбината и населения города были значительно распространены заболевания асбестозом и сопутствующие легочные и раковые болезни...»

С одной стороны, фантастически замечательные свойства асбеста, с другой...

Разговорился однажды с пожилым свердловчанином. Он вспомнил свой первый и единственный приезд в наш город где-то в пятидесятых годах. Остался Асбест в его памяти таким, каким он его тогда увидел. В его воспоминаниях было столько жути, что не живи я в то время в городе, непременно принял бы все страхи за чистую монету.

— А как,— спрашивает,— теперь?

— Воздух чище, чем в Свердловске.

— Быть не может...

Не верит, а напрасно. У нас, действительно, многое переменялось к лучшему. Документ, выдержку из которого приводил,— отзыв обкома профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов о большой научно-технической работе по внедрению рукавных фильтров на фабриках комбината Ураласбест. Она совершила своеобразную революцию в асбестовой промышленности.

Давно снесены старые фабрики, новые оборудованы эффективными рукавными фильтрами. На последней из них, шестой, цех обогащения выбрасывает в атмосферу только очищенный воздух. Идет замена фильтров в цехе дробильно-сортировочного комплекса, на что отпущено около 4 миллионов рублей,— чистота воздуха составит 99,9 процента. И если бы не завод УралАТИ, который оказался в городской черте и, случается, «газит», я бы поручился, что более чистого неба на промышленном Урале не отыскать.

Небо у нас голубое, а вот земля...

Не при нас это началось, не при нас, вижу теперь, и закончится. Ахиллесова пята горной промышленности — быстро растущие отвалы пустой породы. Они уже взяли наш город в кольцо. Под-

ковой охватили рукотворные горы Асбест со стороны Пышмы — 3,5 миллиарда тонн камня положил на грудь земли-матушки Ураласбест; насыпает скифские курганы Малышевское рудоуправление; а там, вдали, Рефтинская ГРЭС, ежесуточно поглощающая 700 вагонов бедноватого экибастузского угля, громоздит отвалы золы, а зола эта отдается на откуп ветрам.

Раньше, сказывалось экологическое невежество, я восхищался карьерами и воспевал отвалы, подыскивая для них самые лестные сравнения. А теперь споткнулся и даже закручинился, зная, что в мире 6 миллионов гектаров земли занято горными работами (в среднем 2 процента сырья идет в дело, остальное в отходы). Мало того, горные комплексы в радиусе 35—40 километров, по выкладкам ученых, губительно воздействуют на окружающую среду. Урожай сельскохозяйственных культур в этих районах снижается на треть. Негативное влияние оказывают предприятия вроде Ураласбеста на леса, воды, сельхозугодья.

Отвалы, которые окружают наши города, не только уничтожают леса, на которые не так богат Урал (взгляни с самолета — сплошные проплешины). Происходящие на отвалах процессы ветровой и водной эрозии вызывают деградацию таежных массивов, создают неблагоприятные условия для проживания вблизи людей, зверья и птиц. Исчезают ручьи и родники, малые реки, гибнут редкие виды растений, перепады температуры искажают природные климатические нормы.

Как быть? Ответ лежит на поверхности. Бережно относиться к природе, не жалеть средств на уничтожение следов вынужденного хозяйствования в земле, разрабатывать безотходные и природосообразные технологии, чтобы не было отвалов из отходов,

которые академик И. В. Петрянов-Соколов назвал позором гомо сапиенс. Иными словами, не жить за счет потомков.

Мне возразят: комбинат Ураласбест одним из первых в стране обеспокоился проблемой комплексного подхода к разработке Баженовского месторождения, помимо товарного асбеста шести групп выпускает строительный песок, посыпку для бронирования толерубероида, балласт для путей МПС, холодный асфальт. Это верно, но верно и то, что производство это не отвечает потребностям народного хозяйства. Асбест выжимается из руды в достаточном количестве — 1 миллион 150 тысяч тонн. А остальные продукты? 400 тысяч тонн гали толерубероидной, 2,5 миллиона тонн щебня. Выпуск щебня, правда, в эти годы удвоится — требует Западная Сибирь. Вот и посчитаем: из 200 миллионов тонн горной массы, добываемой ежегодно в карьерах комбината, более 160 миллионов отправляется в отвалохранилища. Ясно, что так дальше продолжаться не может, это противоестественное состояние.

Кажется, тревожные вопросы встали в полный рост и перед энергетиками. Рядом с Рефтинской ГРЭС сооружается завод по производству стеновых строительных материалов, предназначенный работать на золе, улавливаемой электрофильтрами. Это хорошо, но ввод нового предприятия целиком проблему отвалообразования не решит.

Повышенного внимания требуют и наши воды. Из Пышмы исчез налим, а пескарь, можно сказать, фирменный житель этой спокойной реки, ловится все реже. Даже на Пионерских скалах его не встретишь. А зимой там Пышма во многих местах промерзает до дна.

Традиционный вопрос: кто виноват? Да мы все,

и в первую очередь местные власти, Асбестовская птицефабрика, пансионат «Асбест». Промышленные стоки, отсутствие помехохранилищ, распашка земель в прибрежной полосе, вырубка леса — все это даром не проходит.

К сожалению, и у Большого Рефта не менее горькая участь. С 1979 года строится здесь очередной комплекс очистных сооружений. Городская газета без обиняков пишет: «При таких темпах очистные сооружения канализации могут быть сданы в эксплуатацию только в тринадцатой пятилетке. Большой Рефт находится под угрозой гибели...»

Комментировать тут нечего.

Но на плачевной ноте завершать это письмо не хочется. Есть надежда, люди начинают понимать: экологическое равновесие зависит от каждого, какой бы пост он ни занимал.

Пример последнего времени. Новый жилой район, что заключен между улицами Мира и Плеханова, отгорожен от завода УралАТИ, автовокзала, «Автосервиса» и большого гаражного кооператива реденькой сосновой рощей — своеобразными легкими. Надо сказать, что в воздухе здесь явно повышенное содержание формальдегида. А по генплану именно на этом месте намечено построить двухэтажный гаражный блок на 350 боксов.

Письма в горисполком, в газету вызвали оживленную дискуссию. Гаражи, конечно, нужны, и желательно неподалеку от дома — машины приобретаются не для того, чтобы их хозяева всю ночь не смыкали глаз, охраняя дорогие «Москвичи» и «Жигули». Довод сотен серьезен, но возражения тысяч не менее убедительны. И городские власти решили в текущей пятилетке строительство гаражей не вести.

Дискуссия завершилась в пользу большинства. Раньше такого могло и не произойти. Настораживает,

конечно, половинчатость решения. Выходит, в текущей пятилетке строить не будем, а дальше посмотрим?

Впрочем, сейчас, хочется верить, в стране появился единый и влиятельный заступник природы — Государственный комитет СССР по охране природы. Давно все мы ждали образования этого органа, и вот он делает первые шаги. Пусть в поле его зрения как можно скорей попадет и наш город, который еще не утратил дурной привычки высокомерно разговаривать с природой на «ты», брать от нее по потребности, а возвращать кое-как, да и то с оговорками, как завзятый должник.

Ягодное молоко

Всю жизнь в Асбесте камнем промышляли, только о руде и думали из года в год, а когда прилавки в магазинах опустели и на смену монбланам консервированного сгущенного молока пришли гималаи знаменитого «Завтрака туриста», озадачились мои сограждане. Еще не было указаний свыше, еще и речи не шло о Продовольственной программе, а на Пышме уже построили всем миром птицефабрику. Двадцать лет назад получили первые 3 миллиона штук яиц. Теперь это крупное сельскохозяйственное предприятие, поставляющее жителям области около 120 миллионов яиц, более тысячи тонн куриного мяса.

Еще одну птицефабрику, бройлерную, самую мощную в зоне Урала, Сибири и Дальнего Востока, возвели на Рефте. Ее первая очередь дала продукцию в 1981 году.

Из Рефтинского водохранилища специализированное рыбководческое хозяйство ежегодно вылавливает до тысячи тонн карпа. Кроме того, Асбест

выращивает в теплицах огурцы, помидоры, лук, петрушку, иную зелень. А если добавить к обществу столу говядину, свинину, молоко!..

Восторгаться бы, но до восторгов ой как далеко. Пока в ходу пресловутая система «предварительных заказов», как именуется ныне в торговле «секрет Полишинеля», надо смотреть на положение вещей трезво. Я думаю так: пока каждый город не перестанет надеяться на грядущее изобилие в государстве и сам не засучит рукава в сельскохозяйственных цехах, продовольственные талоны будут процветать.

С давних пор в характере уральских рабочих городов и поселков наблюдалась ярко выраженная особенность — слияние пролетарского и сельского укладов.

В нашем восьмиквартирнике, где селились горняки, после войны у каждого в сарае обитала всякая живность: коровы, свиньи, овечки, кролики... А у Юрия Исаковича Шмайдлера, одного из руководителей большой автобазы, не переводились козы. Вот уж поистине, как сейчас помню, бодливые были.

И у каждой семьи на Садовой огородик, если не рядом с домом, то на городских окраинах. С картошкой беды не знали, за помидорами, луком и прочим на базар не бегали. Работать, правда, приходилось крепко. Нам, пацанам, льготы как несовершеннолетним выпадали, а старшие после смены — на огород.

Ах, сено детства! Не забыть, как сладко пахло им, когда дядя Вася Якименко, веселый чернобровый украинец, недавний фронтовик, а ныне лучший шофер города, привозил его во двор на своем ЗИСе. Сеном набивали сеновалы. И мы, малолетки, таскали его, дурманное, сияясь помочь родителям, — вот, к слову, подлинная профориентация!

Там, где сейчас проспект Ленина встречается с улицей Ленинградской, был пустырь, изрезанный оврагами и поросший кустарником. Сюда прибредали из стада, звеня колокольчиками и боталами, наши Жданки и Звездочки. Мы гнали их вицами на подворье, а там уже матери наши выносили звонкие подойники, и долго в предвечернем воздухе струилось свежее парное молоко. Мне до сих пор чудится, что пахло оно земляничными полянами.

Но наступило время, когда по известным причинам «ушла» из города кормившая нас скотина. Да и урбанизированные постройки не способствовали ее размножению. Не тоской по прошлому продиктованы эти строки. Ведь с хозяйством нелегко приходилось, точно знаю,— родители по югам не разъезжали...

У нас, как всегда, пионером выступил комбинат Ураласбест, построив свинооткормочный комплекс на 5 тысяч голов. А тут подоспел майский (1982) Пленум ЦК КПСС, положивший начало Продовольственной программе. И снова комбинат отличился — в заброшенной деревне Малиновке на берегах Пышмы открыл ферму на 400 фуражных коров.

Асбестовый комбинат — флагман отрасли, с него и спрос по большому счету. Но и другие коллективы в стороне не остались. Водители пассажирского автопредприятия, построив новый поселок Красноармейский, где разместились ферма на 1200 коров и 100 лошадей, получают в год по 70 килограммов мяса, достаточно молока, думают о производстве масла и кумыса. Для сравнения: Свердловская область взяла обязательство в 1990 году обеспечить каждого работающего мясом с подсобных хозяйств в количестве 25 килограммов.

Малышевское рудоуправление, трест Асбострой, завод УралАТИ, Рефтинская ГРЭС, объединение

грузового автотранспорта, предприятия поменьше деятельно взялись за развитие подсобных хозяйств. Даже мехлесхоз на заброшенном кордоне организовал откормочный пункт. Многие выбрали этот путь, но не все. Иные руководители ссылаются на малочисленность коллективов, специфику труда и прочие причины, оправдывая собственную безынициативность. А разве мебельщики и полиграфисты, учителя и медики не нуждаются в продуктах питания?

Асбест добился главного — лед тронулся. Теперь в развитии подсобных хозяйств вызревает новый качественный этап, настало время думать об обеспечении роста продукции не любой ценой, а при нормативной себестоимости. Безусловно, трудная задача, но и она может быть решена: меньше покупных кормов, отработка технологии, внедрение бригадного и семейного подрядов. Есть и такой выход — организовать фирменные специализированные магазины для продажи продукции подсобных хозяйств. Цены в таких магазинах будут выше государственных, но ниже, чем на базаре.

В 1990 году, по расчетам экономистов, производство говядины в Асбесте вырастет до 210 тонн, свинины до 575 тонн. Молока же городские буренки дадут 2240 тонн.

Потянулся народ к земле. Не пустуют теперь даже территории под линиями электропередачи. Под коллективные сады, картофельные огороды, приусадебные участки отдано 1300 гектаров. Таких «неимущих», как я, становится все меньше и меньше. Сосед по лоджии, старый экскаваторщик Михаил Павлович Лазутин, то и дело соблазняет свежими огурчиками и ягодами из своего сада.

— Ну как оно, ничего? — интересуется он. — Не надумал еще, как Лев Толстой, в земле покопаться?

— Вот выйду на пенсию, Палыч, тогда и обзаведусь огородом,— отшучиваюсь год за годом. Но исподволь не дает покоя мысль: а что, неплохо было бы в субботу с лопатой повозиться. Представляю себя и семейство на природе, аж завидки берут.

Городской комфорт губит не только мышцы, но и душу. А нашему брату, прикованному к письменному столу, особенно тяжело приходится. В самую пору садовым участком обзаводиться. Похоже, сагитирует меня Палыч, уж больно вкусны его ягоды, моего Артемку от них за уши не оттащишь.

Но вернемся к проблеме в целом. Конечно, молодец город Асбест, это словно про него сказано: «Его пример другим наука». Но обольщаться, повторяю, рано, покуда еще не ломаются прилавки, как в фильме-сказке 1949 года «Кубанские казаки», от изобилия мяса, фруктов и овощей.

В городском саду играет...

А помнишь старый парк? Да, да, тот, что поблизости от карьеров, у высохшего Щучьего озера.

Рослые деревья осеняли спрятавшиеся в зарослях шиповника узорчатые павильоны и беседки; розовые лепестки вперемешку со спелыми сосновыми шишками; примечательной архитектуры ДК довоенных лет и неказистый деревянный клуб имени Горького с трофейными фильмами «Тарзан» и «Сети шпионажа».

Гремел над аллеями духовой оркестр на «сковородке», как с незапамятных пор называлась круглая танцевальная площадка, расходился плавными кругами вальс.

Ах, духовая музыка! В ней и юность, и любовь, и слезы, и история...

Отец народов, застывший в гипсе, внимательно наблюдал, чем занимаются его дети. В армейской шинели и сапогах, одна рука за спиной, он, казалось, шел прямо на нас — столь ловко поработал неизвестный скульптор.

Белым пятном выглядит в биографии Асбеста период массовых репрессий тридцатых годов, когда поводом для необоснованных арестов служили случайные поломки механизмов, технические ошибки, квалифицировавшиеся как диверсии по наущению зарубежных разведок.

Первым испытал на себе террор культа личности Сталина крупнейший специалист — горняк Иван Гергенредер. Это был замечательный человек и талантливый инженер, закончивший горную академию в Германии еще в начале столетия. После революции он служил Советской власти. За свои изыскания в 1923 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени РСФСР. Главный инженер треста Ураласбест Гергенредер в ноябре 1931-го был арестован по пресловутому делу промпартии и вернулся на Урал лишь через три года. А в 1937-м о нем снова вспомнили, и след его потерялся во времени.

Жертвами прямой клеветы и наговоров оказались ведущие специалисты асбестовой промышленности Александр Имберг, Арнольд Кирхенштейн — какой соблазн связать неславянские фамилии с происками иностранной агентуры! Тяжкое обвинение в троцкизме смертельным грузом легло на плечи молодого поэта Николая Чванова... Ночью и белым днем хватали опричники XX века секретарей горкома ВКП(б), инженеров, рядовых рабочих, большевиков и беспартийных города горного льна.

Как становились «врагами народа»? Один имел неосторожность не согласиться с очередной газет-

ной передовицей, другой высказал на собрании самостоятельное суждение, третий был упомянут в анонимном доносе. А иной пострадал из-за того, что дружил с «врагом народа». И тормозил у подъезда «черный ворон», и пугающе звучно стучали в дверь...

Мастер фабрики № 2 Григорий Козлов не был инакомыслящим, но 58-я статья грозила ему трижды: за сокрытие факта, что отец якобы служил офицером в белой армии, за отказ от подписки на госзайм, за технологическое вредительство. Хотя все обвинения не подтвердились, человек отсидел 2 года. Ему еще повезло, легко отделался. А вот директор фабрики № 3 Петр Ярутин, попавший в Асбест с поста директора Свердловского горного института, провел за колючей проволокой 17 лет.

Многие же не вернулись, сгинув на этапах пересыльных лагерей от Воркуты до Колымы. Среди них был и доброволец гражданской войны, в прошлом вожак асбестовской комсы Яков Шабуров, призванный по партийной мобилизации в органы НКВД и оказавшийся инородным для ежовского аппарата.

В конце пятидесятых памятник Сталину исчез в одночасье, ночью. И долго еще из высокой, почему-то сразу буйно полезшей из земли густой травы торчал, как крепкий пень, растрескавшийся постамент.

Еще один памятный знак времени, наступившего после XX съезда партии,— Л. М. Каганович, лишенный всяких чинов, в должности управляющего трестом Союзасбест. В наглухо застегнутом пальто, в серой каракулевой шапке типа «пирожок», он иногда выходил на прогулку и медленно передвигался по Садовой в направлении старого парка. Его сопровождала пожилая женщина в белой пуховой шали, большеглазая, со следами былой красоты.

Так, под ручку, прохаживались они по зимнему, выбеленному снегами Асбесту, не обращая внимания на зевак. Только порой, встречая сочувственный взор, он не выдерживал и отводил в сторону глаза, ежился, словно ему становилось холодно на мягком, еще предновогоднем морозце.

О эта исконная русская жалость, пронизывающая нас от рождения до смерти! Быть на вершине гигантской пирамиды — и внезапно оказаться у ее подножия... Возвышаться в дни празднеств на трибуне Мавзолея на Красной площади среди первых — и вдруг очутиться на унылом деревянном помосте среди рабочих в рядовом уральском городке... Командовать народным хозяйством страны в числе промышленных маршалов — и неожиданно выступить в роли обыкновенного полковника или майора...

О чем он думал, начиная первый рабочий день в Асбесте? Об этом можно было только догадываться, сравнивая условия жизни члена правительства в Москве и управляющего трестом на Урале...

Около года провел Лазарь Мойсеевич в нашем городе, память о его пребывании здесь стерлась быстро. Кто теперь, кроме стариков, может представить на Уральской и Садовой этого человека? Мои юношеские впечатления сумбурны, всего-то и сохранился в памяти, как на старенькой фотографии, испещренной следами минувших лет, зимний, с подсветкой новогодней елки, белоснежный вечер, две темные фигуры, медленно прогуливающиеся вдоль застывших тополей; наглухо застегнутое темное пальто, серая каракулевая шапка, возносившая ее хозяина даже в то время над нами, коренными жителями этих мест.

Старый парк! Как много воспоминаний будит он в оцепеневшей от прожитых дней душе. И теперь, когда его давно уже нет, а на пяточке, уцелевшем

от экскаваторов, пролегли железнодорожные пути, я, случается, забреду сюда, чтобы постоять, как тогда, под прогнившей уже аркой, прикоснуться к бугристой коре сохранившихся сосен, свидетелей давних лет.

Перед глазами мысленно оживают картины былого. Снова бьет звонкоструйный озорной фонтан, и трубят горнисты перед бревенчатым Домом пионеров, доносится из музыкальной школы так любимый нами Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского, исполняемый незабвенной Наденькой Б., предметом твоего обожания...

Но довольно лирики. Отобрав у города дорогой каждому сердцу заповедный уголок природы, комбинат Ураласбест ничего не дал взамен, и выросли целые поколения, не имеющие понятия о том, что существует и такая форма общения людей, как парк культуры и отдыха, городской сад.

Я не склонен идеализировать старый парк, преувеличивать его значение, но и умалять также не намерен. Это одно из звеньев духовной жизни, но что душа... Мы в то время строили гиганты индустрии — престижно, величаво, объемно. Кто-то из проектировщиков провел подсчет: по своей кубатуре высотный цех обогащения фабрики № 6 равен Московскому университету на Ленинских горах. Впечатляет?

Но народ все эти годы не унимался. Мысль о сооружении нового парка витала на различных собраниях, конференциях, находила приют в газетах. Витала десятилетиями и оставалась без ответа. Лишь после апреля 1985 года началось движение.

И вот приглашаю тебя в долгожданный парк. Он раскинулся на территории 76 гектаров вдоль Рефта — от стадиона «Ураласбест» до Изумрудского моста. Рельеф местности, если не забыл, здесь

причудлив — речные излучия, лесные массивы, пригорки, ручьи. Все это использовано умно, с толком. С улицы Плеханова попадаем в детский городок. Он всегда заполнен шумной разноголосицей: мамы с колясками, дошкольники, пионеры, ребята с пробивающимися усами. Чего тут только нет! Поистине лес чудес — на берегу большой корабль, выполненный из дерева в виде старинной каравеллы, карусели и качели, тренировочный кордодром с трибунами для зрителей, игровые площадки «Лилипутия» и «В гостях у Айболита». А неподалеку искусно сработана имитация большого населенного пункта: улицы, туннель, железнодорожный переход, автозаправочная станция, подмигивают светофоры на перекрестках. Детей отсюда без плача не уведешь, все жаждут познать правила уличного движения.

Дальше начинается зрелищно-развлекательная зона — центральное ядро парка: музыкальный центр, выставочный павильон, кафе, игротеки, стрелковый тир, игровые автоматы. Для любителей эстрады построен летний театр, не обижены книголюбцы и шахматисты. А поляна массовых действий зазывает на цирковое представление.

Чу, знакомые звуки... Да это же играет оркестр нашей молодости — духовой оркестр Михаила Борисова, высокопрофессиональный коллектив, лауреат Всесоюзного фестиваля народного творчества. Вот чего нашему поколению не хватало много лет на фоне расхристанных ВИА и рок-музыки. Как славно, что городу возвращен наконец парк, а он немислим без духового оркестра.

Как говорят специалисты, парк — это многофункциональный комплекс, призванный решить не только проблему досуга населения, но и задачи охраны окружающей среды. Поэтому значительная часть

территории отведена лесопарку, в котором максимально сохранен природный ландшафт. Сад камней, экологическая тропа, дендрологическая аллея...

Но и это не все. В дополнение к прекрасному стадиону, вошедшему в границы парка, разбиты волейбольная и городошная площадки, прогулочная велосандрожка, проложены тропы теренкура, а зимой — снежные городки, освещенная лыжная трасса, катки — словом, на все вкусы и запросы.

Уж чересчур хорошо и восторженно? Да, ты прав. Потому что все это еще не реальность, а путешествие по проекту, который, к чести комбината Ураласбест, наконец-то разработан его конструкторским бюро. Парк только-только стал строиться на долевых началах предприятиями города, и как тут не вспомнить расхожее выражение: «Гладко было на бумаге...»

Уж сколько раз нас учила жизнь, принося разочарования и огорчения, тыча носом в бетонную стену непонимания и безразличия, что самые совершенные проекты какой-нибудь чиновник среднего или высшего уровня небрежно засовывает под канцелярское сукно. Тому подтверждений несть числа. Да тот же новый ДК в центре Асбеста, чьи развалины напоминают остатки древних памятников архитектуры. Вбухали в него немало денег и забросили, затем снова принялись за стройку и снова забыли о ней. А годы идут.

Может быть, парк, о котором речь, и не самое главное для жителей нашего города и даже наверняка не главное, но он принципиально показателен как пример реализации возможностей, которые нам теперь даны. Справимся с этим — справимся и с другими проблемами. Или опять произойдет разрыв в цепи?

Что же касается старого погибшего парка, то

он был не просто «многофункциональным комплексом», а частью нашей жизни, как Огневка, Талицкое озеро, Пионерские скалы, Вороний брод. Потому и вспоминается светло и трепетно. Как юность.

Имя в энциклопедии

Асбест всегда брал индустрией. И повелось считать, что в культурном отношении он, конечно же, «дыра». Ладно бы дожил до наших дней профессиональный театр «Пролетновъ», работавший в городе на стыке двадцатых-тридцатых годов, а так и зацепиться не за что.

Это теперь, когда мы открыли для себя уроженца Асбеста, выдающегося графика Николая Аввакумова (1908—1945) и назвали его именем одну из улиц, когда завоевал популярность мемориальный музей художника, когда в городе прошла организованная Союзом художников РСФСР большая персональная выставка рисунков Николая Михайловича из фондов Третьяковки, Русского музея и других именитых художественных хранилищ страны, вряд ли кто осмелится утверждать, что только камнем и характерен город горного льна.

Николай Аввакумов, его младший брат Павел Аввакумов, тоже талантливый художник, умерший, к сожалению, молодым, Петр Миронов, чья судьба до сих пор остается загадочной,— рисунки этого асбестовца, сделанные еще в 15 лет, высоко ценили нарком Луначарский, художники Малявин, Якупов, за рубежом мальчика сравнивали с Леонардо да Винчи,— могли бы составить славу и не такого города, как Асбест.

Та музыкальная школа, где мы слушали игру Наденьки Б., положила начало еще целому ряду

школ и музыкальному училищу, среди выпускников которого есть известные исполнители. Что еще? Художественная школа, исторический и геологический музеи, выставочный зал.

О какой «дыре» может быть речь, если много лет в городе открываются филармонические сезоны. С концертами выступают лауреаты международных и всесоюзных конкурсов: пианисты и скрипачи, солисты, знаменитые хоры и оркестры, проводятся творческие вечера артистов кино и театра, мастеров сатиры. Даже клуб «12 стульев» из «Литературной газеты» не обошел вниманием наш город.

Есть и свои творческие силы. Профессиональный композитор Лариса Табачник пишет камерную музыку, оперы, песни. Первую и добротную книгу прозы издал Арсен Титов. Работает целый отряд даровитых художников: Владимир Абаскалов, Вячеслав Брюханов, Олег Мамаев, Павел Попов, Вячеслав Целуйко, Геннадий Никитин. Свои задачи решают музыковеды и искусствоведы.

Прочитав сию длинную тираду, ты, по моим прогнозам, должен сравнить день нынешний с днем минувшим и порадоваться за уральскую родину. Но я не стану больше пичкать тебя нашими достижениями. Правда, кое-какой любопытной информацией поделиться хочется. Ну, скажем, об асбестовском Пиросмани.

Нина Ивановна Варфоломеева. Это имя тебе ничего не говорит. Когда ты жил в Асбесте, она работала маляром в стройгруппе орска комбината Ураласбест и не помышляла о живописи ни во сне ни наяву. И на пенсию вышла с думой о бабушкиных заботах, а началось совершенно иное... Переполнило ее желание взять в руки кисть и рассказать свою жизнь и судьбы дорогих ей людей.

О гениальном Нико у Паустовского сказано так:

«Он писал сразу — законченно, просто, бросал несколько мазков, линий, оставляя вместо черной краски чистую клеенку, писал так, как мы говорим, пьем, как плачет ребенок, как хохочет краснорожий кинто...» Варфоломеева тоже написала сразу — чисто и взволнованно и в мгновение обрела себя. С той поры пишет жадно, много, словно наверстывая упущенное время.

Из искусствоведческой рецензии о персональной выставке Нины Ивановны: «Приходите на выставку и убедитесь, сколько правдивости, поэтической свежести и духовного здоровья в работах Варфоломеевой. Их читаешь, как книги. Вот одна из них — «Мой дом». Незатейливость убранства крестьянского жилища, за окнами ночное небо — поздний вечер. А в комнате уютно от человеческого присутствия, тепла, каждый занят своим обычным делом. В этой атмосфере сквозит приятие жизни, ощущение чего-то глубокого, устойчивого, важного для человека. Мир, ограниченный стенами крестьянской избы, предстает вместилищем ясности и человеческого тепла».

Варфоломеева пишет, как дышит, как живет, тихо, скромно. Манера ее, как и у всех ее предшественников, начиная с Гогена и Руссо, чуть плоскостна, пропорции смещены. Ее непосредственные, наивно-поэтичные работы чисты и прекрасны, в них — взгляд мудрого человека на мир. Ее работы хорошо принимают в Свердловске и Москве.

Крестьянский труд — основа сюжетов «Сенокоса», «Молотьбы» и других полотен. Косари в белых рубахах, женщины в новых цветастых кофтах вышли в луга как на праздник. Художница изображает их любовно, не забыла и себя — подростка: на лошади возит копны, помогая старшим.

Комментарий Нины Ивановны к «Уборке урожая

в 30-е годы», купленной Суздальским музеем народного творчества: «До обеда я бойко работаю. И вдруг — кровь из носа. Я стою да плачу: они вяжут снопы, а я нет, отстану ведь...»

Варфоломеева продолжает рассказывать свою жизнь в картинах «Похороны в деревне», «Женщины в войну», «Лесорубы», «Зимой. Военные годы», «Дальняя дорога»...

Это большое, настоящее, заставляющее думать искусство. Один господь знает, что он положил в душу пожилой женщины, оборотив ее к творчеству, как и девяностолетнюю бабушку Майкову из ваших краев.

Из рассказа Нины Ивановны: «Очень люблю изображать природу, цветы, лес. Но мне всегда хочется, чтобы там были люди и животные, чтобы все в картине было живое».

И она пишет радостные пейзажи. Сейчас подует ветерок — и облачки пушинок взметнутся с одуванчиков; тут же черемухи, яблони, травы... Сколько света, замешанного на цвете, в таких произведениях, как «Май», «Летний луг», «Ромашки», «Лу-жайка»...

Из рецензии: «Самый обыкновенный, знакомый всем мир в работах Нины Ивановны опозитизирован. Светлые чувства жизнеутверждения, красоты, гармонии и оптимизма несут людям ее картины».

В Международной энциклопедии народного творчества, изданной в середине восьмидесятых годов в Югославии, среди многих одаренных мастеров, вошедших в искусство без диплома художественного вуза, нашлось место и для нашей Варфоломеевой, представленной репродукцией картины «На озере». Бесхитростная аллегорическая композиция: на ярко-зеленой траве в окружении сказочных деревьев и цветов застыли волшебные олени. Лег-

кий шорох — и они скроются в чаще или отважно бросятся в зеркальную прохладу озера.

Имя в энциклопедии — это уже широкое признание таланта.

А еще я бы мог тебе рассказать о редком мастере Викторе Тумове. Он занимается уникальным ремеслом — художественной ковкой металла по собственной методике. О нем и его творениях в Свердловске вышла книжка. Цветы, подсвечники, бра, люстры, художественное оформление зеркал, часов... Число работ Тумова подбирается к сотне.

Одна из композиций, особенно дорогая художнику тем, что выполнена из цельного куска меди, находится в Музее кузнечного искусства в Москве. Она называется «Цветы вместо ракет».

А еще я бы мог тебе рассказать...

Короткая память!

Города как люди. Перед одним благоговеешь, другого уважаешь, третьего любишь, а четвертого терпишь...

Это письмо будет последним, наверное, самым горьким, потому что оно о том Асбесте, который я не приемлю. И любя его как родину, все же не могу умолчать о несовершенстве его характера, как если бы вел разговор о дорогом человеке.

В своем «Путешествии из Кудельки в Асбест» я не раз чувствовал потребность воздать должное недостаткам, которые изучены мной за эти годы не хуже, чем инфузория-туфелька начинающим студентом-биологом. Но пришлось от этого отказаться.

Что толку, думал я, если еще раз назову общепит таким-сяким, службу быта пристыжу, а строителям без намека рубану, что они шаляй-валяй благоустраивают наши дворы. Есть кого покритико-

вать остро и нелицеприятно. Да ведь сами они про себя больше знают, пути избавления от брака им лучше других известны, и никакое печатное слово их не проймет, только штрафные санкции могут напугать ненадолго.

И решил я, не это самое главное в жизни. С общепитом приходится мириться, никто еще от его безвкусных обедов не отдал богу душу. Со службой быта чрезвычайных сложностей нет — существуют более обязательные и мастеровитые частники. Лужу на асфальте можно стороной обойти. Ну и тому подобное. А вот как, скажи, быть с духовной субстанцией, с памятью, например?

Сколько живу в Асбесте, столько меня этот вопрос занимает. Мы умеем строить дворцы, в недра земные на многие сотни метров заглянули, высчитывая запасы асбеста, сложные ЭВМ приручили, а простая истина в голову никак не достучится. Ее, эту истину, можно высказать по-разному, но, думаю, до сих пор не устарела формула А. С. Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Чем же мы можем сегодня гордиться?

Для начала приведу заметку из городской газеты за 22 мая 1933 года. Ее написал по поручению бригады красный партизан Захар Берсенев:

«Прочитав письмо редакции газеты «Асбестовский рабочий», помещенное в № 59 (361), о сооружении памятника незабвенному вождю пролетариата Владимиру Ильичу Ленину на Асбесте, мы, бригада столяров, в количестве 5 человек, работающие на Изумруде, с воодушевлением поддерживаем инициативу редакции и отчисляем из майского заработка однодневный заработок. Кроме того, мы обращаемся ко всем комсомольским и профсоюзным

организациям Асбеста и Изумруда — немедленно организовать сбор средств на постройку памятника В. И. Ленину. Памятник должен быть открыт в день 16-й годовщины Великого Октября».

Минуло свыше полувека, а памятника Ильичу все еще нет, хотя разговор о нем никогда не прекращался.

И вот я попытался подвести итоги исторической памяти в нашем столетнем городе. Результат получился печальный. Что мы имеем? Три улицы, названные именами земляков: первого председателя Совета А. Д. Ильина, художника Н. М. Аввакумова, Героя Социалистического Труда А. А. Королева; памятник И. М. Малышеву, украсивший поселок его имени; несколько мемориальных досок; обелиск в честь погибших на войне асбестовцев. И все!

В шестидесятые годы был разработан проект памятника борцам за Советскую власть и даже определено место его установки — на перекрестке улиц Уральской и Советской. И где же он? Его нет. Слово автору проекта Владимиру Абаскалову:

«Многие годы в Асбесте не было долговременного плана монументальной пропаганды. И в тот раз сработал сиюминутный принцип. Идея создания памятника возникла за три месяца до 50-летия Великого Октября. Сооружение не было согласовано заранее с областными организациями. Вот вам и плачевный исход. До сих пор на этом месте торчат какие-то непонятные деревянные ракеты, по всей видимости, олицетворяющие наш прорыв в космос.

Далее последовал такой акт. После пуска в эксплуатацию шестой асбофабрики было принято и обнародовано решение увековечить трудовой подвиг ее строителей. Свердловский скульптор Владимир Егоров, автор памятника И. М. Малышеву, сделал проект архитектурно-пространственного изображе-

ния. Но большой начальник, от коего зависело финансирование, оказался в день показа эскизов не в духе, и судьба произведения была решена в один присест.

Кстати, странно, что городской Совет не располагает средствами на монументальную пропаганду, и потому ее будущее определяют малокомпетентные в вопросах искусства, но наделенные властью люди, подобные тому начальнику.

В 1972 году загорелись мыслью поставить монумент к 50-летию СССР. Полтора месяца умельцы шлифовали двадцатипятитонную каменную глыбу, были отлиты на заводе гербы союзных республик...

Печальный опыт повторился.

Когда готовились к 100-летию со дня открытия Баженовского месторождения асбеста, очень хотелось художникам отметить это событие. Но снова ответственные товарищи хватились поздно, пришлось ограничиться установкой камня с обещанием соорудить памятник уже к 100-летию города в 1989 году».

Вот такая ретроспектива. Не ожидает ли та же судьба памятник к 100-летию Асбеста? Один из проектов был опубликован в газете — наступили времена демократизации, но теперь уже сами асбестовцы отказали ему в праве на существование, настолько он оказался помпезен и художественно несостоятелен.

Ждет своего часа и мемориал на бульваре Победы. Три тысячи горожан погибли на фронтах Великой Отечественной войны, их имена, пока еще не поздно, надо собрать и отлить в металле, высечь на мраморе. Средств нет? Можно обратиться к народу — никто не откажется помочь святому делу. Это и будет лучшая пропаганда воинской славы наших отцов, дедов, прадедов.

Знаешь, что мы хорошо умеем делать? Разбра-

сывать камни. Их у нас от въезда в Асбест и по всей территории — в изобилии. Не пора ли начать их собирать?

Сейчас у штурвала города стоят более молодые капитаны, они превосходят предшественников (дочется в это верить) в понимании роли духовной культуры, истории в жизни общества. От них во многом зависит, останется ли наша память короткой или потомки скажут о нас благодарное слово.

Что для этого нужно сделать в первую очередь? Осознать, что будущего без прошлого не бывает. И когда придет это сознание, честное слово, все встанет на свои места.

Если бы я смог передать со всей полнотой свои боль и радость, когда прикасаюсь к неведомым прежде страницам минувшего. Не отпускает вина перед ушедшими в прошлое людьми, нашими земляками. Понимаю, что не им нужно, чтобы их помнили. Это нужно прежде всего нам, ныне живущим, и будущим асбестовцам. Не будем помнить мы, не будут помнить нас. Эта логика справедлива настолько, насколько неумолима.

Обидно, как обидно, что в городе не увековечено имя первооткрывателя Баженовского месторождения асбеста А. П. Ладыженского. Один из высокопоставленных товарищей как-то в узком кругу обронил: дескать, дворянин был, а ему памятник... Так ведь и Суворов, и Ленин не из кухаркиных детей. Сколько мы будем кичиться рабоче-крестьянским происхождением?!

Будущим поколениям необходимо знать о своих земляках. Первым я бы назвал А. П. Ладыженского и народных комиссаров 1918 года. Вот имена тех, кто оставил заметный след в жизни нашего города.

И. М. Егоров. Подпольщик с дореволюционным стажем. Комиссар 3-й бригады 29-й стрелковой

дивизии РККА, провозгласивший восстановление Советской власти на асбестовых рудниках в 1919 году после освобождения от колчаковщины.

З. С. Берсенев. Пулеметчик легендарного полка «Красные орлы», один из летописцев Красной Армии.

И. Н. Головин. Глава самой многочисленной династии в асбестовой промышленности, первый в городе Герой Труда.

К. Е. Тарасов. Главный геолог Ураласбеста, крупнейший знаток Баженовского месторождения, основатель уникального геологического музея.

И. П. Флягин. Забойщик-орденоносец, организатор стахановского движения в асбестовой промышленности.

Роза Иванникова. Бесстрашная партизанка Великой Отечественной войны.

М. Б. Щедринский. Руководитель антифашистского подполья в концентрационном лагере смерти, автор первого учебника по обогащению асбестовых руд.

И. В. Вольфсон. Выдающийся инженер-строитель, Герой Социалистического Труда.

Илдус Шамсеев. Летчик-интернационалист, погибший в небе Афганистана, кавалер двух орденов Красной Звезды.

Можно и нужно вспомнить и других достойных людей. Я бы хотел, чтобы потомки знали об асбестовском периоде выдающегося поэта С. П. Щипачева или постоянной помощи Асбесту и Изумруду со стороны А. Е. Ферсмана.

Казалось бы, чего проще — назвать лучшими именами улицы, безымянные школы, библиотеки, посмертно принять в когорту почетных асбестовцев... Да мало ли способов отметить замечательного человека. Чего ждем? Указаний?

Правда, неорганизованное движение за утверждение исторической памяти ни на миг не затихает. Были и есть энтузиасты, отдающие любимому делу свои знания и энергию. В частности, художники. Так, историческому музею передана галерея портретов первых большевиков асбестовых приисков: А. Д. Ильина, Н. И. Зеленова, С. И. Чемезова, А. Н. Попова, С. С. Жаркова, Я. Н. Лунева.

Полнятся исторические хранилища на предприятиях и в школах города. Завидную инициативу проявили сотрудники автошколы ДОСААФ, отыскав довоенную полуторку. Теперь машина, отремонтированная, покрашенная, стоит на постаменте, напоминая о славной судьбе автомобилистов первых пятилеток и фронтовых дорогах.

Но более всего примечателен пример мальчишек и девчонок из школы № 9. Они решили — без взрослой подсказки — увековечить память о погибшем на войне восемнадцатилетнем Анатолии Мальцеве, чье имя носит пионерская дружина. Несколько лет ребята трудились на полях Белоярского района, пропалывали сосновые посадки, сдавали макулатуру и металлолом, чтобы собрать деньги. И теперь бюст комсомольца-героя, отлитый в металле свердловскими мастерами, установлен в фойе школы. Радует, что детьми двигала не директива, а самостоятельная «любовь к отеческим гробам».

Воспитание историей есть воспитание гражданственности. Если каждый из нас проникнется этой мыслью, сгладятся изломы в памяти, высокая нравственность, и только она, будет мерилом человеческих качеств.

Я надеюсь, что однажды ты привезешь в наши палестины своих сыновей и они убедятся, что на твоей родине живут не Иваны, не помнящие родства, не манкурты, послушные чужой воле, а хорошие и

надежные люди, для которых память о прошлом священна не на словах, а на деле.

Иначе и быть не может.

ПО ДЕЛАМ ГОСУДАРСТВА

Нынче заграничной поездкой никого не удивишь. И асбестовцы в этом смысле не исключение. Приобрел туристскую путевку и кати куда хочешь — хоть по морю, хоть по воздуху. Редка страна, где бы ни ступала нога вездесущего туриста или командировочного из асбестовой столицы, да и деловая командировка из Асбеста не новость: наши специалисты бывали на всех континентах, помогая строить, осваивать, передавать или занимать лучший опыт, как, конечно, и другие уральцы.

...Этот рассказ начнется издалека, из дореволюционных времен.

В феврале 1916 года Ивана Шабурова, рабочего асбестовых приисков, затребовал воинский начальник. И вскоре из Архангельска в открытое море вышел пароход «Александр III», на палубах и в трюмах которого разместились солдаты шестого особого полка третьей экспедиционной бригады русской армии. Тоскливо наблюдал Иван, как ходят вокруг свинцовые волны. Белое, Баренцево, Норвежское и Северное моря пересек корабль и бросил якорь во французском порту Бресте на полуострове Бретань.

Отсюда и началась эпопея русских воинов во Франции, посланных умирать во имя Антанты.

На глазах таял русский экспедиционный корпус на вытоптаных солдатскими башмаками благословенных виноградниках Шампани. Союзное командование бросало россиян на самые опасные участ-

ки фронта против кайзера Вильгельма. Шабуров в одном из жестоких боев был ранен шрапнелью и отравлен газами.

Пока уралец лежал в госпитале, в России произошла революция, слухи о которой доходили самые противоречивые. А вышел из госпиталя — стал решать вместе с товарищами: что дальше делать? Но за русских все уже решили французские и английские империалисты — им не хотелось терять храбрых солдат, и остатки корпуса перевезли в Алжир, предварительно расстреляв или сослав на каторгу жаждущих отправки в Россию.

Африканская жара не всякому европейцу полезна. А держали русских в лагерях, где скапливались тысячи солдат, и на фермах французских колонистов, заставляя надрываться до потери сознания. Намаялся на чужбине рудокоп из Кудельки, пока командование Антанты не перебросило отчаявшихся солдат в занятую Деникиным Одессу, лелея надежду пополнить ими белые полки.

Но — баста! — навоевался по горло русский солдат. Шабуров, сговорившись с тремя дружками, среди которых был и ротный писарь Малиновский, бежал. Много недель потребовалось ему, чтобы попадая поочередно то к махновцам, то к белым, то к другим бандитам, добраться до Екатеринбурга, а там уж до приисков рукой подать. Худой, измученный, тифозный, в жалкой французской шинельке появился он в Кудельке.

Вместе со всеми восстанавливал Иван Тимофеевич рудники, вступил в партию, много лет отдал работе в асбестовой промышленности.

Однажды, было это уже после войны с фашистами, прослышал старый солдат, что Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский тоже воевал в составе экспедиционного корпуса во Франции. Не

тот ли это Малиновский, с которым бежал из белогвардейского ада? Если бы имя писаря вспомнить, да где там — столько лет прошло. Сел ветеран за письмо в Москву.

Бывший в то время министр обороны Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский с ответом не замедлил:

«Уважаемый Иван Тимофеевич!

Письмо Ваше получил.

Каждому письму солдата русского экспедиционного корпуса во Франции я искренне рад, а таких писем после посещения Франции мною получено немало.

Читая эти письма, нельзя не вспомнить тяжелые бои и походы, товарищей и томительное ожидание возвращения на Родину.

Весь период пребывания во Франции я служил во 2-м пехотном полку, в апреле 1917 года был ранен в бою под фортом Бримон, возвратился на Родину в 1919 году.

Благодарю Вас, Иван Тимофеевич, за добрые пожелания. Желаю Вам здоровья и многих лет жизни.

Бывший пулеметчик 4-й пулеметной роты
2-го пехотного полка

Маршал Советского Союза Р. Малиновский».

Другой оказался Малиновский, но все равно — боевой товарищ, вкусивший горюшка солдатского в той самой распрекрасной Франции.

Через много лет, в начале восьмидесятых, окажется в Париже другой рудокоп из Асбеста. Правда, техника у него не кайло да лопата, а современный восьмикубовый экскаватор. И тоже приедет не туристом. Приедет по государственным делам, как и солдат Иван Шабуров.

Герман Викторович Кашин — отменный машинист, знаток горного оборудования, рационализатор, много лет возглавлял цеховую партийную организацию в Центральном рудоуправлении. На его кандидатуре и остановился директор предприятия кандидат технических наук Г. Г. Мацак, когда руководство комбината Ураласбест поручило ему подобрать человека для заграничной поездки.

Надо сказать, что командировка была вызвана нуждами всей асбестовой промышленности. Даже сравнительно близкий к нам по времени работы в карьере Иван Шабуров не мог представить размах горных работ Ураласбеста. Малопроизводительные станки канатно-ударного бурения заменены шарошечными агрегатами, до сорока машин и механизмов пришли на помощь взрывникам, надеявшимся раньше только на руки. Свыше сотни маневренных экскаваторов заняты в карьерах и на отвалах, есть среди них и два шагающих, сто тридцать локомотивов вывозят руду, пустую породу и отходы обогащения.

Разительный штрих — исчезла из карьеров основная там раньше профессия. Читатель уже догадался, что речь идет о забойщиках. Мне эта профессия близка и дорога, ей отдали всю жизнь мой отец и его товарищи. Добывали вручную, как и в начале века, высшие сорта асбеста. И казалось, так будет всегда — только человеческим мускулам подвластна эта операция. Но тяжесть труда не давала покоя специалистам комбината и научным сотрудникам ВНИИпроектасбеста. Они в конце концов разработали и внедрили на фабрике № 4 технологию производства текстильных сортов асбеста из руд механизированной добычи. Себестоимость их стала ниже, а общий выпуск асбеста этой группы возрос вдвое — миллион рублей получило

народное хозяйство от ликвидации профессии, которая считалась ведущей на Баженовском месторождении с первого дня эксплуатации.

Всех перемен просто-напросто не упомянуть, но два факта не могу не привести. В годы моей горняцкой юности на работу нас возили на грузовых, зачастую открытых автомашинах. Они со всех сторон продувались ветрами, но чудились высшим достижением научно-технического прогресса, ведь родители добирались до карьера пешком. Правда, на самый низ карьера мы спускались на своих двоих — по длинным деревянным лестницам, затем по горизонту, опять по лестницам и так далее. Пока до забоя доберешься — впору передохнуть. Теперь горняки уезжают в карьер на комфортабельных автобусах, которые закуплены комбинатом у венгерской фирмы «Икарус». Честное слово, не каждый город у нас на Урале, а может быть, и в России, имеет такие автобусы на дальних маршрутах, как Ураласбест для своих рабочих.

А память услужливо подсказывает: с дедовских времен был у нас в ходу «тормозок» — бутылка молока, печеная картошка да пара бутербродов. Брал такой «тормозок» с собой на смену и я, когда работал электроконтактником на отдаленном Каменском отвале. Для меня, в ту пору мальчишки, романтичным казалось пообедать всухомятку у зимнего костра из старых шпал, пахнущего креозотом и соляркой. А вот кадровые горняки Анатолий Смирнов и Евгений Тарасов, обучавшие меня ремеслу, порой чертыхались, разворачивая свертки, приготовленные заботливыми женами, и мечтали о столовой или хотя бы небольшом буфете на Каменке.

Было так днем, осталось — как атавизм — в ночную смену. Не у всех, конечно, но на экскавато-

рах и электровозах — совершенно точно. Работа такая: с машины в буфет не убежишь. Помню разговор об этом с машинистом экскаватора Михаилом Коровиным. Он тогда вернулся со съезда профсоюзов, где ставил этот больной вопрос перед министром в личной беседе. Не сразу, по правде говоря, но сдвинули с места проблему горячего питания рабочих ночью. Специальные термоса получают машинисты сразу после раскомандировки, а в них три горячих блюда, как и полагается. Но и они уже не устраивают.

Но это к слову. Хотя если подумать, то и такие малости имеют самое прямое отношение к заграничной командировке машиниста экскаватора Германа Кашина. Когда человек без проволочек доставлен на рабочее место, накормлен, трудится он, конечно же, лучше, быстрее входит в ритм, заложенный в основу государственного плана.

Растущие объемы производства горных работ и необходимость выполнения их в сжатые сроки на нескольких горизонтах карьера одновременно требуют создания новых горных и транспортных машин большой единичной мощности и, в первую очередь, гидравлических экскаваторов с ковшом, вмещающим 12—20 кубометров, и автосамосвалов, рассчитанных на перевозку за один присест 180—200 и более тонн горной массы. Уже сейчас оправдывают себя в асбестовых карьерах 75—110-тонные БелАЗы, а вот гидравлических экскаваторов на комбинате Ураласбест нет.

Когда узнали, что одна международная фирма, квартирующая в Париже, занимается строительством гидравлических экскаваторов, то решили познакомиться поближе, а если возможность появится — попробовать новинку на уральском габбро.

И вот Кашин во Франции, где в годы первой

мировой войны сражался с бошами солдат из Кудельки Иван Шабуров.

Понимал асбестовец, что дело доверено наи-серьезнейшее, государственное. Потому днями не вылазил из карьера, где работали машины на гидравлике, стал своим в учебном центре по подготовке операторов, как называют во Франции экскаваторщиков, словом, доходил до сути, до сердцевины дела.

В редкие часы отдыха переводчик из четвертого поколения русских эмигрантов показывал ему красоты столицы. Герман впервые повидал богатства Лувра, подлинники великих мастеров живописи. Любовался химерами собора Парижской богоматери, Эйфелевой башней, чья высота напомнила гигантскую трубу РефТГРЭС. Побывал у стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез...

Да простят истинные любители искусства асбестовскому машинисту, что больше всего его мысли занимал... экскаватор. Схемы снились и в гостинице, и позже, когда оказался дома.

На словах всех впечатлений не выскажешь. Одно совершенно точно — хороша машина во французском карьере. А какова у нас окажется? Вон сколько взрывчатки надо, чтобы «скалу» взорвать. Коэффициент крепости руд и породы в Асбесте колеблется от 8 до 12.

Когда в Асбест приехали французские и западногерманские специалисты для наладки экскаватора (закупили все-таки), Герман Кашин стал главным консультантом участников монтажа и посредником между горняками и иностранцами. Бывало, представители фирмы сами запутывались в сложнейших схемах, тогда на помощь приходила уральская сметка. Известный на руднике энергетик-новатор Эдуард Егиазарьян, поблуждав взглядом по

чертежам, высказывал весьма точную мысль. «Гросс-мужик!» — восхищались заграничные инженеры.

Экскаватор на гидравлике недолго покрутился в асбестовом забое. Однажды замер — не хватило хорошей машине запчастей. Но это не беда, он себя полностью оправдал. Конечно, рано предсказывать его судьбу, хотя, бесспорно, эта конкретная конструкция требует более мягкой породы. Бесспорно и другое — будущее за гидравлической техникой. Такого мнения единодушно придерживаются ученые и производственники.

А каковы же в целом перспективы Ураласбеста?

Горные работы у нас ведутся с 1889 года. За минувшее время извлечено из карьеров 4 миллиарда тонн горной массы, добыто 850 миллионов тонн асбестовой руды. Может показаться, что истощились недра Баженовской кладовой, но нет, геологи знают: будет что добывать комбинату еще добрую сотню лет — и детям, и внукам, и правнукам хватит.

Сейчас месторождение отрабатывается тремя карьерами. Наиболее крупный из них, Центральный, имеет следующие параметры: длина 3800, ширина 1700 и глубина 250 метров. В дальнейшем все карьеры сольются в один протяженностью 11 километров, причем ширина составит 2,5 километра, а нижний горизонт достигнет глубины 700—800 метров.

В послевоенное время по проектам института Гипроруда и Уралгипрошахт несколько раз коренным образом менялись схемы вскрытия рабочих горизонтов карьеров и география основных объектов горнорудного хозяйства. При этом неизменно предусматривалась поэтапная отработка, что приносило ощутимую экономию трудовых и ма-

териальных ресурсов. Однако и несовершенства подобной системы были очевидны. Она ставила горняков перед необходимостью периодической консервации и расконсервации бортов карьера, сравнительно коротки были и сроки существования основных вскрывающих траншей и транспортных коммуникаций. В начале одиннадцатой пятилетки, например, к рабочим горизонтам вели семь траншей и несколько автосъездов. При этом значительная часть рабочих бортов оставалась нетронутой.

В восьмидесятых годах комбинат приступил к новой крупной реконструкции горных работ. Технический проект, составленный Уралгипрошахтом, намечает расширение границ карьеров с увеличением выемки горной массы до 220 миллионов тонн в год, строительство новых железнодорожных путей, автодорог, ЛЭП, понизительных и тяговых подстанций, ремонтных блоков и других объектов.

Учеными ВНИИпроектасбеста доказана целесообразность строительства и ввода в эксплуатацию двух конвейерных подъемников производительностью до 12—12,5 миллиона тонн, что уменьшит до 60—80 метров высоту подъема и в 1,5—2 раза сократит расстояние транспортировки горной массы автосамосвалами, а также снизит ежегодные затраты на миллион рублей. Как говорится, овчинка стоит выделки.

Исследованиями ВНИИпроектасбеста, Института горного дела Минчермета СССР, Свердловского горного института и Института геотехнической механики АН УССР признана необходимость отработки глубоких горизонтов с применением автомобильно-конвейерного транспорта. Это уже более дальняя перспектива. Но и сейчас в связи с углублением карьеров рождаются проблемы, волную-

щие многих инженеров и рабочих. Чем дальше зарываются люди и техника в землю, тем больше трудностей. Трудностей не только технологических, но и социальных, в частности санитарно-гигиенических, если выражаться строгим языком актов горнотехнической инспекции.

Так, с внедрением автотранспорта на нижних горизонтах и переходом на взрывание крупных блоков участились случаи превышения допустимых норм загазованности воздуха. Ежегодно, чаще в конце зимы, в самом низу карьеров приходится из-за этого останавливать горные работы.

Будущее Ураласбеста крепко связано и с обогатительными фабриками, откуда выходит готовый продукт — горный лен, которым мы все так гордимся. А производит комбинат его вполне достаточно, чтобы с почтением взирать на железнодорожные составы, уходящие в тысячи адресов и десятки государств, — четверть мировой добычи асбеста.

Много внимания уделяют обогатители качеству сортовой продукции. Комбинат первым в отрасли внедрил комплексную систему управления качеством, из года в год увеличивая выпуск сортов по высшей категории.

Правда, в последние пятилетки стабильная работа фабрик все более осложняется. И дело тут вот в чем. Все ниже опускаются горняки в карьерах, все меньше содержание асбеста в руде. Было 2,7, теперь меньше двух процентов. Поэтому нагрузка на обогатителей заметно возросла.

Производственники и ученые изо дня в день совершенствуют технологические процессы обогащения на базе нового оборудования, внедряют приборы и средства системы автоматизации и АСУТП. В цехах появились установки промышлен-

ного телевидения, на упаковке асбеста нашли применение роботы. Строятся корпуса рукавных фильтров для очистки запыленного воздуха.

Когда летишь с востока над нашими краями в ясную ночную погоду, открывается зрелище, всегда приводящее меня в восторг, хотя не раз наблюдал, как внезапно распахивается темная бездна и на протяжении многих километров вырисовывается намеченный пунктиром огней контур гигантского рудника, а там, за громадой леса,— высотные сооружения шестой асбофабрики...

Самолет уже спускается к посадочным знакам Кольцово, а перед глазами все еще мерцают россыпью далеких уголочков, заставляя сжиматься сердце, всегда узнаваемые места, без которых немислимо ни жить, ни дышать...

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Вот и завершился мой рассказ о родном городе. И оторопь берет: неужто все сказал, неужто выплеснул все мысли, чувства, что бродили во мне, когда брался за эту книгу, когда долгими осенними ночами обдумывал главы и расшифровывал старые документы.

Нет, многое, к сожалению, осталось в тайниках души: и те жаркие летние дни, когда единым махом сгорел целый квартал только что построенных двухэтажных домов за теперешней улицей 8 Марта; и радостный гомон послевоенных лет, на фоне которого выделялись фронтовики-инвалиды в застиранных гимнастерках; и серебристая пыль наших дорог, не знавших асфальта, по которым удирали

от строгой милиционерки наши шустрые, в вечных цыпках ноги; и первая в жизни кинокартина под названием «Чапаев», которую крутили бесплатно для всего города на фасаде детдома; и предутренняя очередь в хлебную лавку возле старого соснового парка; и лилипутский цирк (только один день — проездом!)

Много личного осталось за страницами документальной повести. Мне бы, например, очень хотелось рассказать о старших братьях, которые пришли в карьер мальчишками в начале войны, о том, как тринадцатилетний Семен, машинист экскаватора, в ночную смену убежал из забоя, когда произошла неведомая ему поломка машины, забрался на полати нашей каютки в Талицком поселке, и мастер, суровый мужик преклонных лет, стаскивал его за разноцветные валенки (один черный, другой серый) и грозил судом, а затем целовал его в макушку и вместе с ним плакал. Потом, в сорок пятом, братья получают медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Еще через пять лет отцу моему, Ивану Семеновичу, будет радостно читать Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников асбестовой промышленности орденами и медалями: в списке награжденных была и наша фамилия.

Хотелось бы больше рассказать о моей матери, еще до войны работавшей отбойщицей в карьере Центрального рудника. После смены приходила она в казарму на улице Шахтерской, а там дети — сначала двое, затем трое, четверо, пятеро. И она, Наталья Артемьевна, через все трудности прошла, все преодолела.

Много осталось за пределами книги фактов истории и фамилий героев войны, деятелей про-

мышленности и культуры, живших или живущих в нашем городе.

Немало лет прожил я по соседству со стариком Тесленко, бывало, в детстве озорничал на его огороде, а потом — как гром среди ясного дня — узнал, что скромный экономист Октябрьской фабрики воевал в кавбригаде Григория Котовского. Ему, выходцу из дворян, героический комбриг за безудержную храбрость отдал в награду личного боевого коня. Если бы это знать раньше! К слову, Сергей Федорович писал стихи, увлекался музыкой, был режиссером в народном театре. Какая завидная судьба!

Удивительно, как богата наша земля талантливыми людьми!

Старожилы упрекнут: что ж ты Флягина обошел вниманием, о нем не двумя строчками надо писать. Действительно, Иван Петрович Флягин — гордость асбестовой промышленности. Автор хитроумных горняцких инструментов, человек, без стука входивший к наркому, в войну он выполнял задания по добыче отборного асбеста на 1000 процентов. И сразу вспоминаются другие прославленные забойщики: Дмитрий Доброчасов, Теляк-Баянов...

И герои последней войны незаметно уходят из жизни. Среди наших земляков есть несколько участников Парада Победы: Василий Брызгалов, Иван Макаров, Николай Бутаков, Дмитрий Глухов... Ставлю многоточие, потому что список неполон.

Отдаю себе отчет, что и день сегодняшний в книге фрагментарен, очерчен пунктирно. А завтра и предсказать трудно.

Утешение здесь одно. Минут годы, появится человек, склонный к перу, и опишет все то, что мной упущено, не увидено, и то, что мне увидеть не дано.

Пора ставить точку. Пусть станет ею строфа из стихотворения, родившегося под старыми тополями на Садовой:

Быть своим и людям и природе —
Вот простое счастье бытия.
Жимолость. Костер на огороде.
Родина осенняя моя.

ХРОНИКА

- 1885 год — открытие Баженовского месторождения хризотил-асбеста А. П. Ладыженским.
февраль
- 1889 год — начало разработки месторождения: добыты первые пуды асбеста.
июнь
- 1897 год — открыта первая в России асбообогащительная фабрика.
- 1905 год — на приисках проведена однодневная забастовка рабочих.
- 1917 год — создана партийная организация Вознесенского прииска.
март
- апрель — образован Совет рабочих депутатов.
- 1918 год — асбестовые предприятия Баженовского района объявлены собственностью РСФСР.
- 1919 год — создана комсомольская организация.
сентябрь
- 1922 год — организован государственный трест Ураласбест.
- 1927 год — в карьерах появился первый электрический экскаватор.
- 1929 год — вышел первый номер газеты «Асбестовский рабочий».
май
- 1930 год — пущена в эксплуатацию асбофабрика № 2 «Гигант».

- 1933 год — постановлением ВЦИК СССР рабочий поселок Асбест преобразован в город областного подчинения.
- 1935 год — введена в эксплуатацию асбофабрика № 3 «Асбогигант».
- 1943 год — на ремонтно-механическом заводе получена бессемеровская сталь; коллективу завода присуждено Красное знамя Наркомата промстройматериалов, оно оставлено на вечное хранение.
- 1945 год — коллективу завода УралАТИ передано на вечное хранение Красное знамя ГКО СССР.
- 1950 год — организован Всесоюзный НИИ асбестовой промышленности.
- 1955 год — вошла в строй действующих асбофабрика № 5.
- 1961 год — вошла в строй действующих вторая очередь асбофабрики № 4 (цех рядовых руд).
- 1966 год — горно-обогатительный комбинат Ураласбест награжден орденом Ленина.
- 1969 год — построена асбофабрика № 6.
- 1970 год — пущен в эксплуатацию первый энергоблок Рефтинской ГРЭС на 300 мегаватт.
- 1971 год — население Асбеста перевалило за 100 тысяч человек.
- 1975 год — на Рефтинской ГРЭС начался монтаж первого энергоблока мощностью 500 мегаватт.
- 1980 год — Рефтинская ГРЭС набрала проектную мощность 3,8 миллиона киловатт.
- 1981 год — построена первая очередь Рефтинской бройлерной птицефабрики.

- 1985 год — введена в эксплуатацию вторая очередь Рефтинской бройлерной птицефабрики.
- 1986 год — Уральский завод АТИ награжден орденом Трудового Красного Знамени.
- 1987 год — пущен в эксплуатацию новый автовокзал.
- 1988 год — две трети предприятий города перешли на самофинансирование и хозяйственный расчет.
- 1989 год — начата застройка Заречного района; исполнилось 100 лет со дня основания города Асбеста.

**АСБЕСТОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,
ГОРОД АСБЕСТ И ЕГО ЛЮДИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ,
ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ И СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Книги

Курицын И. Уральские асбестовые рудники.— Свердловск — Москва: ОГИЗ, 1932.

Соболев Н. Д. Асбест. Его свойства, происхождение, месторождения и применение.— Москва — Ленинград — Новосибирск: ГОНТИ, 1933.

Муравенко В. Перегнать Канаду (Стахановцы асбестовой промышленности).— Свердловск — Москва, 1936.

Ликстанов И. Зелен камень.— Свердловск, 1958.

Дижур Б. Волокнистый камень.— Свердловск, 1958.

Ферсман А. Волокнистые камни // Занимательная минералогия.— Свердловск, 1954.— С. 125—128.

Писаржевский О. А. Ферсман (Серия ЖЗЛ).— М.: Мол. гвардия.— С. 105—111.

Федоров В. Мой метод бурения.— Свердловск, 1952.

Носков Н. Лучше использовать оборудование.— Свердловск, 1953.

Никитин П. Шагая в будущее.— Свердловск, 1964.

Сквозь годы.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967.— С. 35—38.

Кузнецов А. Подвиг офицера.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969.

- Пророкова С. Николай Аввакумов.— М.: Сов. художник, 1969.
- Никитин П., Рубцов Н. Город горного льна.— 2-е изд.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970.
- Золотые звезды свердловчан.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970.— С. 186—187.
- Парамонов И. В. Пути пройденные.— М.: Политиздат, 1970.— С. 215—297.
- Шувалов Е. Урал индустриальный.— М.: Просвещение, 1974.— С. 104—106.
- Мельников Н. Горные инженеры.— М.: Наука, 1974.— С. 239, 249.
- Марьев Б. Мой Урал.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1972.— С. 46—63.
- Идущие впереди.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974.— С. 41—52.
- Рабочие династии Урала.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1977.— С. 235—294.
- Коровин М. П. Тяжелый ковш.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975.
- Парамонов И. В. Учиться управлять.— 3-е изд.— М.: Экономика, 1977.— С. 31, 60, 85—86, 129, 135—140.
- Левин Ю. Поиск продолжается.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1976.— С. 39—43.
- Щипачев С. П. Собр. соч. в 3-х т.— М.: Худож. лит., 1976.— Т. 1.— С. 409, 426, 427.— Т. 2.— С. 79—90.
- Бажов П. П. Соч. в 3-х т.— М.: Правда, 1976. Т. 2.— С. 96—107.
- Справочник-календарь Свердловской области.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1968.— С. 87, 115.
- Боровских П. И. Взрыв не произошел.— Киев: Политиздат Украины, 1979.

Рыскин М. В. Асбест в мировой экономике.— М.: Изд-во ИМО, 1969.

Белов М., Дябин Н., Копосов Ю. и др. Практика обогащения асбестовых руд.— М.: Недра, 1975.

Силуков И., Иванов Ю. и др. Огни Рефта.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980.

Шакинко И. Загадка уральского изумруда.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980.— С. 243—295.

Анимица Е. Города Среднего Урала.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.— С. 86—92.

Исаков В. Макушка Валдая.— М.: Моск. рабочий, 1984.— С. 111—142.

Чечулин А. И. Асбест.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985.

Чечулин А. И. Н. М. Аввакумов.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988.

Степанов В. И., Чечулин А. И. Грани перестройки.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988.

Журнальные публикации

Луначарский А. В. Творчество Миронова // Красная нива.— 1925.— № 15—16.

Златова Е. А кругом — леса... // Знамя.— 1964.— № 1.— С. 142—152.

Борисов К. Стройка и судьба // Урал.— 1967.— № 12.— С. 136—143.

Бетев С. Шестая строится // Уральский следопыт.— 1969.— № 1.— С. 18—21.

Шакинко И. Смарагд гор Рифейских // Урал.— 1974.— № 9.— С. 121—126.

Комбинату Ураласбест—60 лет // Горный журнал.— 1982.—
№ 6.— С. 3—25.

Чечулин А. Растет в горах Урала лен // Урал.— 1984.—
№ 6.— С. 163—172.

Чечулин А. Художник Николай Аввакумов // Урал.— 1986.—
№ 8.— С. 147—155.

Чечулин А. Баллада о ленинских письмах // Урал.— 1987.—
№ 11.— С. 160—165.

Чечулин А. Художник Миронов // Уральский следопыт.—
1988.— № 1.— С. 62—63.

Гейман Л. Асбест // Наука и жизнь.— 1984.— № 2.—
С. 28—29.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Под старыми тополями	5
Зелен камень	15
Уральский Клондайк	25
Телеграмма из девятнадцатого года	35
Ходивший в «Красных орлах»	60
Чоновские караулы	70
Баллада о ленинских письмах	79
Жизнь в «Европейских номерах»	95
По законам военного времени	103
В огне не горит	117
В базарный день	132
Дедушка Головин и другие	139
Родина электричества	152
Улица нашей молодости	161
По делам государства	200
Признание в любви	210
Хроника	214
Асбестовая промышленность, город Асбест и его люди в художественной, документальной и специальной литературе	217

Чечулин А. И.

Ч-57 Асбест.— 2-е изд.— Свердловск: Сред.-
Урал. кн. изд-во, 1989.— 224 с., 16 с. ил.— (Го-
рода нашего края).

ISBN 5—7529—0168—5

В пер.: 50 к. 25 000 экз.

Переиздание книги об уральском городе, возникшем на бо-
гатайшем месторождении «горного льна».

Адресована широкому кругу читателей.

Ч 0803010401-024 75-89
М158(03)-89

ББК 63.3 (2Р36)

Алексей Иванович
Чечулин

АСБЕСТ

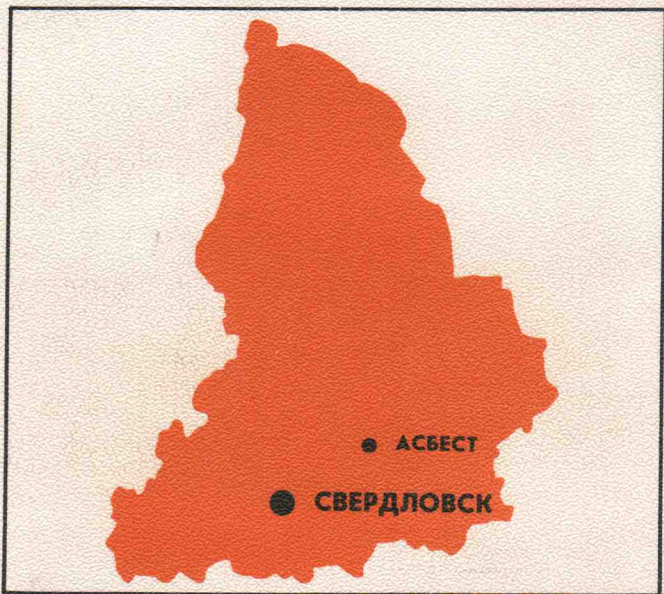
Редактор М. Э. Чупрякова
Художник О. И. Аплеснина
Художественный редактор М. М. Кошелева
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры О. А. Шадрина, М. А. Казанцева
ИБ № 1862

Сдано в набор 27.09.88. Подписано в печать 27.12.88. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,7. Усл. кр.-отт. 11,9. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 25 000. Заказ 436. Цена 50 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

ГОРОДА НАШЕГО КРАЯ

АСБЕСТ

Земля наша была до нас, останется и после. А будут ли помнить о нас потомки, если мы забудем тех, кто раньше жил вот тут, у этих карьеров, у неторопливого Рефта, что бежит, как и тысячи лет назад, подмывая пологие берега?

Так и запала думка: пока горячо, пока свежо в голове, записать без лукавства и прошлую, и нынешнюю жизнь. Без связи с прошлым цепь разрывается.

СВЕРДЛОВСК

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1989